
A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

РОМАНЪ

СТРАСТЬ
И
МЩЕНІЕ.

ЧАСТЬ I

АЛЕКСАНДРА ДОЛИНСКАГО.

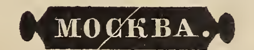
СТРАСТЬ
И
МЩЕНІЕ.

РОМАНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Александра Долинскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Въ Университетской Типографіи.

1836.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Декабря 22 дня 1835 года.

Ценсоръ Болдыревъ

ГЛАВА I.

Le vin dans tous les verres,
L'amour dans tous les yeux.

Victor Hugo.

Было довольно уже поздно. Подъ свинцовымъ мракомъ ночи, подъ привѣтнымъ звукомъ стакановъ, нѣсколько молодыхъ людей въ разноцвѣтныхъ фракахъ, то есть мундирахъ, громко разговаривали и еще громче смѣялись. Въ подобныхъ собраніяхъ обыкновенно чувствамъ не дадутъ разгуляться, но за то шутки прыгаютъ какъ

бѣсенята или какъ винные пузырьки въ стаканѣ. И въ это время бутылочная роса (извините новое сравненіе) была такъ плодотворна въ головахъ собесѣдниковъ, что если бы воздухъ имѣлъ свойство насыщаться острыми словами, то эта комната была бы превосходнымъ лѣкарствомъ для бальныхъ пустоцвѣтовъ, у которыхъ умная шутка такъ же рѣдко выростаетъ въ головѣ, какъ апельсинъ и лимонъ въ Сибири. Все привозное, ничего доморощеннаго!

Сперва женщины и вино, потомъ вино и женщины — были ходячею монетою разговора. Сердце точно волшебная прялка, женщина настоящая волшебная куколка! Скажите только хоть одну изъ буквъ, составляющихъ этѣ слова — и эта буква, какъ электрическая искра, заставитъ содрогнуться всѣ ваши нервы!... Господа, да что же такое есть женщина? говорили наши собесѣдники — и потомъ всякой высказывалъ свое мнѣніе, и потомъ всякой изъ нихъ съѣдалъ большой кусокъ грязи, по Персидскому выраженію. Но за то сра-

вненія и остроты сыпались какъ гинеи изъ кошелька Англійскаго джентльмена, когда онъ захочетъ потѣшить себя. Только о винѣ судили гораздо пристрастнѣе. Вообще люди болѣе наклонны къ дурному, нежели къ хорошему. (Надобно вамъ знать, что я женщину считаю однимъ изъ земныхъ благъ, а вино только серединой между добромъ и зломъ).

Между тѣмъ разговоръ мало по малу становился на дыбы, и вдругъ прыгнулъ до любви платонической. Мнѣнія раздѣлились. Завязался жаркой споръ. Дѣло шло о трудномъ покореніи — сердца разсудку.

— А вотъ, изволите видѣть — началъ капитанъ Стойкинъ, между тѣмъ, какъ голова его, по системѣ тяготѣнія, клонилась къ недопитому стакану, — изволите видѣть — я самъ Платоникъ.....

— То есть винный — замѣтилъ поручикъ Каринъ.

— Нѣтъ-съ, — здѣсь я скорѣе Эпикуреецъ: неистовъ до крайности!... Такъ, из-

волите видѣть — я Платоникъ.... Но чортъ побери этотъ Платонизмъ!... Надобно вамъ сказать.... При этомъ словѣ капитанъ успѣлъ хлебнуть изъ стакана, но не успѣлъ поднять головы своей: ея затылокъ остался въ горизонтальномъ положенiи — и капитанъ смолкъ.

— Стойкинъ усталъ до чрезвычайности, разсказывая! — замѣтилъ, смѣясь, тотъ же поручикъ.

— Ась? сказалъ капитанъ, поднимая голову: я буду продолжать-съ. Пфу! на чемъ бишь я остановился....

— Очень близко къ концу! —

— Неправда-съ. Въ началѣ-бѣ...

— Да подайте ему еще стаканъ пуншу — сказалъ молодой подполковникъ Лерскiй, — вино веселитъ сердце человѣка. —

— Остроумно сказано-съ! — замѣтилъ капитанъ — чтобы развязать языкъ-съ! Не повинуется! Эй! запиши въ журналъ, что я его арестую! —

Послѣ стакана пуншу, который былъ высосанъ до послѣдней капельки, Стойкинъ скомандовалъ на молитву и захрапѣлъ. Собесѣдники хохотали.

Разговоръ шелъ своимъ чередомъ.

— Можно ли вѣрить женщинѣ? — продолжалъ Маринъ: какъ изо льда не можетъ вылетѣть искра, такъ изъ женщины выпариться чувство. Нынче женщины не тѣ, которыя бывали въ среднія времена, когда молодой, и всегда прекрасной, пажъ вербовалъ сердце дочери какого нибудь готическаго барона; безпрестанно шалилъ, какъ въ извѣстной комедіи Коцебу, но всегда оставался при томъ, что его любили — и любили истинно, потому что тогда была такая мода. —

— Но, слава Богу! возразилъ подполковникъ, — и мы отъ любви непрочь! Это наша насущная пища! Безъ хлѣба тѣлу, безъ любви душѣ жить не возможно!

— Ну, право, господинъ подполковникъ, — мы или вы, молодые любовники, похожи на нищихъ съ сумою — нынче са-

мая плохая милостыня! И опять къ тому же заключенію — и на милостыню прошла мода!... Да, нынѣшнія дамы не даютъ потачки чувствамъ своимъ, и если чуть стали вылѣзать вонъ, такъ пусть же ихъ тратятся лучше по магазинамъ — на кисею и шелкъ, на токи и шляпки, на кольца и ожерелья, на газы и.... отнюдь не на сердце мущины! —

— Былъ Ѳома невѣрный, — сказалъ подполковникъ Марину, — а ты Ѳома ожесточенный! —

— Нисколько! съ вашего позволенія, mon cher Лерскій. Я сейчасъ же готовъ хвалить женщинъ. Онѣ умны, какъ зміи; онѣ прекрасны, какъ только онѣ сами; онѣ чувствительны — по мѣлочи — ко всѣмъ заразъ, и никогда къ одному!... И я готовъ ихъ за это хвалить и хвалить до безумія! —

— Ты чудный человѣкъ, Маринъ! Скажи же, по крайней мѣрѣ, пожалуйста, что̀ на твоемъ языкѣ значитъ женщина нынѣшняя — съ Китайской прической, съ

атласнымъ платьемъ, съ атласными башмаками, съ атласной кожей.... и, если хочешь, съ атласными чувствами? — Сыщи мнѣ для нее какое нибудь сравненіе. —

— Сравненіе?... Женщина можетъ быть сравнена только съ женщиной — для ней нѣтъ сравненія! —

— И ты всѣхъ женщинъ ставишь на одну доску? Ни для одной нѣтъ исключенія? —

— Кромѣ той, въ которую влюбленъ ты. Ради дружбы, я готовъ проповѣдывать ея небесное происхожденіе! —

— И такъ ты уже близокъ къ заключенію, что вчерашній балъ Княгини З. былъ только восковою выставкой?... Ни одного сердца не билось подъ этими чудными платьями, ни одни глаза не горѣли огнемъ божественнымъ — все было только обманъ, обманъ оптическій? —

— Если для тебя золотой вѣкъ продолжается, то для меня онъ уже давно

кончился! Вѣкъ хуже желѣзнаго, вѣкъ кислорода! —

— Такъ неужели этотъ балъ, которому подобнаго я давно уже не видывалъ, на которомъ собрался весь цвѣтъ съ матушки-Руси, — былъ для тебя такъ скученъ, что ты могъ на немъ репетировать твою горькую лекцію Мизогиніи?

— Нимало! я веселился на немъ какъ нельзя лучше! Я прыгалъ подъ музыку, я слушалъ съ отчаяннымъ вниманіемъ удушливые разсказы старыхъ законодательницъ — какъ лучше хвалить перерострихъ дочерей своихъ; я даже вздумалъ-было влюбиться въ одно веселинькое, простодушное созданьице, которое еще въ первый разъ было привезено на балъ и отъ того оно прыгало безъ умолку, безъ устали, начиная съ подъѣзда до самаго разъѣзда! —

— Я угадываю, что ты говоришь про Аделаиду З., которая вертѣла вмѣстѣ съ собою всѣ бальныя головы, и которая, вѣ-

роятно, уже успѣла влюбиться въ кого нибудь. Мой дядя говорилъ, что она приходится намъ какая-то дальная родственница — по крайней мѣрѣ по Адаму! —

— Да, кстати — перервалъ Маринъ — ты вчера хотѣлъ мнѣ показать свою десятую Музу, твоего ангела Софью Павловну; — но ты такъ проворно исчезъ, что я только и могъ видѣть отъ всего тебя — одни прыгающіе эполеты! —

— Видно, братъ, ты вчера смотрѣлъ сквозь тусклыя очки на дамъ — отвѣчалъ Лерскій — когда не могъ узнать ее! А мнѣ помнится, что и ты, мимоходомъ, ввернулъ комплиментъ ей, или, лучше сказать, чернымъ глазамъ ея, и — извини, mon cher — признаюсь, довольно неудачный! —

Маринъ не ожидалъ этого: онъ былъ пойманъ, и пойманъ врасплохъ. Однако онъ успѣлъ оправиться и отвѣчалъ: признаюсь, Лерскій, — эта Софья, эта прекрасная Софья, отъ которой у меня и теперь еще кружится голова.... Я не ожидалъ, чтобы

ты былъ влюбленъ въ нее; но когда такъ, — поклонъ любовнымъ затѣямъ!... О, отъ этой черноглазой Божьей птички, отъ ея обольстительныхъ, волшебныхъ пѣсенъ, убаюкивающихъ умъ и надежду.....

— Ну, кажется, и конца не будетъ! Чрезвычайно несвязно, братъ, ты изволишь похваливать ее. Впрочемъ, это дѣло стороннее, и я очень радъ, что ты одобряешь мой вкусъ. Это первый разъ въ жизни. —

— И ты точно влюбленъ въ нее, влюбленъ истинно? — сказалъ Маринъ подполковнику съ чувствомъ, въ которомъ просвѣчивалось сожалѣніе.

— Я не скажу тебѣ, что я влюбленъ. Тотъ еще не любитъ, кто говоритъ о любви своей. Любовь живетъ внутри насъ, и ея міръ довольно просторенъ, чтобы ей не рваться наружу.... Сердце нельзя разложить анатомическимъ ножемъ, чтобы послѣ составить подробную лекцію о любви. —

Маринъ не слыхалъ послѣднихъ словъ подполковника. Онъ стоялъ возлѣ окна и трезвонилъ по немъ пальцами.

— Ге, ге! — сказалъ Лерскій, — никакъ-то любовь въ самомъ дѣлѣ болѣзнь прилипчивая, когда и Маринъ чувствуетъ ея припадки! —

Маринъ холодно улыбнулся и простился съ подполковникомъ.

ГЛАВА II.

Аделаида къ Маріи.

Боже мой! съ чего начну я писать къ тебѣ письмо мое! Тысяча мыслей вертится въ головѣ моей — я не знаю, за которую взяться сперва: я бы хотѣла, ангелъ мой, всѣ ихъ переслать къ тебѣ по первому попутному вѣтру! Не можешь вообразить, сколько ощущеній привилось ко мнѣ въ одинъ вчерашній вечеръ! Сколько удовольствій, сколько радостей толпилось вокругъ меня и, схвативши меня въ объятія, оспоривали меня другъ у друга, осыпали меня своими блестками, заговаривали меня своими волшебными пѣсня

ми; — ахъ, другъ мой! можно ли было не забыться! Я была въ раю, я была въ настоящемъ раю! Понимаешь ли ты меня, что я хочу сказать тебѣ? — Я была на балѣ, на прекрасномъ балѣ Княгини З.

Помнишь ли ты, ангелъ мой, нашу пансіонскую надзирательницу, нашу старую болтунью, которая бывало безпрестанно твердила намъ, что на балѣ чрезвычайно скучно, что на балъ совершенно нельзя ѣздить, что тамъ разговоръ граничитъ съ зѣвотой, духота съ мороженымъ, вальсъ съ обморокомъ, насмѣшки съ комплиментами — ахъ, Боже мой! какая зловѣщая колдунья была наша старая надзирательница! Можно ли говорить такъ объ этомъ прекрасномъ. . . . извини меня — я не знаю даже, какое прибрать сюда существительное: моя пансіонская Грамматика уже изорвана на папильотки, и признаюсь, я чрезвычайно радовалась, видя, какъ она съ досады сперва краснѣла, потомъ чернѣла отъ припекальныхъ щипцовъ — это была месть ей — и еще слишкомъ легкая за столько ужасныхъ часовъ,

проведенныхъ съ нею; за то, что нѣсколько разъ, не выучивши урокъ изъ ней, я была поставлена на колѣни, я была оставлена безъ обѣда.... о, какъ отрадно мнѣ теперь: Грамматика кончилась, Грамматика на папильоткахъ!

Мы пріѣхали на балъ ровно въ одиннадцать часовъ. Не знаю, на ногахъ ли летѣла я по широкимъ лѣстницамъ до залы, чтобы поскорѣе взглянуть, что это за волшебный міръ такой.... И разгаданное было такъ же обольстительно, какъ угадываемое! Сколько огней горѣло въ залѣ! сколько кавалеровъ толпилось, сидѣло, танцовало! сколько дамъ — о, ихъ не даромъ называютъ ангелами! — какія эфирныя платья были на нихъ! Я боялась, что они исчезнутъ передо мной; что онѣ улетятъ на небо, и что эта зала была ни что иное, какъ волшебное сновидѣніе! Но, слава Богу! это все была дѣйствительность. Французскій языкъ лепеталъ во всѣхъ устахъ. Я окинула всѣхъ глазами — и глаза мои разбѣжались. За то нѣсколько глазъ остановилось на мнѣ — и я

не смѣшалась, потому что я была весела, потому что мнѣ нѣкогда было и подумать покраснѣть отъ этого! Между тѣмъ расцѣловавшись съ хозяйкою бала Княгинею З., нашею дальнею родственницею, и со всѣми знакомыми, я сѣла, чтобы отдохнуть отъ этого изумленія, чтобы немного ознакомиться съ бальнымъ воздухомъ. Я все смотрѣла — и только что смотрѣла! Ахъ, другъ мой, какъ премудръ Богъ, когда онъ создалъ такую прекрасную вещь, какъ наши глаза! (Разумѣется, не мои и твои только, а вообще всѣхъ людей). — Это вѣнецъ его творенія!... Передо мной дамы и кавалеры танцующіе свивались и развивались какъ волшебная нить образовъ; все бросалось въ глаза мнѣ — и жемчугъ и золото, и дамскія личики и адъютантскіе аксельбанты, и Генеральскія звѣзды, и Генеральшіскіе вѣеры! И особливо я радовалась, какъ здѣсь танцуютъ — прекрасно, легко, живописно! Я бы не соскучилась, кажется, цѣлый вѣкъ свой сиднемъ просидѣть на этомъ стулѣ передъ этой очаровательной группой.

Между тѣмъ, какъ я любовалась, возлѣ меня сѣлъ мущина лѣтъ пятидесяти, низенькаго роста, съ двумя большими звѣздами на груди. Я право, m'amie, рѣдко видала такое доброе, благородное лице, какое было у него. Онъ обратился ко мнѣ и тихо сказалъ мнѣ: вы не танцуете, — вамъ вѣрно здѣсь скучно?

Я учтиво отвѣчала ему, что здѣсь скучать для меня казалось бы непростительнымъ преступленіемъ, но что я недавно еще пріѣхала и потому не была еще никѣмъ приглашена.

Въ такомъ случаѣ, возразилъ онъ, позвольте мнѣ васъ попросить сдѣлать удовольствіе старику, если вы не сочтете это зловѣщимъ предзнаменованіемъ.

Я съ улыбкой подала ему руку — и мы пошли.

Знаю, что ты, моя вѣртлянка Marie, расхохочешься, читая эти слова: Аделаида прыгаетъ, Аделаида вскружила голову пятидесятилѣтнему старику, Аделаида комплиментируетъ старику, Аделаида. . . од-

нимъ словомъ: твоимъ восклицаніямъ, прикрѣпленнымъ къ моему имени, конца не будетъ! Но погоди, душенька! Право, mon Général танцуетъ такъ же превосходно, какъ и тотъ чернокудрявый усачъ — Каринъ, что ли ты называла его? — который также удачно командуетъ сердцемъ твоимъ, какъ и своей ротой. Право, между нами, я бы готова была отдать ему руку не на одинъ бальный вальсъ, но и на весь жизненный! . . . . Клянусь тебѣ, Marie, — его доброта, посѣдѣвшая вмѣстѣ съ волосами, и отъ того сдѣлавшаяся еще почтеннѣе, очаровала меня!

Мы сѣли.

Когда мы разговаривали, въ его словахъ блистали искры отличнаго ума и отличнаго остроумія. Онъ разсказывалъ мнѣ о прежней службѣ своей. Онъ былъ морякъ. Это былъ разсказъ заманчивый — и все такъ кратко, такъ легко, что мнѣ казалось, будто его слова были красивѣе блеску его бриліантоваго перстня. Потомъ онъ обратилъ разговоръ на окружающихъ и тихо сказалъ мнѣ: посмотри-

те, сколько золота на этой дамѣ! Я готовъ биться объ закладъ, что она покупала его съ вѣсу — фунтами!

— Но, Генералъ, отвѣчала я, — говорятъ, золото придаетъ болѣе вѣсу въ глазахъ мущинъ. —

— Ваша правда, возразилъ онъ. Но это хитрая дамская уловка. Чтобы заставить смотрѣть мущинъ, онѣ выставляютъ передъ ними золото, когда не въ силахъ заставить смотрѣть на себя. — Потомъ Генералъ пристально посмотрѣлъ на меня и прибавилъ: прекрасное не требуетъ излишнихъ украшенiй! Золото и жемчугъ такъ же для него нужны, какъ шквалъ кораблю. —

Я совершенно не ожидала отъ него комплимента, и отъ того онъ показался мнѣ гораздо прiятнѣе, хотя этотъ комплиментъ былъ настоящiй корабельный. Такъ отъ него сильно пахло морскою горькосоленою водицей!

— И вотъ, продолжалъ Генералъ — посмотрите: этотъ офицеръ гармонируетъ

съ этой дамой — сколько на ней золота, столько на немъ мишуры. —

Я взглянула на молодаго человѣка, о которомъ говорилъ Генералъ и покраснѣла — съ досады. Я осердилась на Генерала. Молодой человѣкъ не стоилъ такой обидной гармоніи. На немъ было все прекрасно, ничего излишняго, ничего изысканнаго, начиная съ мундира до самаго лица его. Я уже давно замѣтила, что онъ смотрѣлъ на меня, но я пропускала это безъ вниманія; теперь я имѣла право взглянуть на него гораздо пристальнѣе — я какъ бы была участницею обиды, ему нанесенной. Не знаю, замѣтилъ-ли это мой Генералъ, или нѣтъ, но онъ сей часъ же раскланялся, и въ ту же минуту офицеръ подошелъ ко мнѣ и учтиво попросилъ меня протанцовать съ нимъ. Я, какъ ты можешь вообразить, рада была случаю вертѣться и никому въ свѣтѣ не отказала бы.

Ахъ, ma chere, какъ прекрасенъ былъ тотъ человѣкъ, который выдумалъ танцы —

это перлъ выдумокъ человѣческаго разума! Притомъ мой партнёръ танцовалъ такъ превосходно, гораздо превосходнѣе Генерала; его аксельбантъ такъ мило рисовался на груди его, что право, m'amie, прыгая съ нимъ, я невольно всматривалась въ лицо его.... Не знаю, съ чего мнѣ пришло въ голову отыскивать на немъ то, чего я сама не знаю. И теперь если бы ты спросила меня: каковъ онъ собою? я не могла бы отвѣчать тебѣ утвердительно. Но при этомъ вопросѣ я, можетъ быть, покраснѣла бы; можетъ быть, невольно задумалась бы, вспоминая черты лица его. Притомъ молодой человѣкъ такъ прекрасно говорилъ и, разговаривая, знакомилъ меня съ посѣтителями и посѣтительницами этого бала; его шутки были такъ остры... какъ твое зрѣніе, Марія; такъ легки... какъ пирожное!... О, какъ жалко, что этотъ вечеръ пролетѣлъ такъ быстро! Я совершенно не замѣтила времени — когда-это успѣло пролетѣть оно! Маменька подошла ко мнѣ и сказала, что уже пять часовъ, что всѣ уже разъѣз-

жаются .... О, моя душинька, эта вѣсть была для меня такъ же непріятна, какъ и пансіонскій звонокъ - бывало, чтобы идти въ классъ!... И вотъ я теперь сижу дома, скучна, невесела! Отправляю къ тебѣ, Marie, двѣ мои слезки въ письмѣ этомъ вмѣстѣ съ моимъ именемъ.

ГЛАВА III.

У каждаго свой вкусъ, свой судъ и голосъ свой.

К. Вяземскій.

Догадались вы, или не догадались — это все равно, но офицеръ, о которомъ говорила Аделаида, былъ Маринъ. Въ то время, когда она разговаривала съ Генераломъ, Маринъ стоялъ, сложа руки, возлѣ колонны, неподвижно, между тѣмъ какъ глаза его скользили по полудѣтскимъ очеркамъ лица ея. Въ этомъ блѣдниинькомъ, полномъ жизнію личикѣ, еще несовершенно образовавшемся, если только можно такъ выразиться, было что-то для него неизъяснимо привле-

кательное. Если бы это была первая, которую онъ встрѣтилъ и при которой онъ могъ забыться, то это впечатлѣніе, можетъ быть, было бы чисто и глубоко. Но привыкнувъ къ разсѣянности въ жизни, нѣсколько разъ обманутый прихотливымъ вниманіемъ женщинъ, которыя могутъ отвѣять своимъ вѣеромъ всякое чувство, которое вздумаетъ, не спросясь, прильнуть къ сердцу ихъ, какъ докучливую муху, — онъ потерялъ вѣру въ женщинъ, почитая ихъ существами особаго рода, такъ легкими, такъ прекрасными — для одного зрѣнія, какъ ихъ газовыя платья — не болѣе! Кто говорилъ ему, что въ женщинѣ есть чувства, тому онъ отвѣчалъ: есть — зрѣніе для цвѣтовъ, слухъ для комплиментовъ, вкусъ для ананасовъ, осязаніе — ну, хоть для фортепіанныхъ клавишей!

Притомъ въ это время онъ, можетъ быть, болѣе по самолюбію (а самолюбіе, вамъ извѣстно, такой звѣрокъ, который вѣчно бываетъ голоденъ), занимался только Софьей Павловной. Черные, обольстительные глаза ея, отъ которыхъ, кажется, сыпались искры,

заставляли его содрогаться всякой разъ, когда онъ встрѣчалъ ихъ. Это не могла быть любовь, но это было какое-то особенное чувство, еще доселѣ не окрещенное собственнымъ именемъ; одно изъ тѣхъ, которыя принадлежатъ къ наружной, а не къ внутренней оболочкѣ сердца. Онъ слѣдилъ съ боязливой ревностью за каждымъ ея движеніемъ; не могъ надѣяться, что она могла быть его, но не хотѣлъ, что бы она была и чья нибудь. Послѣ, когда подполковникъ объяснилъ, кто была Софья Павловна, Маринъ совершенно забылъ про Аделаиду. Его самолюбіе было оскорблено, и это произвело въ немъ то, что онъ могъ. заглушить всякое чувство, возникающее въ груди его. Чувство самолюбія иногда преодолѣваетъ чувство любви.

Спустя три дня послѣ вечеринки у Лерскаго, подполковникъ зашелъ навѣстить Марина. Онъ засталъ его дома, дружески бесѣдующаго съ капитаномъ Стойкинымъ за стаканомъ пуншу.

— А, Русскій Бахусъ! сказалъ подполковникъ, взявши за руку капитана, — возлѣ стакана пуншу всегда можно надѣяться найти Стойкина, возлѣ Стойкина стаканъ пуншу — друзья неразлучные! —

— И у васъ обоняніе видимо исправляется, господинъ подполковникъ! сказалъ съ усмѣшкою капитанъ.

— Благодаря тебѣ, братецъ — за версту слышу, гдѣ ты бесѣдуешь! Но шутки въ сторону. Я зашелъ только спросить Александра Петровича: каково здоровье вашего сердца?

— Прекрасное! отвѣчалъ Маринъ: можно ручаться, что всякое чувство для него теперь не болѣе, какъ сквозной вѣтеръ!

— Онъ-то и есть самый опасной! сказалъ Лерскій.

— Ничего! возразилъ Маринъ. Вѣдь послѣ него бываетъ лихорадка, то есть ознобъ!

— Я думаю, также можно ручаться, что отъ перваго встрѣтившагося ясновельможнаго личика васъ броситъ въ жаръ!

— Не знаю! отвѣчалъ разсѣянно Маринъ. Впрочемъ, я вамъ говорилъ, что отъ женщинъ, отъ этихъ восковыхъ куколокъ, нельзя требовать сильныхъ чувствъ, потому что онѣ отъ нихъ могутъ растопиться!

— Бѣдная Софья Павловна! сказалъ подполковникъ: какую она сотворила страшную теорію! —

Лице Марина при этомъ словѣ вспыхнуло. Не одна она! отвѣчалъ онъ почти съ сердцемъ подполковнику.

— Ну такъ бѣдныя женщины! возразилъ Лерскій. Вы, Маринъ, отнимаете у нихъ послѣднее сокровище, которымъ онѣ владѣютъ по завѣщанію природы — именно любовь.

— Сокровище? То-то онѣ такъ и берегутъ его, какъ будто заклятое чародѣемъ. Онѣ такъ бережно выщитываютъ для каждаго бальнаго вечера чувства свои, какъ будто сколько обмѣряютъ, столько проживутъ лишняго!

— Но вы, кажется, забыли, возразилъ подполковникъ, что любовь и жизнь у нихъ одно и тоже!

— Чортъ знаетъ! вскричалъ капитанъ: что у васъ любовь за болѣзнь такая! (Надобно знать, что капитанъ только тогда признавалъ въ себѣ любовь платоническую, когда Бахусъ садился верхомъ на него).

— Самая прилипчивая! сказалъ подполковникъ.

— Я такъ и думалъ, что она эпидемическая въ родѣ холеры. И вѣрно получила свое начало, какъ и эта, въ Индіи. Вотъ и изволитъ разгуливать по всему бѣлому свѣту, да тѣшиться надъ бѣдными докторами, которые до сего времени не нашли средствъ, какъ отъ нея избавиться. Впрочемъ, спасибо и за то, что нашли средство, какъ узнавать зараженныхъ ею!

— А какъ это? спросилъ Маринъ.

— Какъ это? повторилъ Стойкинъ. Точно такъ же, какъ и съ вами намедни. Сперва находитъ столбнякъ, который нынче называютъ мечтательностію; потомъ начинаютъ бредить такую дичь, какой блаженной памяти и Пифіи не выдумать бы!

— А бѣда, если и ты, капитанъ, влюбишься въ какую нибудь чернокудрявую дѣвочку съ глазами жгущими, съ устами поющими, съ щеками цвѣтущими и со всѣми снадобьями влекущими! — сказалъ, смѣясь, подполковникъ.

— Я морякъ! — хладнокровно возразилъ Стойкинъ. Нашъ братъ навсегда застрахованъ отъ этой эпидеміи. Чортъ возьми! что за привольное житье у насъ! Выучивай названія корабельныхъ веревокъ; ласкайся къ пушкамъ и корабельному носу; будь чувствителенъ къ перемѣнѣ погоды; разъѣзжай по всему водяному міру, да знакомься съ его безногими обитателями — и дѣлу конецъ! Впрочемъ, чортъ знаетъ! на всякой случай припасу хлоровой извести. Ее очень хвалятъ отъ заразительности.

— Еге, Меркурій Меркурьевичь! вамъ вѣрно не извѣстно, что изъ хлоровой извести выходитъ самая плохая настойка.

— Не нашему желудку, Купидонъ Купидоновичь, разбирать это. У насъ есть по-

словица: морскому желудку хоть чортова мяса дай, такъ переваритъ!

— Теперь и я согласенъ, господинъ капитанъ, что такое вкусное жаркое надобно запивать такою настойкой.

— Ну вотъ, сказалъ Маринъ, — у васъ на кораблѣ ведется и про чорта пословица. Куда бы хорошо было, если бы хоть на уду вытащили его!

— На какую уду чортъ пойдетъ, возразилъ капитанъ, — вѣдь онъ сухопутной! Впрочемъ, господа, баста! Я боюсь, чтобы нашъ разговоръ не добрался наконецъ до привидѣній. Чортъ въ разговорѣ еще сносенъ: его имя хоть въ ухѣ шуршитъ; а эти привидѣнія, которыхъ старыя нянюшки, какъ циплятъ, высиживаютъ въ зимнія ночи, — къ чорту и въ подметки не годятся! —

— Хорошо, сказалъ подполковникъ, что у васъ на морѣ не любятъ ихъ; а посмотри-ка у насъ ныньче на нихъ какая мода! Предчувствія, привидѣнія, тайны природы — повисли у всѣхъ на языкѣ какъ серьга

въ ухѣ! А всему этому виною Индѣйской Браминъ, который цѣлую жизнь свою просмотрѣлъ на свой носъ. Это былъ первый шагъ къ чудесному.

— Фу, чортъ возьми! сказалъ капитанъ, да неужели онъ искалъ какой нибудь тайны природы на кончикѣ своего носа?

— Довольно объ этомъ, господа! сказалъ Маринъ. Я объясню вамъ эту остроумную басню. Она доказываетъ только, что человѣкъ ничего не можетъ видѣть далѣе своего носа.

— Ну, довольно! сказалъ Стойкинъ, и сталъ смотрѣть въ пустой стаканъ свой. — Ваша правда, прибавилъ онъ, посмотрѣвъ на Марина, — и я нахожусь въ числѣ этихъ близорукихъ людей: сколько не смотрю на этотъ пустой стаканъ, а всё ничего не вижу.

— Вотъ странность! сказалъ Маринъ, а вѣдь и воздухъ, говорятъ естествоиспытатели, есть тоже жидкость!

— Это правда, возразилъ капитанъ, но изъ всѣхъ жидкостей я терплю одну

только виноградную. Кажется, это господинъ Ямаецъ, продолжалъ онъ, взявши бутылку и пристально уставивъ глаза свои въ ея горло, какъ будто хотѣлъ испытать надъ ней силу магнетизма. Право, господинъ подполковникъ, въ подобныхъ этому чужестранцахъ есть что-то такое неизъяснимое, что насильно привязываешься къ нимъ всей душою; напримѣръ въ этомъ — какой умъ, какая ловкость! Особливо обхожденіе — утонченное, очаровательное! Не угодно ли вамъ будетъ съ нимъ познакомиться?

— Нельзя же отказаться, отвѣчалъ подполковникъ, если онъ ѣхалъ такъ далеко, чтобы испытать гостепріимство Рускаго желудка!

— Съ вашего позволенія, господинъ подполковникъ, сказалъ капитанъ, — а во сколько бутылокъ потянетъ ваше гостепріимство?

— Извините, господинъ капитанъ: на этотъ разъ я не очень радушливъ, и со мною

еще не было случая, чтобы мой желудокъ громно вопiялъ, что не въ силахъ перенести болѣе.

— Это вѣроятно отъ того, господинъ подполковникъ, что онъ у васъ какъ грецкая губка — чѣмъ болѣе сосетъ, тѣмъ труднѣе насытить его — сказалъ капитанъ, сопровождая отвѣтъ свой гримасой, которою онъ давалъ знать, что природа и ему не отказала въ остроумiи.

— Прекрасно, господинъ капитанъ! Но мнѣ, право, жалко васъ; между тѣмъ, какъ вы возражаете, вы могли бы въ это время нацѣживать вашу воронку. Вѣдь вы, вѣроятно, согласны съ тѣмъ мудрецомъ, который говоритъ, что нѣтъ ничего драгоцѣннѣе времени?

— И вина, прибавилъ Стойкинъ. —

Послѣ этого собесѣдники замолчали. Языки требовали отдохновенiя, между тѣмъ какъ воображенiе начинало разыграваться. На днѣ стакана всякой искалъ мыслей своихъ, какъ будто кладу, сокрытаго тамъ ка-

кимъ нибудь добрымъ духомъ, и который уже одинъ только капитанъ вынималъ не безъ излишнихъ приготовленій — онъ пилъ уже очертя голову.

— Чортъ возьми! сказалъ онъ, вотъ гдѣ, господа, должно искать начала Гофманщины! По этому, вѣроятно, и пристрастился къ ней вѣкъ нашъ, какъ вы изволили сказать, господинъ подполковникъ. Теперь и я сталъ даже нѣчто въ родѣ уродовъ Гофмана. Вы не повѣрите, господа, что мнѣ теперь чудится?

— Именно? спросилъ Маринъ.

— Именно?... А вотъ, видите-ль, мнѣ представляется, что я будто хожу мимо цѣлаго эскадрона бутылокъ и преважно ими командую. Слушайте: — эй, господа, смирно! Головами мнѣ не кивать, — я вѣдь не судья, не подкупишь! Ну, равняйся! Господинъ Бургонецъ, впередъ не соваться! Знатная порода у меня ничего не значитъ: подъ моимъ начальствомъ всѣ равны. Никому нѣтъ пощады. А ты, молодой Шам-

панецъ, — назадъ не прятаться! Отъ моего орлинаго взгляда не укроешься! Трусливъ братъ, какъ юнкеръ, въ первый разъ показавшійся непріятелю!... Ну, теперь хорошо, ребята!.... Только этотъ дьяволъ Мадерецъ начинаетъ покачиваться изъ стороны въ сторону, какъ часовой маятникъ — словно бѣлены объѣлся! Ну, да чортъ съ нимъ! худая трава изъ поля вонъ!.... Остальные выступай впередъ по два въ рядъ.... проходите мимо меня. Шапки долой! Айда ребята! Всѣхъ перецѣлую!

Капитанъ замолчалъ. Голова его повисла на сторону, будто желая доказать, что для ней воздухъ есть настоящая подушка. Верхнія рѣсницы его нѣсколько минутъ еще боролись съ нижними, но наконецъ заключили миръ, по коему капитану положено было выспаться.

ГЛАВА IV.

Doch eine Sprache braucht das Herz.
Schiller.

Каринъ къ Маріи.

Я умираю съ тоски здѣсь, милая Марія! Такъ скучно, такъ несносно мнѣ жить и не видѣть тебя! Вотъ уже три мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ я простился съ тобою; оставилъ вашу добринькую старушку Москву, которая владѣетъ такимъ неоцѣненнымъ сокровищемъ, которому бы позавидовалъ нашъ великолѣпный, нашъ

шумный Петербургъ! О, еслибы мнѣ поскорѣе увидѣть тебя! — Я бы не наговорился съ тобою досыта, я бы не насмотрѣлся на тебя вдоволь!... Сердце наслаждается только настоящимъ; оно страдаетъ въ прошедшемъ, милая Марія! Воспоминаніе не можетъ замѣнить настоящихъ радостей, и твои письма, ангелъ мой, писанныя твоей милой, очаровательной ручкой, подъ диктовку твоего очаровательнаго сердца, только на нѣсколько минутъ утѣшаютъ меня. Я перечитываю ихъ и думаю: Господи, Боже мой! если бы вмѣсто этого письма, вмѣсто этой холодной бумаги, сидѣла возлѣ меня моя Марія, и вмѣсто этихъ словъ, которыя я произношу самъ, они лепетались бы дивными, розовенькими губками Маріи, — вотъ тогда бы я могъ назваться счастливымъ!

Ты вѣрно въ шутку, милая Марія, спрашиваешь меня въ послѣднемъ письмѣ твоемъ: хороши ли дамы въ Петербургѣ, и которая мнѣ особенно нравится?... Ты все такая же рѣзвушка, какъ и за три мѣ-

сяца! Ты, кажется, еще не знаешь, изъ какихъ буквъ складывается печаль, даже самая маленькая! Бьюсь объ закладъ, что даже когда будетъ умирать твоя любимая бѣлка, ты и тогда не вздумаешь прослезиться!

Петербургскія дамы какъ и вездѣ, милая Марія. Есть хорошенькія, есть..... но зачѣмъ договаривать?.... Я столько уважаю полъ вашъ, что скажу тебѣ: здѣсь всё только однѣ хорошенькія! Но, Боже мой, если бы между ними была ты! —

Здѣсь, милая Марія, пристально всматриваюсь я въ каждое личико; ищу хоть маленькаго сходства съ тобою — и всё таки нѣтъ его здѣсь; всё таки не могу найти подобія! Не находя цѣлаго, я даже беру по частямъ, ангелъ мой! У одной волосы, у другой черныя звѣздочки — очи, у третьей ротикъ; — составлю въ мысляхъ своихъ изъ этихъ частей очаровательное цѣлое, — взгляну на твой портретъ — и очаровательное нисходитъ до степени обык-

новеннаго; разнородная красота исчезаетъ, и портретъ твой краснѣетъ отъ тысячи поцѣлуевъ моихъ!

Въ этѣ-то минуты, ангелъ мой! я переношусь на волшебныхъ крылушкахъ въ маленькую зелениньскую комнатку, гдѣ ты бывало такъ пристально заглядываешь въ мое сердце, что бѣдное никакъ не можетъ остаться на одномъ мѣстѣ, и, смотря на твои ножки, прыгающія по паркету, прыгаетъ въ груди моей! Ахъ, это золотой вѣкъ былъ для моего сердца!.... Но тѣ минуты, Марія, минуты моего бриллiантоваго вѣка, когда твои поцѣлуи.... не краснѣй, милый ангелъ мой! я не стану продолжать болѣе.... ты не велѣла никому сказывать объ этомъ.... я буду молчать.... молчать по тому, что говорить объ этомъ надобно чувствами, а бѣдняки мы еще не изобрѣли для нихъ условныхъ знаковъ, которые называются буквами! Этѣ буквы каждый носитъ въ груди своей, и никто еще не пересказалъ ихъ, никто еще не положилъ ихъ на бумагу!

Заключеніе письма твоего удивило меня до смерти, ангелъ мой! Ты пишешь, что ты просила Аделаиду З. *потихоньку* за мной присматривать. Ты говоришь, что всякой шагъ мой будетъ извѣстенъ тебѣ, что каждое слово мое долетитъ до слуха твоего, и что если я только вздумаю хоть однимъ глазкомъ засмотрѣться на какую нибудь дѣвушку, то ты меня при свиданіи такъ больно выдерешь за ухо, что послѣ этого глаза мои будутъ навсегда любоваться только одной землею, а не личиками!

Ахъ, милая, очаровательная простушка! для чего же ты говоришь мнѣ объ этомъ? Узнавши это, я буду остерегаться... Но нѣтъ, ангелъ мой! ничего не бойся! — Здѣшнія дамы такъ много занимаются прическoй и платьями, что ни одной минуты не остается имъ, чтобы вспомнить о своихъ чувствахъ — и бѣдныя чувства, запрятанныя въ такія великолѣпныя платья, никакъ не могутъ посягнуть, чтобы выглянуть изъ-за нихъ! —

Право, мнѣ иногда хочется, ангелъ мой! чтобъ ты испытала хоть самую маленькую порцію печали.... хотя самая маленькая ревность привязалась бы къ тебѣ! — Это было бы для меня неизъяснимо пріятно! Ты бы, можетъ быть, тогда стала гораздо чаще думать обо мнѣ, — а какое блаженство для меня, когда мое имя за столько верстъ будетъ шевелиться на губкахъ твоихъ! Особливо, когда подумаю: отъ чего же безцѣнная Марія прыгаетъ въ то время, когда я по каплѣ испиваю горькую чашу печали? Я никому не говорилъ о сердцѣ моемъ, но мои товарищи непремѣнно хотятъ знать причину тоски моей. Даже вашъ добрый докторъ, который недавно пріѣхалъ сюда, ради ея, непремѣнно хочетъ посадить меня въ ванну.

— Вы запустите вашу болѣзнь, господинъ Каринъ, говоритъ онъ, — и тогда васъ лѣчить будетъ чрезвычайно трудно. —

— Любезный докторъ, отвѣчалъ я: я не хочу вашего лѣкарства, я непремѣнно хочу остаться на всю жизнь больнымъ. —

— Какъ! вскрикнулъ онъ, и его глаза сдѣлались отъ испуга круглы, какъ у совы, — вы хотите умереть, вы не хотите лѣчиться? —

— Не хочу, любезный докторъ! не хочу отъ того, что ваши лѣкарства не помогутъ мнѣ! —

Услышавши это, мой докторъ сдѣлалъ такую страшную гримасу, отъ которой и я чуть не упалъ въ обморокъ. Какъ! вскрикнулъ онъ, — вамъ не помогутъ лѣкарства?... Да знаете ли, что они основаны на тысящелѣтней опытности, что безъ лѣкарства весь человѣческой родъ давно бы кончился?... Я знаю, продолжалъ онъ смягчившимся голосомъ, — вы страждете меланхоліей... о, эта болѣзнь, говорятъ, иногда можетъ превратиться въ лунатизмъ, — вы тогда будете бѣгать по стѣнамъ! —

— Ваша правда, любезный докторъ, — если приму вашего лѣкарства.

Добрый докторъ не ожидалъ этого. — Такъ умирайте же! вскрикнулъ онъ и, схвативши свою шляпу, хлопнулъ дверью, и че-

резъ одну минуту былъ уже за сто саженей отъ моего дома. Хорошо, что широкія поля шляпы его мѣшали встрѣчнымъ видѣть лице его. Сколько бы народу перепугалъ онъ!

Отвѣчай поскорѣй, милая Марія, пиши больше, сдѣлай письмо твое длиннымъ, какъ Графъ N.... и хоть одинъ поцѣлуй положи на подпись свою — хоть одну частичку твоего дыханія — можетъ быть, удастся мнѣ вдохнуть въ себя!

ГЛАВА V.

Der Zug des Herzens ist des Schicksals Stimme.

Schiller.

Это письмо застало Марію только за нѣсколько часовъ до отъѣзда въ Петербургъ. Какъ кстати была эта поѣздка! Притомъ же Маріи такъ наскучила Москва, эта бѣлокаменная старушка съ золотою головкой; ей такъ нетерпѣливо хотѣлось видѣть Петербургъ, въ которомъ давно уже блистали ея пансіонскія подруги, — что бѣдная дѣвушка не знала, что и дѣлать съ радости, и только попрыгивала на одной ножкѣ изъ комнаты въ комнату. —

Въ самомъ дѣлѣ, тѣмъ, которые никогда не видали Петербурга, онъ представляется въ какомъ-то фантастическомъ величіи. Оба уха стерегутъ каждое слово, когда объ немъ разсказываютъ. Какъ можно сравнить Петербургъ съ Москвою! Тамъ широкія, прямыя улицы пересѣкаютъ другъ друга и тянутся словно правильно, безъ грамматическихъ ошибокъ написанная страница какой нибудь умной книги; здѣсь улицы и переулки безпрестанно ссорятся между собою и виляютъ въ сторону другъ отъ друга, ковыляя, какъ стихи блаженной памяти Василія Кириловича Тредіаковскаго. Тамъ рѣшетка лѣтняго сада; тамъ огромные, великолѣпные дома, словно выстроенные сказочными великанами; тамъ Кронштатъ, куда Петербургскіе обитатели въ нѣсколько часовъ переѣзжаютъ верьхомъ на парахъ; туда приплываютъ самыя свѣжія устрицы, зная, что онѣ тамъ такъ же необходимы, какъ Французскія гувернантки. Однимъ словомъ: Петербургъ — чудо, Москва — совсѣмъ не чудо!

Первымъ дѣломъ Маріи, по пріѣздѣ въ Петербургъ, было — обнять поскорѣе свою милую пансіонскую подругу, свою Аделаиду, съ которою она вмѣстѣ училась — и говорить по Французски, и притворяться больною, и обманывать надзирательницу; съ которою она дѣлила свои свѣженькія чувства, свое беззаботное, подобно карточному, сердечко; съ которою она мечтала о будущемъ, представлявшемся имъ такъ же сладкимъ, какъ и конфекты, вмѣстѣ тихонько съѣденныя отъ другихъ соученицъ; съ которою она заранѣ соглашалась полонить всѣ сердца, которыя попадутся врасплохъ имъ; съ которою она твердила первые уроки и Грамматики и кокетства!.. О, это было прекрасное время! Пансіонская дружба связала неразрывными узами двухъ ровестницъ — и по лѣтамъ и по чувствамъ.

И вотъ, наконецъ, онѣ обнялись послѣ долгой разлуки. Вопросъ слѣдовалъ за вопросомъ, и отвѣты, какъ бѣдные инвалиды, никакъ не могли успѣвать за ними. Двумъ

подругамъ надобно было слишкомъ много пересказать другъ другу.

— Ты влюблена, бѣдняжечка! сказала Марія. Я, какъ по пальцамъ, могу перещитать, сколько ты провела безсонныхъ ночей, мечтая о томъ офицерѣ, о которомъ твой добрый Генералъ сдѣлалъ такое ѣдкое замѣчаніе! Но, ради Бога, скажи мнѣ, mon ange, видѣла ли ты его опять? Я увѣрена, что если ты влюблена въ него, то онъ влюбленъ въ тебя въ квадратѣ! Еслибъ я была мущиной, я бы влюбилась въ тебя до безумія. И у него вѣрно не каменное сердце. —

— И однакожъ, Машинька, я въ немъ ничего не замѣтила, что могло бы хоть польстить мнѣ. Онъ такъ холодно разговаривалъ со мной, такъ безчувственно глядѣлъ на меня!...

— Это тебѣ такъ показалось, мой ангельчикъ! Я увѣрена, что онъ теперь болѣе мечтаетъ о тебѣ, нежели о Генеральскихъ эполетахъ. —

— Однако я желала бы, чтобы его сердце было ближе ко мнѣ, нежели его эполеты къ толстымъ жгутикамъ! — возразила Аделаида. —

— Почему знать, мой ангельчикъ? Можетъ быть онъ теперь, подобно поэту, поетъ элегію о своемъ спокойствіи и призываетъ всѣхъ боговъ на помощь, чтобы они смягчили твое непреклонное сердце! —

— Эти боги давно уже вышли изъ моды, Машинька! и потому ихъ ныньче никто уже не проситъ объ этомъ. —

— Пустое, мой ангельчикъ! Надобно подслушать этихъ мущинъ, чтобы узнать, какъ они объ насъ думаютъ, когда ихъ сердце виситъ уже на одномъ волосочкѣ. Я увѣряю тебя, что наше имя вертится чаще у нихъ на языкѣ, нежели четки въ рукахъ Имана. —

— Но, Машинька, вѣдь не всѣ мущины походятъ на твоего Карина! а ты судишь обо всѣхъ по одному — сказала Аделаида. —

— Вотъ видишь, Аделаидочка! возразила Марія: болѣзнь сердца, право, есть самая лучшая изъ всѣхъ болѣзней. Эта блѣдность такъ пристала къ твоему личику, что если на первомъ балѣ, какъ я слышала, ты была такъ очаровательна, что всѣ мужскіе лорнеты сосредоточивались на твоемъ личикѣ, то на второмъ балѣ я предвѣщаю тебѣ сердца вмѣсто лорнетовъ. —

— Но, Marie, неужели ты думаешь, что я буду рада этимъ побѣдамъ, которыя достаются такъ же легко, какъ и теряются? —

— Отъ чего же нѣтъ! Для меня это самое любимое занятіе. Ты не повѣришь, какъ я проводила все время въ Москвѣ съ тѣхъ поръ, какъ *онъ* уѣхалъ въ Петербургъ. Я мѣняла каждый день моихъ почитателей, вмѣстѣ съ моими платьями; шутя, останавливала лорнетъ свой на какомъ нибудь модномъ франтѣ, въ которомъ только и было занимательнаго, что готическое жабо. И притомъ эти особы такъ самолюбивы, что готовы отъ души вѣрить, что для нихъ ничего на свѣтѣ

не существуетъ невозможнаго, всего менѣе — очаровать женщину. Надобно имѣть самое желѣзное терпѣніе, когда они что-нибудь разсказываютъ. Отъ нихъ такъ пахнетъ скукою, словно дымомъ во время ученья артиллеріи! Счастлива ты, Аделаидочка, что на первомъ балѣ никто къ тебѣ не привязался съ такими модными фразами, а то бы твой восторгъ вытянулся въ такое сухое выраженіе, что его непремѣнно надобно бы было вспрыснуть розовою водою! Только послушай — прелесть! Одинъ разсказываетъ, сколько разъ онъ былъ на балахъ, гдѣ и какъ ему удалось встрѣтиться съ Княжною N, которая прыгаетъ такъ по паркету, какъ фигляръ съ Испанскаго тромполина, или съ Графинею Z, у которой личико суше и желтѣе соломенки. Другой разсказываетъ тебѣ самой о тебѣ же самой, — восхищается твоими глазами, каждымъ словомъ твоимъ; по пальцамъ перебираетъ весь словарь сравненій; будетъ доказывать тебѣ, что когда ты даже чихнешь, то въ его ушахъ раздается небесная гармонія. Третій, немножко поумѣреннѣе, начнетъ

тебѣ обрисовывать бальныхъ посѣтителей. Старую Княгиню въ огромномъ токѣ назоветъ вѣтряною мѣльницею; стараго Князя, ея супруга, у котораго ноги такъ коротки, какъ у цапли, — человѣкомъ, который долженъ опасаться, чтобы не зацѣпить головой за мѣсяцъ; ихъ скромную тридцатилѣтнюю дочку — отставною пастушкой. Однимъ словомъ, Аделаидочка! я переверну свое замѣчаніе на другой бокъ и скажу: на балахъ было бы чрезвычайно весело, если бы подъ-часъ насъ не мучили длинными разсказами, которые, зѣвая и слушая, слушая и зѣвая, по неволѣ сравнишь съ дремучимъ лѣсомъ, изъ котораго нѣтъ выходу, и въ которомъ ты заблудилась вмѣстѣ съ этимъ несноснымъ разскащикомъ! —

— Неужели, Машинька, сказала Аделаида, и балы могутъ надоѣсть такъ какъ трюфели?... О, мнѣ совершенно напротивъ! Я была тогда такъ весела, веселѣе моей маленькой сестры, когда ей подарятъ новую игрушку! Для меня все было такъ ново, такъ восхитительно, что я желала бы, что-

бы время на этотъ разъ сдѣлалось безногимъ солдатомъ! Тѣ же самые люди, которыхъ я знала и прежде, и которыхъ не желала знать прежде, мнѣ казались совершенно другими, такъ занимательными, какъ стихи Пушкина, какъ повѣсти Марлинскаго. Самое обыкновенное дамское платье мнѣ казалось такъ прекраснымъ, что хоть бы Пери нарядить въ него. На каждую прическу, мнѣ казалось, было потрачено болѣе ума, нежели времени. — Каждый волосокъ былъ подобранъ къ волоску, словно риѳма къ риѳмѣ. И эти коротенькія перчаточки, вынизанныя шелковыми цвѣтами, всего болѣе розами, для меня были прелестнѣе самыхъ нѣжныхъ, самыхъ маленькихъ ручекъ. Даже самые башмачки мнѣ казались непремѣнно сшитыми тѣмъ искуснымъ волшебникомъ, о которомъ нянюшки разсказываютъ въ сказкѣ, вмѣстѣ съ дворцемъ, который былъ выстроенъ въ одну ночь. Такъ все было очаровательно тамъ! —

— И всё это отъ того, сказала Марія, что тамъ былъ твой офицеръ, который такъ

крѣпко привязалъ къ себѣ сердечко твое своимъ аксельбантомъ!... Мнѣ и самой было также весело, когда я была гдѣ нибудь вмѣстѣ съ моимъ Каринымъ. И разсказы не были такъ скучны, потому что я ихъ не слушала; и лица не были такъ странны, потому что я не смотрѣла на нихъ! Одни одинехоньки мы сидѣли съ нимъ. Онъ говорилъ, словно разсыпалъ бисерную нитку, и потомъ этотъ долгій прекрасый взглядъ — самое бисерное его выраженіе! —

— Счастлива ты, душечка, что онъ такъ тебя любитъ! Я думаю, онъ теперь такъ обрадуется, увидѣвши тебя здѣсь, что и поклониться забудетъ! О, я теперь знаю, что истинная радость, какъ и истинная любовь, выгоняетъ изъ сердца всѣ пустыя приличія! —

— Да, я увѣрена, Аделаидочка, что онъ меня любитъ истинно. Посмотрѣла бы ты, каковы его письма! Право, если вѣрить имъ, такъ и я не люблю его такъ, какъ онъ меня! Тысячу разъ повторяетъ: *люблю тебя!*

Начнетъ разсказывать что нибудь другое, остановится на половинѣ, ни взадъ, ни впередъ; всѣ мысли его растеряются, какъ булавки на балѣ, до того, что у него не остается ни одной, кромѣ: вспоминай обо мнѣ чаще! Таковы всѣ его письма, въ которыхъ слово люблю повторяется такъ же часто, какъ и мое имя! —

— Прекрасный человѣкъ! Я думаю, когда онъ прощался съ тобою, онъ былъ печаленъ, словно обойденный чиномъ! —

— О, душечка! за то и я наплакалась вдоволь! Не знаю, откуда взялось столько слезъ у меня! Когда онъ еще сидѣлъ возлѣ меня, я ни объ чемъ не думала, можетъ быть не могла думать, и только что всматривалась въ лицо его; но когда онъ въ послѣдній разъ поцѣловалъ мою руку — словно льдина упала на сердце мое! И тогда уже, когда я очувствовалась, она растопилась въ горячій потокъ слезъ! О, я никогда никому не пожелаю испытать этѣ минуты, которыя стережетъ одна мучительная печаль и не даетъ

проблеснуть лучу радости!... Конечно, это не слишкомъ надолго, и послѣ еще можно быть хотя притворно веселою, занимать шутками сердце свое и играть лорнетомъ своимъ, останавливая его на какомъ нибудь франтѣ, — а всё таки, когда остаешься одна, мысли твои улетаютъ вдаль къ любимой мечтѣ своей, или сосредоточиваются въ глубинѣ души и выжимаютъ слезы! —

Когда Марія говорила это, Аделаида сидѣла облокотясь на руку и, казалось, не слыхала словъ ея.

— Ты и при мнѣ замечталась, Аделаидочка! Въ самомъ дѣлѣ, мы съ тобой разговорились о такомъ печальномъ предметѣ, что если бы третій слушалъ насъ, то на половинѣ еще онъ спалъ бы уже богатырскимъ сномъ. Выберемъ что нибудь посвѣжѣе. Видѣла ли ты новую матерію на платьяхъ? — Это прелесть, душечка! Такъ легка, что безъ крыльевъ сдѣлаешься птичкой! Мама̀ хотѣла нынче же съѣздить въ магазинъ и поздравить меня этою обновой

съ счастливымъ пріѣздомъ.... Мы непремѣнно, мой ангельчикъ, сошьемъ съ тобой одинакія платья, — насъ не даромъ и въ пансіонѣ называли сестрами! Или, знаешь что? къ твоему личику чудо какъ пристанетъ черное платье! Притомъ же этотъ цвѣтъ такъ много выигрываетъ въ глазахъ у всѣхъ; въ немъ такъ много романическаго, какъ у покойной Радклифъ, или у не покойнаго Дарленкура! —

— Я думаю, сказала Аделаида: ты велишь и черный вуаль надѣть на глаза мнѣ, Машинька? —

— Въ самомъ дѣлѣ, Аделаидочка! Ты не знаешь, что нечаянность есть самое лучшее средство къ очарованію! Только надобно умѣть кстати отдернуть вуаль. Повѣрь мнѣ, это такая милая уловка, что стоитъ гораздо болѣе изученія, нежели скучная Грамматика! Впрочемъ, душечка, мы еще слишкомъ молоды, и безъ этого вспомогательнаго средства можемъ обойтиться. —

— Но, Машинька, когда я надѣну черное платье, такъ это вѣрно назовутъ моимъ капризомъ. —

— Тѣмъ лучше, душечка! Капризъ дѣвушки, особливо если она такая хорошенькая, цѣнится въ глазахъ мущинъ дороже жемчуга! И, кстати, вотъ самое лучшее средство испытать тебѣ того офицера: покажи видъ, что ты на него сердишься. Клянусь тебѣ, ангельчикъ, это будетъ безподобно! Всѣ его чувства выпрыгнутъ наружу, словно птицы изъ растворенной клѣтки!....

— О, душенька! сказала Аделаида: ты многому научилась въ бѣлокаменной! — И съ этимъ словомъ двѣ подруги вышли на балконъ.

ГЛАВА VI.

Можно сказать, что издалека еще слышно, какъ идетъ Русская весна. Природа, какъ будто наскучивши щеголять въ заячьей шубѣ, подтачиваетъ ее теплымъ воздухомъ, словно молью, рветъ ее въ клочки и между тѣмъ подготовляетъ себѣ бархатную зеленую тѣлогрѣйку. Первый цвѣтокъ, почуявъ, что ему такъ же ловко въ землѣ, какъ юнкеру въ тулупѣ, сперва высовываетъ свою головку, какъ будто желая обнюхать воздухъ, и узнавши, что здѣсь дышать ему гораздо привольнѣе, высовы-

вается весь. Дѣло только до примѣра. Не пройдетъ недѣли, а ужъ сотни этихъ малютокъ выпрыгнутъ изъ своей земляной колыбельки съ своими прекрасными головками, и, кажется, шепчутъ каждому прохожему: потише, любезный землякъ, не наступи на голову! — Постоянный Русскій житель — воробей, перестаетъ попрыгивать на одной ножкѣ и прятать другую, боясь отморозить ее, между тѣмъ какъ ворона, самая безталанная птица, усѣвшись на какой-нибудь кровлѣ и вытянувши свою шею, громко кричитъ прохожимъ: дождикъ будетъ! — какъ будто сердясь на нихъ, что они не имѣютъ такой же чудесной предвѣщательной способности.

Весна пришла — и блестящіе веселые балы получаютъ полугодовой отпускъ, вмѣстѣ съ шелковыми платьями, палатинами и теплыми башмаками. Всѣ модные магазины биткомъ набиты лучшимъ обществомъ, которое пріѣхало сюда переодѣваться изъ зимняго платья въ лѣтнее. — Возьмите себѣ наши мѣха, дайте намъ газовъ, не тѣхъ

газовъ, которые сводятъ съ ума ученыхъ, а тѣхъ, которые сводятъ модниковъ!

Надобно вамъ знать, что я до смерти люблю весну со всѣми ея принадлежностями, со всѣми причудами! Я смертельный охотникъ до ея яснаго утра, когда росинка дрожитъ на цвѣткѣ, въ которую первый лучь солнца роняетъ тысячу разноцвѣтныхъ искръ своихъ. Я люблю эти легкія, прозрачныя облака, разстилающіяся по небу, какъ дѣвственное покрывало, вышитое по краямъ золотыми лучами солнца; эту прекрасную ночь, послѣ прекраснаго дня, которая опускаетъ на лице свое темноцвѣтную ширинку, испещренную золотыми блестками, и этотъ мѣсяцъ, который такъ мило услуживаетъ прекрасному полу, и которому еще Василій Кириловичь Тредіаковскій, въ пылу своего вдохновенія, читалъ стихи свои! Я также люблю эти стихи, въ которыхъ покойный поэтъ нашъ такъ ловко выражаетъ чувства свои, такъ удачно умѣетъ ладить со стихомъ, что бумага Василія Кириловича была для стиховъ его настоящее

Прокрустово ложе. Бѣдный стихъ всегда изгибался передъ могущественнымъ поэтомъ гораздо покорнѣе, нежели вассалъ передъ грознымъ барономъ въ средніе вѣки. О, я вѣчный почитатель творца Тилемахіды и Деидаміи! Я всегда съ горестію упрекалъ моихъ соотечественниковъ, которые до сего времени еще не воздали должной хвалы этому генію — полнымъ собраніемъ твореній его.

Но дѣло о мѣсяцѣ, а не о поэтѣ, который въ самомъ дѣлѣ былъ только нашимъ луннымъ затмѣніемъ. Впрочемъ, если вамъ угодно, я готовъ бросить и мѣсяцъ и поэта за одинъ разъ. Одному покойной ночи на небѣ, другому въ могилѣ, въ которой одна только уже особенная шишка на головѣ, по ученію Галля, доказываетъ его піитическій талантъ.

И такъ я сказалъ вамъ, что люблю весну и ея разцвѣтающія деревья, которыя или скромно и важно стоятъ и, подобно астроному, кажется, смотрятъ на небо, или размахиваютъ своими сотнями рукъ, будто

разсуждають о какомъ нибудь важномъ предметѣ. Но особенно весна мила по тому, что въ это время начинаются загородныя и городовыя гулянья, въ которыхъ такъ много пищи и уму и сердцу, и особенно сердцу, потому что умъ, какъ неугомонный старикъ, совершенно не любитъ смотрѣть ни на вуали, ни на шляпки, ни на платья! Онъ взглянетъ на газовое платье и начнетъ выщитывать: чего стоитъ освѣщенiе газомъ города! Соломенная шляпка непремѣнно родитъ у него мысль, что соломою очень выгодно пожаръ тушить! (Онъ кажется и знать не хочетъ, что отъ соломенной шляпки можетъ произойти возгорѣнiе сердца!) Роскошная Турецкая шаль у него поселяетъ только отвращенiе, потому что мы доселѣ еще такъ много вывозимъ денегъ за границу на эти пустяки, которые и на нашихъ фабрикахъ дѣлаются, только не много похуже. Завѣтное золотое кольцо (и можетъ быть еще съ незабудкою) заставляетъ его трактовать о рудокопняхъ и кстати о рудокопателяхъ. Черный обольстительный башмачокъ для не-

го есть не иное что, какъ мысль, что заграничный сбытъ кожи для насъ чрезвычайно выгоденъ. О, я знаю: этотъ умъ большой чудакъ! Всё бы ему сидѣть въ тепломъ кабинетѣ, да въ мѣховомъ халатѣ! Всё бы онъ выдумывалъ новыя машины, которыя, подобно земноводнымъ, могутъ водиться и въ водѣ и на сушѣ; летаютъ такъ, что ихъ во времена Инквизиціи непремѣнно сочли бы движущимися посредствомъ нечистой (а совсѣмъ не паровой) силы, и ихъ изобрѣтателя заклятымъ чародѣемъ, у котораго весь адъ носитъ его ливрею и самъ сатана едва ли не дворецкой! Впрочемъ, спасибо этому уму! Благодаря ему, жизнь человѣческая скоро попадетъ подъ воздушный колоколъ, гдѣ всѣ несчастные случаи вытянутся вонъ, и въ ней останется одно только пустое счастіе. Тогда только, пожалуйста, вытащите поскорѣе жизнь вашу изъ-подъ этого колокола! Постарайтесь какъ можно осторожнѣе снять его!

Эти умы также большіе охотники до микроскопическихъ наблюденій. Одинъ вы-

тащитъ кита и представитъ вамъ самое полное его жизнеописаніе; другой — маленькаго муравья, и трактуетъ объ немъ такъ же подробно, какъ и о китѣ. (Въ обоихъ случаяхъ прошу не припоминать о Римскомъ огурцѣ, Г. Крылова).

Между тѣмъ сердце на этихъ гуляньяхъ занимается совсѣмъ противоположнымъ, нежели умъ. Черные и голубые глаза (надобно вамъ знать, что я ни чернымъ, ни голубымъ глазамъ не даю преимущества) бросаютъ въ него лучи свои, которые согрѣваютъ гораздо болѣе, нежели лунные. Оно очень любитъ смотрѣть на вуали, но гораздо болѣе подсматривать подъ вуали, и если увидитъ подъ нимъ личико, которое придется по его прихоти, затрепещетъ, словно птичка, попавшаяся въ силокъ, особливо если ему случится утащить и силокъ съ собою! Эта встрѣча съ личикомъ бываетъ такъ прекрасна, что оно прыгаетъ съ радости, будто провинціальная барышня, которая выучится танцовать Французскую кадриль. И вотъ,

попавши на истинную дорогу, сердце начинаетъ заводить свою безконечную сказку, въ которой само играетъ главную роль. Чудесныя приключенія, пересыпанныя разноцвѣтными каменьями лжи и одноцвѣтными истины, толкутся въ этой сказкѣ, словно комары въ теплую погоду. — Блаженная участь, кто умѣлъ выслушать подобную сказку до конца и не заснулъ на ея серединѣ!... Впрочемъ, сердце, какъ искусный разскащикъ, иногда любитъ пошутить на счетъ своего слушателя, и нарочно заводитъ сказку въ родѣ извѣстной о дворцѣ, который хотѣли строить изъ костей, еще донынѣ не размоченныхъ. —

Такимъ образомъ на одномъ загородномъ гуляньѣ Лерскій встрѣтился съ Мариными.

— А, ужасный женоненавистникъ! сказалъ подполковникъ, хватая его за руку: ты и сюда принесъ свою подмоченную *пороховую лядунку!* Но, братъ, я не ручаюсь за нынѣшній разъ,—здѣсь такъ много пламеннаго, что у тебя непремѣнно произойдетъ вспыш-

ка, отъ которой всѣ чувства твои будутъ трескаться, словно Конгревовы ракеты! —

— Какъ! возразилъ, Маринъ: стало быть ужъ найдено средство, отъ котораго и ледъ загорается? —

— Это ты на себѣ испытаешь! отвѣчалъ подполковникъ. Но, ради Бога, пустимся за этимъ тройнымъ созвѣздіемъ!.. Вѣдь астрономы утверждаютъ, что каждая звѣзда есть солнце — и вотъ какъ мы кстати угодили въ главные спутники! Я хоть буду нѣчто въ родѣ нашей земли и попрошу грѣть меня вотъ этому солнцу, что прохаживается въ серединѣ съ зонтикомъ противъ настоящаго солнца, съ которымъ мое вѣрно въ ссорѣ. —

— А мнѣ, братъ, позволь быть ужъ твоимъ спутникомъ, сказалъ Маринъ. Я буду довольствоваться и второкласною ролей. —

— Понимаю, сказалъ подполковникъ: ты вѣрно хочешь на этотъ разъ сдѣлаться кометою и прогулятъся по всему пространству. Начнемъ же, братъ, вмѣстѣ путеше-

ствовать. Вотъ и мое солнце на половинѣ пути вздумало садиться. —

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Маринъ, нынѣче, кажется, весь Петербургъ, то есть все изящное Петербурга....

— Постой, братъ, сказалъ подполковникъ: дай мнѣ перебить тебя, ради моего недоразумѣнія, — ты и вотъ эту фигуру, которую нельзя отнести ни къ одной половинѣ человѣческаго рода, считаешь въ числѣ изящнаго?..

— Разумѣется, отвѣчалъ Маринъ. Эта фигура, можетъ быть, красовалась при закладкѣ Петербурга, и вѣрно въ молодыя лѣта была не съ каменными чувствами, а то бы не состарѣлась! —

— Ха, ха! продолжалъ подполковникъ: посмотри, какъ она искусно движется на своихъ ножкахъ, которыя стали уже хилѣе пробочныхъ! Прекрасно! Вотъ словно смотрю на фарфоровую утку, которая плавала въ прудѣ Графа Z. За то я думаю, сколько докторовъ ѣздятъ каждый день къ ней,

чтобы, въ замѣну крови, наполнять жилы ея микстурой!... Но, Боже мой, посмотри, Маринъ, что это за дама, у которой соломенная шляпка вздумала, кажется, заигрывать съ вѣтромъ?.. Вѣроятно, она передразниваетъ госпожу свою, которая что-то очень ласково улыбается своему кавалеру... Бьюсь объ закладъ, что нынѣшній день Галль отыскалъ бы на головѣ ея мужа двѣ новыя шишки! —

— Чудное дѣло! отвѣчалъ Маринъ, — а давно ли ты споткнулся объ эту чувствительную статейку, старый фанатикъ? —

— Добро! возразилъ подполковникъ, — не долго ты напрыгаешь съ своей системой, отъ которой у меня волосы становятся дыбомъ. Ужь амуръ со злости пуститъ въ тебя такую стрѣлу, что у твоего сердца произойдутъ конвульсіи страшнѣе, нежели какія случаются у молодой жены, когда старый мужъ не успѣетъ купить ей новую карету къ первому весеннему празднику. — Тогда и ты, братъ, заведешь пѣсенку про очи и ножки,

да такую длинную, что передъ ней и зимняя ночь покажется минуткой! Да дай Богъ, чтобы тебѣ попалась красавица непреклонная какъ непріятельская пуля, холодная какъ сѣверный полюсъ!.... Постой, братъ! не буду ли я столько счастливъ нынѣшній день, что увижу тебя обратившимся на путь истинный!... Ну, говори поскорѣе, которая изъ этихъ барышень тебѣ болѣе нравится? — Сонъ въ руку! Вѣрно Магометъ выслалъ всѣхъ своихъ Гурій на войну противъ такого еретика!... Ну, которая? —

— Ни которая! отвѣчалъ Маринъ. —

— Изъ рукъ вонъ! сказалъ подполковникъ, — а жалко, братъ, что любовь по тебѣ стрѣляетъ всё холостыми зарядами!... Здѣсь другой бы растаялъ въ тысячу мадригаловъ и унесъ бы въ сердцѣ своемъ столько идеаловъ, что ихъ достало бы на цѣлый эскадронъ художниковъ и поэтовъ! —

— Всё бы хорошо, возразилъ Маринъ, если бы я не зналъ, что ты подъ именемъ

любви почитаешь игру въ жмурки. Я увѣренъ, что и ты не станешь искать идеала тамъ, гдѣ стараются выказать только послѣднюю моду. —

— Безбожникъ! отвѣчалъ подполковникъ: и такъ для тебя у всѣхъ этихъ женщинъ сердце имѣетъ форму нуля? —

— Ты, кажется, и самъ не близорукъ! возразилъ Маринъ, — и могъ хорошо разглядѣть и женщинъ и мущинъ, и особенно первыхъ, въ которыхъ между тѣмъ всё прекрасно — и эта прическа, для которой онѣ держатъ голову свою прямѣе перпендикуляра, чтобы только не измять эту чудесную прическу, и возлѣ этой прически личико съ дѣтскою улыбкой, хотя бы оно было и тридцатилѣтнее, и эта ручка, у которой мраморъ, кажется, перенялъ цвѣтъ свой, и этотъ станъ, которому въ стройности позавидовала бы Пери, — все это прекрасно, но....

Въ эту самую минуту глаза Марина прильнули къ какому-то блѣдниинькому оча-

ровательному личику.... Онъ почувствовалъ, что вся кровь его стремится, кажется, къ лицу его... Онъ ничего не видалъ прелестнѣе этихъ голубыхъ глазъ, которые несовратимо были устремлены на него... и едва только могъ вспомнить, что это, кажется, была Аделаида.

Все это совершилось въ одно мгновеніе, такъ что и подполковникъ ничего не могъ замѣтить. Но послѣ этого Маринъ не продолжалъ уже разговора.

ГЛАВА VII.

Не такими глазами смотрѣлъ на весну подполковникъ. — Богъ съ вами и цвѣты! — говорилъ онъ, — вы точно прекрасное созданіе; но какая мнѣ нужда? Самое лучшее изъ васъ хотятъ закупорить въ карету и отвезти въ деревню, какъ будто въ парникъ. О, эта деревня настоящая болѣзнь, которая приходитъ ежегодно въ опредѣленное время, чтобы разстроить воображеніе и поссорить его съ городомъ! Пусть бы въ деревню ѣздили тѣ, у которыхъ языки стали долже, нежели лѣта жизни ихъ; но зачѣмъ ѣхать туда ей?

Это относилось къ Софьѣ Павловнѣ, которая въ самомъ дѣлѣ должна была ѣхать въ деревню. Однако подполковникъ не терялъ еще надежды, которая у молодыхъ влюбленныхъ бываетъ безконечнѣе математической линiи, а у старыхъ ничтожнѣе математической точки. Онъ искалъ только случая поймать Лизинскаго, того самаго доктора, который бѣжалъ отъ Карина, когда этотъ не хотѣлъ вѣрить, что его лѣкарства могутъ такъ же очистить сердце, какъ желудокъ. Однажды вечеромъ подполковникъ увидалъ его пробирающимся по Невскому проспекту, съ толстой тростью, съ которою онъ такъ хорошо умѣлъ ходить, что она у него была настоящая третья нога, и такимъ образомъ докторъ походилъ на перевернутое Греческое пси.

— А, наконецъ я поймалъ васъ! вскричалъ подполковникъ, схвативши за руку Лизинскаго. Не повѣрите, любезный докторъ, я бѣгалъ за вами словно за хорошенькою дѣвушкой! Сколько уже дней, будто кладу, ищу я васъ по всему Петер-

бургу! Наконецъ, слава Богу, вы у меня подъ рукой теперь! Умирай хоть сію минуту всѣ ваши паціенты, я ни за что не отпущу васъ отъ себя! Вы теперь для меня нужнѣе, нежели вино для обѣда! —

— Понимаю, сказалъ докторъ, стараясь высвободить свою руку изъ руки подполковника. Понимаю-съ, продолжалъ онъ съ маленькою гордостью, которая такъ же шла къ нему, какъ и его треугольная шляпа въ торжественный день, — вамъ надобно маленькое медицинское пособіе? Не безпокойтесь, господинъ подполковникъ! у меня теперь есть наготовѣ прекрасная микстура, сладкая, какъ первый поцѣлуй дѣвушки. Вы вѣдь знаете, господинъ подполковникъ, что я врагъ горькихъ лѣкарствъ, — за то меня очень и любятъ паціенты мои. —

— Спрячьте вашу микстуру въ карманъ къ себѣ, любезный докторъ! Для меня нужна собственная ваша особа. А вѣдь вы знаете, что вашъ покорный паціентъ никогда не смѣлъ сравнивать васъ съ микстурой, даже съ сладкой! —

— Вотъ, видите ли, господинъ подполковникъ, молвилъ докторъ со спѣсью, которая возрастала у него каждую минуту, словно волшебное дерево восточныхъ фокусниковъ, — теперь и до насъ пришла крайняя нужда! О, другу, недругу заказалъ бы я лѣчить военныхъ! Извините, господинъ Лерскій, это къ вамъ совсѣмъ не относится. Я говорю о вашихъ товарищахъ, которые никогда не пропустятъ случая, чтобы не сказать кстати и не кстати какое нибудь ѣдкое словцо на счетъ потомковъ Эскулапа. Какъ бы не совѣсть, то бы, кажется, и во вѣкъ не подошелъ къ койкѣ военнаго, хотя бы онъ былъ блѣденъ, какъ порошокъ, и тощъ, какъ сухая грецкая губка! —

— Но, любезный докторъ, сказалъ подполковникъ: вѣдь вы знаете, что я гораздо болѣе увѣренъ въ неистощимой пользѣ всякаго лѣкарства, прописаннаго вашей рукою, нежели правовѣрный Мусульманинъ въ святости гроба пророка Магомета; что скорѣй хорошенькая дама забудетъ поглядѣться въ

зеркало, нежели я — принять ваше спасительное лѣкарство! —

— Отъ того-то вы всегда и здоровы и веселы и хороши изъ себя, господинъ Лерскій, что для всякаго маленькаго недуга вы требуете отъ меня совѣта и рецепта. —

— И надобно вамъ всегда отдать честь, любезный докторъ, что ваши лѣкарства удивительно какъ пользительны! Именно отъ нихъ-то болѣзнь бѣгаетъ, какъ нечистый отъ ладану! Я даже не знаю, чѣмъ и благодарить васъ. Я вашъ вѣчный должникъ. —

Докторъ шелъ, внимая словамъ подполковника, словно испивая божественный нектаръ.

— Знаете ли что, любезный докторъ! продолжалъ Лерскій, чтобы не остаться у васъ въ долгу по смерти вашей, я намѣренъ, когда вы умрете, соорудить вамъ памятникъ, и на немъ поставить изображеніе славы — въ одной рукѣ съ лавровымъ вѣнкомъ, въ другой со стклянкою микстуры. Мысль прекрас-

ная, только дай Богъ, чтобы нашелся Канова для изваянія! —

Докторъ пристально посмотрѣлъ на подполковника, желая увѣриться, точно ли онъ говоритъ отъ чистаго сердца, или насмѣхается. Наконецъ самолюбіе взяло верхъ, и докторъ сдѣлалъ такую радостную улыбку, которая могла бы служить образцомъ для тридцатилѣтней дамы, когда ей удастся свести съ ума отцвѣтающею красотою своей шестнадцатилѣтняго юнкера. — Благодарю васъ покорно, господинъ подполковникъ, сказалъ докторъ, — только я не знаю, съ чего вамъ пришла мысль о моей смерти? Мнѣ кажется, что для блага человѣчества, ну хоть для одной частички человѣчества, я долженъ жить. —

— О, безъ сомнѣнія, любезный докторъ! возразилъ подполковникъ. Какъ можно постарайтесь продлить свою жизнь; сдѣлайте ее такъ длинною, какъ ступня ноги вашей! Извините за сравненіе. Оно, правда, и не очень благородно, ну да для чего рыться въ

памяти, когда есть близко на примѣтѣ! Впрочемъ, вѣдь вы знаете, господинъ докторъ, что отъ смерти уйти нельзя! Вотъ, напримѣръ, еслибы вы постарались какъ нибудь задать ей лѣкарствица, отъ котораго бы она сама протянула ноги! Хоть бы не одни вы, а цѣлый консиліумъ! —

— Что вы, господинъ подполковникъ! сказалъ важно докторъ, — да для блага человѣчества надобно непремѣнно, чтобы смерть подбирала людей съ земли. А если люди не станутъ умирать, такъ чтожъ это такое будетъ у насъ? Здѣсь именно видѣнъ строжайшій законъ природы: на землѣ живетъ столько людей, сколько она снести на себѣ можетъ. Это равновѣсіе! —

— Вотъ что, любезный докторъ! Теперь я понимаю, отъ чего у насъ такъ много лѣкарей. Это машины равновѣсія! Разумѣется, исключая васъ. Вы спасаете людей отъ смерти: вы съ нею въ большой враждѣ, какъ надобно думать! —

— Съ тѣхъ самыхъ поръ, господинъ подполковникъ, какъ однажды, еще въ моей

юности, она вздумала-было въ меня влюбиться и хотѣла уже назначить тайное свиданіе. —

— А, а, господинъ докторъ! она и васъ хотѣла прибрать, чтобы не нарушить равновѣсія! Прошу покорно, какъ будто бы вы ужь такъ толсты, что одни перетянете! Однако мнѣ бы очень хотѣлось знать, чѣмъ вы избавились отъ ея посѣщенія? —

— А вотъ чѣмъ, господинъ подполковникъ, сказалъ докторъ: я не дожидался, какъ Рускій мужикъ въ извѣстной нашей народной сказкѣ, пока она придетъ и станетъ въ головахъ у меня. Я просто схватилъ свою шапку и бѣжалъ изъ лазарета до тѣхъ поръ, пока....

— Не оттоптали вашихъ пятокъ, любезный докторъ? Точно такъ: у страха глаза велики! Вѣрно въ этотъ разъ вы и ступни-то свои такъ расплющили? —

— Да, хорошо вамъ смѣяться, господинъ подполковникъ, когда у васъ есть такой докторъ, какъ я! а каково-то было намъ тогда несчастнымъ, имѣя лѣкаря, который

бывало каждый часъ давалъ намъ перемѣнныя лѣкарства, словно хотѣлъ сдѣлать изъ желудка каждаго больнаго запасную аптеку!

Разговаривая такимъ образомъ, подполковникъ привелъ доктора въ домъ свой.

— Теперь я весь къ вашимъ услугамъ, господинъ подполковникъ, сказалъ докторъ, сѣвши въ кресла и повѣсивши свою шляпу на натуральную трость, которую такимъ образомъ придвинулъ къ углу: во первыхъ, позвольте узнать, чѣмъ я могу быть полезенъ вамъ? Вы знаете мой образъ лѣченія. Ногъ я не рѣжу, а если когда гдѣ нибудь случится такая надобность, то я, не тревожа ноги, подставляю только деревяжку. Любимые мои рецепты для больныхъ — порошки и микстуры, съ большею частію сахару и Англійской мяты. — Сказавши это, докторъ устремилъ глаза на подполковника, приготовившись слушать его.

— Не тревожьте ваши рецепты, любезный докторъ, сказалъ Лерскій. Только скажите мнѣ: знаете ли вы Софью Павловну?

— Софью Павловну?... Это вы говорите про ту черноглазую барышню, которая стройна, какъ пальма, остроумна какъ Дельфiйскiй оракулъ, иногда тиха какъ овечка, иногда вертляна какъ флюгеръ; которая причесывается какъ Китаянка, и у которой маленькiя ручки и ножки такъ обольстительны, какъ нагiя Греческiя изваянiя? —

— Къ дѣлу, къ дѣлу, господинъ докторъ: это именно вы говорите про нее. Отвѣчайте же на вопросъ мой. —

— Какъ же ихъ не знать мнѣ, господинъ подполковникъ! Коротко вамъ сказать: вся ихъ фамилiя застрахована у меня на рецептахъ.

— Прекрасно, любезный Эскулапъ! Такъ стало быть нравится вамъ Софья Павловна? —

— Нравится! Для меня всякой человѣкъ, у котораго я имѣю честь быть домашнимъ докторомъ, который кушаетъ мои лѣкарства, мнѣ чрезвычайно нравится; но эта барышня исключительно-съ, не смо-

тря на то, что она изволитъ иногда надо мною подшучивать! Такъ намедни, когда я взялъ шляпу, чтобы итти домой, она успѣла ввернуть мнѣ словцо на дорожку: не забудьте, любезный докторъ, когда я умру, прописать мнѣ какой нибудь рецептикъ! — Вы не повѣрите, господинъ подполковникъ, какъ эта шуточка понравилась мнѣ! Надобно вамъ сказать, что я очень люблю такой веселинькой характеръ, особливо когда онъ принадлежитъ такому прекрасному личику, какъ у Софьи Павловны! Притомъ же люди, имѣющіе отъ природы такое расположеніе, рѣдко бываютъ нездоровы, — а это подаетъ выгодное мнѣніе обо мнѣ, потому что я ихъ докторъ. —

— Прекрасно, любезный докторъ! Только скажите мнѣ откровенно, вы ужь не влюблены ли въ Софью Павловну? Мнѣ что-то подозрительны кажутся ваши похваленія. —

— Экъ вы выдумали, господинъ подполковникъ! вскричалъ докторъ. Да наше

сердце способно только чувствовать силу лѣкарства, а не силу взоровъ, хотя бы они были и божественны. —

— То-то, любезный докторъ, — я испугался за васъ! Вы влюбитесь, начнете только думать о Софьѣ Павловнѣ, начнете вздыхать объ ней, — и тогда прощайте порошки и микстуры! прощайте любезные паціенты! Доктору некогда ни составлять лѣкарствъ, ни лѣчить васъ! Вѣдь мы послѣ этого должны умереть, любезный докторъ. Не такъ-ли? —

Докторъ сдѣлалъ гримасу, изъ которой можно было узнать, что онъ не слишкомъ тепло вѣритъ словамъ подполковника.

— Но, продолжалъ Лерскій, все это еще сторона, любезный докторъ, — главное дѣло еще осталось на рукахъ у насъ. Теперь-то мнѣ нужна будетъ ваша помощь! —

— Именно, господинъ подполковникъ? —

— Вамъ извѣстно, любезный докторъ, что теперь весна, что всѣ порядочные люди уѣзжаютъ въ деревню питаться дере-

венскимъ воздухомъ, въ замѣну вашихъ лѣкарствъ; слѣдовательно и Софья Павловна уѣдетъ...

— Этотъ приступъ, кажется, можно пропустить и безъ моей помощи! молвилъ докторъ. Но далѣе! —

— Именно, любезный докторъ, здѣсь должно остановиться, а не далѣе. Софью Павловну надобно удержать въ Петербургѣ. —

— Это для чего же, господинъ подполковникъ, если смѣю спросить васъ? —

— Вотъ то-то и есть, любезный докторъ, что отвѣтить-то вамъ очень трудно! Только вы должны доказать ея батюшкѣ, что или ему самому, или Софьѣ Павловнѣ нездорово нынѣшній годъ ѣхать въ деревню, и надобно остаться здѣсь въ Петербургѣ. Набейте всѣ карманы доказательствами; говорите, что вамъ угодно, только чтобы она не уѣхала! —

Докторъ вытаращилъ глаза на подполковника.

— Смѣю спросить васъ, господинъ подполковникъ, сказалъ онъ: какое же наконецъ будетъ ваше заключеніе? —

— Заключеніе! Въ заключеніе, любезный докторъ, я готовъ изъ благодарности къ вамъ съѣсть сотню вашихъ рецептовъ не подавившись! —

— Это дѣло казусное, господинъ подполковникъ. Вѣдь я долженъ буду итти наперекоръ всѣмъ врачамъ на свѣтѣ, утверждая, что въ деревнѣ жить нездорово! —

— Какъ хотите, любезный докторъ; а то вы уморите меня однимъ разомъ, за одинъ приемъ вашего отказа!... И тогда вы должны будете лишиться такого ревностнаго вашего паціента! —

Докторъ во все время потиралъ лобъ рукою, какъ бы желая выдавить мысль, которая такъ далеко запряталась.

— Наговорите, любезный докторъ, продолжалъ подполковникъ, ея любезному батюшкѣ нѣсколько сотъ болѣзней, которыя

могутъ родиться въ немъ отъ такой дальней дороги. Не щадите вашей латыни, призовите къ себѣ на помощь всѣхъ докторовъ и живыхъ и мертвыхъ, начиная съ Иппократа до васъ самихъ! —

— Довольно, господинъ подполковникъ! Они останутся въ Петербургѣ. Конецъ вѣнчаетъ дѣло. У меня какъ нарочно къ этому концу пересохло горло. Прикажите подать вашего рейнвейна — онъ мнѣ особенно нравится. —

— По рукамъ, любезный докторъ! Рейнвейнъ сей часъ явится къ вашимъ услугамъ. Пропишите же мнѣ какой-нибудь рецептикъ, чтобы я не умеръ отъ радости! —

— Эге, господинъ подполковникъ — радость такъ же здорова, какъ моя микстура, какъ вашъ рейнвейнъ! сказалъ докторъ и сталъ наливать бокалъ свой.

ГЛАВА VIII.

Двѣ недѣли спустя послѣ этого разговора, подполковникъ стоялъ возлѣ большаго зеркала, напротивъ котораго сидѣла Софья Павловна, изрѣдка поднимая на него глаза свои. Вы бы вѣрно сказали, что здѣшній воздухъ такъ ревнивъ, что не можетъ терпѣть ни одного звука въ своемъ присутствіи, и что, ради этого, влюбленные выдумали объясняться глазами.

По этой глазной телеграфикѣ всякій могъ бы догадаться, что здѣсь непремѣнно должно быть первое слово о любви, а послѣд-

нее... но послѣдняго въ этомъ случаѣ никогда не дождешься, потому что любовь не газъ и улетучиться не можетъ. Я никогда не повѣрю тѣмъ отчаяннымъ химикамъ, которые, разлагая любовь, нашли, что она состоитъ изъ какого-то окисла и пусторода (такъ, кажется, они называли его). Еслибъ они имѣли когда нибудь въ жизни своей подобныя минуты, то узнали бы, что любовь гораздо сильнѣе всѣхъ газовъ вмѣстѣ и можетъ въ одинъ мигъ растопить даже и ихъ сердце, которое вѣроятно плавится труднѣе платины. Я не повѣрю также, чтобъ кто нибудь, находясь въ присутствіи той, которая чаще всего является ему во снѣ, былъ бы такъ скупъ на слова, какъ Лакедемонецъ. Благодарите Бога, любезные читатели, что нынѣшнія дамы не таковы, какія бывали во времена рыцарства, когда иная капризница, испытывая вѣрность своего любовника, заставляла его молчать о любви своей и говорить съ нею только о хорошей погодѣ, да обо всемъ другомъ, что онъ только могъ выдумать, если въ

самомъ дѣлѣ онъ могъ выдумать что нибудь другое!

Подполковникъ не хотѣлъ скрывать чувствъ своихъ. Онъ и молча такъ откровенно разговаривалъ, что всякій разъ, когда Софья Павловна поднимала на него глаза свои, яркій румянецъ пробѣгалъ по лицу ея. О, любовь не такое чувство, чтобы оно могло скрыться въ груди нашей! Оно какъ электричество разливается по всему міру. Правда, тяжко бываетъ состояніе, когда его искры еще не проторгаются изъ сердца, но за то за одной искрой пламя разливается потокомъ. И если это пламя переливается въ другое *отверстое* сердце, она дѣлаетъ человѣка божествомъ; но если встрѣтитъ преграду, то, возвращаясь назадъ, оно сожигаетъ сердце, протекаетъ по немъ ураганомъ. И подъ этимъ пепломъ не скрывается ни одной искры. Жизнь становится безконечною борьбой со смертію. Тогда человѣкъ становится на сторону смерти, а не жизни. Эта смерть для него вторая любовь, въ которой онъ хочетъ похоронить

первую. Для него нѣтъ между ними различія. Если онъ лишился горячихъ объятій жизни, онъ также пламенно стремится въ холодныя объятія смерти.

И подполковникъ и Софья Павловна нѣсколько разъ, кажется, рѣшались начать разговоръ; и всякій разъ, казалось, горячій воздухъ, хлынувъ къ устамъ, сожигалъ слова ихъ. Любовь, если только она не прихоть сердца, бываетъ такъ же неловка въ большомъ, какъ и въ *меньшомъ* свѣтѣ.

Софья Павловна первая прервала молчаніе.

— Подполковникъ, сказала она наконецъ: я боюсь, чтобы кто-нибудь насъ не *подслушалъ*! —

О, какъ рада была Софья Павловна, что она могла еще начать разговоръ шуткою!

— И я приписываю это моему несчастію, возразилъ подполковникъ, если вы не можете подслушать голоса моего сердца! —

— Голосъ сердца часто бываетъ обманчивъ, подполковникъ. Ему рѣдко мож-

но повѣрить, потому что и въ шуткахъ и въ истинѣ у него одинъ тонъ. —

— Одинъ тонъ, Софья Павловна? возразилъ подполковникъ. Стало быть вы сердце считаете не болѣе, какъ инструментомъ на выставкѣ, гдѣ всякій можетъ ударять по струнамъ его, чтобы испытать его звуки?... Бѣденъ былъ бы человѣкъ, если бы онъ и божественное чувство расточалъ такъ же, какъ свое богатство! если бы онъ изъ міра святыхъ чувствъ сдѣлалъ магазинъ и продавалъ ихъ по мѣлочи. —

— Вы слишкомъ далеко зашли, господинъ подполковникъ! Я только хотѣла сказать, что иногда голосъ сердца беретъ фальшивую ноту. —

— И тогда, отвѣчалъ подполковникъ, всякой можетъ уличить во лжи его, потому что этого скрыть не возможно. —

— О, нѣтъ! возразила Софья Павловна: слухъ этого распознать не можетъ! Ложь въ это время щеголяетъ въ маскѣ истины. —

— И за то она пристаетъ къ ней такъ же, какъ панцырь взрослаго — малюткѣ въ Гецѣ фонъ Берлихингенѣ! —

— Еще разъ, господинъ подполковникъ! ложь въ это время, какъ двѣ капли воды, похожа на истину! —

— Точно такъ же, какъ актеръ на великаго человѣка, котораго онъ представляетъ. Онъ наряжается въ его платье; только жаль, что великій человѣкъ не оставилъ души своей въ своемъ платьѣ! —

— Хорошо, господинъ подполковникъ! я подхвачу ваше сравненіе, какъ опущенную петлю. Не обольщаетъ ли насъ театральное представленіе до того, что мы отъ души вѣримъ ему? —

— Но вы забыли, Софья Павловна, что въ театрѣ вы смотрите только на искуство игры актеровъ. Неужели вы любовь почитаете только одною игрою сердца? О, тогда наша жизнь превратилась бы въ холодный трупъ, изъ котораго похищено божественное пламя! —

— Именно въ это-то время, господинъ подполковникъ, человѣкъ и подрисовываетъ искуственно это пламя. О, онъ живописецъ искусный! И мы по большей части ошибаемся, потому что сердце, это искуственное пламя, скрывается отъ насъ. —

— О, Софья Павловна! сказалъ подполковникъ, только захотите, и вы увидите это сердце. Вашъ взоръ проникнетъ во глубину его, вы поймете его — передъ божественнымъ ничего скрыться не можетъ! —

— Нѣтъ, нѣтъ, господинъ подполковникъ! я никогда не могу повѣрить, чтобы кто нибудь могъ читать въ сердцѣ другаго! Это такая трудная грамота! Отъ того ли, что въ ней такъ много буквъ, какъ въ языкѣ Китайскомъ, или отъ того, что мало, какъ у нашего прародителя... Правда, у насъ на балахъ и много говорятъ объ этомъ... но я всякой разъ тамъ дѣлаюсь такою тупою ученицей, что еще ни разу не случилось мнѣ унесть оттуда ни одного словечка въ своей памяти! —

— Балы худые проводники чувствъ, Софья Павловна! —

— А какіе же *лучшіе*, господинъ подполковникъ? спросила Софья Павловна, давая шутливый оборотъ разговору. —

— Самыми лучшими владѣете вы, Софья Павловна — глаза! —

— Хорошо, что вы откровенны, подполковникъ! Я теперь не буду смотрѣть на васъ.... Мнѣ такъ много надобно скрыть отъ васъ... — И говоря это, Софья Павловна закрыла рукою глаза свои.

— Теперь вы не увидите! прибавила она. —

Подполковникъ былъ изъ числа тѣхъ людей, которые никогда не могутъ простить въ милой своей — простодушной, дѣтской любви. Онъ хотѣлъ, чтобы его любили беззавѣтно, пламенно! Для него та, которая можетъ улыбнуться, никогда не можетъ любить истинно. Онъ почиталъ бы себя счастливымъ и тогда, когда бы могъ цѣлую жизнь только просмотрѣть на нее,

но чтобы и она смотрѣла только на него одного. Другой-бы на его мѣстѣ въ сію минуту бросился на колѣна, — онъ вспыхнулъ.

— О, не безпокойтесь! сказалъ онъ. Ваши глаза — міръ прекрасный, но я никогда не видалъ въ этомъ мірѣ солнца, — въ немъ царствуетъ холодъ! —

— Хорошо, подполковникъ! Доселѣ я отдавала эту привиллегію однимъ мущинамъ; теперь и я получила ее. Вы теперь представитель всѣхъ мущинъ. Благодарю васъ за дипломъ! —

— Извините, Софья Павловна! Если есть мущины, у которыхъ сердце такъ же холодно, какъ ваша перчатка, — то выключите меня изъ числа ихъ. Они достойны презрѣнія! —

— Постойте, постойте, подполковникъ! Я вступлюсь за мущинъ, если вы готовы вооружиться и на нихъ, какъ на насъ! —

— И такъ, сказалъ подполковникъ, вы первые хотите поднять оружіе въ за-

щиту холодности, между тѣмъ какъ вы сами разливаете пламенную любовь на всѣхъ, кто только хоть разъ увидитъ васъ!

— Вашъ комплиментъ, подполковникъ, есть фальшивая монета, — и я возвращаю ее назадъ вамъ. Или, можетъ быть, она и истинная, только дана мнѣ по ошибкѣ!

— Стало быть, Софья Павловна, вы считаете меня въ числѣ тѣхъ паркетниковъ, которые думаютъ одно, а говорятъ другое; которые словами своими услуживаютъ одному вѣтру, и благодарятъ его, что онъ кстати всегда умѣетъ разнести ихъ переодѣтую ложь!

— И однако, подполковникъ, я какъ-то не вѣрую въ военныя чувства! Мнѣ столько наговорили объ ихъ желѣзной груди, что я думаю, встрѣтя такой приемъ, любовь непремѣнно должна положить оружіе!

— Ваша правда, Софья Павловна! эта желѣзная крѣпость только тогда сдается, когда непріятельскій флагъ, безъ ея вѣдома, развѣвается на стѣнахъ ея!

— О, совершенно напротивъ, подполковникъ! Это не крѣпость, а вольная пристань, куда всякой корабль можетъ войти безпрепятственно !

— Не слишкомъ завидно его положенiе, Софья Павловна, если онъ, простоявъ нѣсколько времени, выйдетъ такъже спокойно , какъ и пришелъ !

— Неужели вамъ нравятся только однѣ бури ? спросила Софья Павловна.

— Бури имѣютъ свою прелесть, Софья Павловна! Морякъ, привыкшiй каждую минуту жизни своей оспоривать у опасной стихiи , не промѣняетъ ее на стихiю паркетную, гдѣ вся опасность состоитъ только въ томъ , чтобы не проговориться молодой дамѣ о румянахъ, а старухѣ — о поддѣльныхъ зубахъ !

— Вы опасной человѣкъ, подполковникъ! Вы ведете, кажется, открытую войну съ большимъ свѣтомъ. Неужели онъ успѣлъ вооружить и васъ противъ себя ?

— О, я бы непремѣнно согналъ со свѣта этотъ большой свѣтъ, Софья Павловна! Онъ такъ мнѣ надоѣлъ своими приторными удовольствіями, своими подслащенными пилюлями, которыя отличаются отъ аптекарскихъ только тѣмъ, что въ нихъ больше яду, нежели противоядія; своимъ болтаньемъ, въ которомъ, ради остраго словца, не пощадятъ и отца роднаго!

— Боже мой! сказала Софья Павловна: не вы ли, подполковникъ, разговаривая намедни со мной, хвалили его такъ, что мнѣ казалось, будто вы превратились въ весь большой свѣтъ и читаете себѣ похвальное слово!

— Нѣтъ, отъ того, что я весь большой свѣтъ считалъ въ васъ однѣхъ! Я и теперь готовъ повторить тоже самое.

— И между тѣмъ, подполковникъ, говоря со мной, вы не сводили глазъ съ Аделаиды З.!

— Да, Софья Павловна, мнѣ жалко было, что этотъ цвѣтокъ долженъ распуститься на бальномъ воздухѣ!

— Хорошо, подполковникъ, я не разсержусь на васъ и теперь за то, что вы тогда такъ откровенно восхищались этою розой! Вѣроятно, ея благоуханіе достигло и до васъ... Однако я очень рада, что ваше сердце наконецъ откликнулось! Только я желала бы, чтобы эта роза, въ отмщеніе за весь нашъ полъ, была холоднѣе къ вамъ утренней росы!

— Вѣроятно и вамъ, Софья Павловна, кто нибудь пожелалъ этого же — и, къ несчастію, это желаніе исполнилось!

— А, вы теперь хотите оправдаться, подполковникъ!.... Но теперь уже поздно! я сама видѣла и вы сами признались мнѣ.... Улика на лицѣ, и запираться поздно!

— О, вы правы, Софья Павловна! сказалъ подполковникъ. Этого скрыть не возможно! Любовь, какъ невидимый духъ, владѣетъ нашими чувствами.

— Если любовь невидимый духъ, подполковникъ, то какимъ же образомъ можно узнать ее? Неужели надобно употреб-

лять для этого волшебные знаки и заговариванья?

— Да-съ! это средство, кажется, болѣе знакомо вашимъ глазамъ, нежели сердцу, Софья Павловна! сказалъ подполковникъ.

— О, это только одни вы открыли во мнѣ, подполковникъ! Но вы, вѣроятно, шутите, говоря это, потому что въ противномъ случаѣ, кажется, и я бы должна знать объ этомъ.

— Можетъ быть вы не хотите знать этого, Софья Павловна! Луною всѣ любуются, но она никѣмъ!

— О, не сравнивайте меня съ луною, подполковникъ.... я на нее немножко сердита! Вѣчно является она такою печальною! Право, мнѣ кажется, что она капризничаетъ на нашу землю, или притворяется.... А я, вы знаете, я никогда не бывала печальна, хотя и бываютъ иногда минуты...

— Когда не поѣдете на балъ, Софья Павловна! сказалъ, улыбаясь, подполковникъ.

Подполковникъ, какъ влюбленный, имѣлъ право говорить иногда такія вольности, за которыя у другихъ дамъ онъ прослылъ бы едвали не Волтерьянцомъ. Софья Павловна всегда прощала ему это.

— О, не сердитесь на балы, подполковникъ! Право, я ихъ всегда считаю за того добраго иностранца, который завсегда готовъ развеселить васъ, хотя бы это было и на его счетъ!

— Стало быть тѣмъ еще жалчѣе они, Софья Павловна! Всякій разъ, когда я вступаю въ бальную залу, она мнѣ кажется не болѣе какъ складочнымъ магазиномъ знаковъ препинаній! Здѣсь стоитъ человѣкъ, вытянувшійся какъ *удивительный знакъ* передъ *сіятельною точкой*, которую если вы будете растягивать во всѣ стороны, то она превратится въ нуль; вотъ старую Княгиню, которую старость согнула *вопросительнымъ* крючкомъ, слушаетъ усердно молодой человѣкъ, который кланяется на каждое слово ея, представляя такимъ образомъ изъ спи-

ны своей изогнувшуюся *запятую*; вотъ возлѣ нихъ и *вмѣстительный*, только не по головѣ, а по желудку; далѣе увидите и *переносный знакъ*, который самъ по себѣ хотя и ничего не значитъ, однако между двумя сторонами онъ предметъ необходимый; вотъ и *сносный*, который, не поморщась, готовъ выслушивать всѣ бредни, лишь бы они только означены были именемъ *такого-то*.

— Мой Богъ! сказала Софья Павловна, вы, подполковникъ, самый опаснѣйшій насмѣшникъ!

— Естли вы истину принимаете за одно и тоже лицо съ насмѣшкой — я согласенъ съ вами! отвѣчалъ Лерскій.

— Но, подполковникъ, вы должны знать мудрое изреченіе того Восточнаго Государя, который говорилъ, что добрая ложь лучше злой правды.

— О, если такъ, Софья Павловна, то я никогда не послѣдую словамъ его, потому что не дамъ мѣста въ сердцѣ своемъ и тѣни обмана!

Разговоръ опять перешелъ къ чувствамъ.... Но если бы мнѣ все пересказывать, а вамъ все переслушать, любезные читатели, что говорили Лерскій и Софья Павловна, то.... но начнемте лучше девятую главу.

ГЛАВА IX.

Drum laß es uns wie einen heilgen Raub
In unsers Herzens Innerstem bewahren.
Aus Himmels Höhen fiel es uns herab,
Und nur dem Himmel wollen wir's verdanken.

Schiller.

Съ грѣхомъ пополамъ Марія наконецъ нашла случай увѣдомить Карина о своемъ пріѣздѣ. Любовь хитра на выдумки! говорятъ почтенные старички-отцы и супруги, которыя износили уже тонкую оболочку любви и разгуливаютъ въ толстой кожѣ ревности. — Гдѣ намъ усмотрѣть за нею! У ней все есть — и сапожки скороходы, которые притомъ ступаютъ такъ осторожно,

что по тысячѣ натянутыхъ струнъ пройдутъ, и ни одна не издастъ звука! и шапочка-невидимка, съ которою хоть носомъ къ носу столкнешься, такъ ты же первый дашь дорогу ей! и коверъ-самолетъ, на которомъ она летаетъ по бѣлу-свѣту, да по темнымъ комнатамъ и сѣетъ на нашу бѣдную голову зерны, которыя въ нѣсколько часовъ пускаютъ отростки!

Что же дѣлать, милостивые государи! Любовь только одинъ разъ въ жизни ходила съ сѣдыми волосами, именно въ то время, когда была мода на пудру!... Да притомъ, что же и обижаться этимъ?... Право, любовь такое невинненькое, простодушное созданьице, что ей нельзя не простить ея шалостей! Попробуйте, разсердитесь на нее, — и она начнетъ за вами ухаживать, будто за маленькимъ дитею, станетъ разглаживать своею пухленькою ручкой морщинки на лицѣ вашемъ, запоетъ вамъ колыбельную пѣсенку, и вы, волей или неволей, а задремлете подъ это баюканье!.. Ну, что-жъ за бѣда, если эта милочка осторожная, вни-

мательная, что бы только не разбудить васъ, убѣжитъ отъ васъ тихонько, легонько на цыпочкахъ, въ дальнюю комнату и шопотомъ будетъ тамъ разговаривать, да прислушиваться, что бы не проснулись вы!.. Пожалуй, попробуйте и проснитесь, — она опять явится возлѣ васъ съ милою улыбкой, скажетъ вамъ своимъ обворожительнымъ голоскомъ: что ты такъ рано проснулся, душинька?.. и изъ жалости къ вашей безсонницѣ канетъ въ ваше прохладительное питье нѣсколько сонныхъ капелекъ.... сосни, душинька!

Сверхъ того, для каждаго возраста (это вы вѣрно знаете) нужна особенная игрушка... Дитя приучаетъ язычекъ свой къ развязности лепетаньемъ съ куклою, въ которой сосредоточиваются всѣ его наслажденія; юноша любитъ любить, потому что въ любви открывается ему новый міръ, волшебный, какъ міръ сказочный, обольстительный, какъ очарованныя принцессы, упоительный, какъ нектаръ; мужъ (такой мужъ, который иногда не нашелъ еще своей половины) любитъ гоняться за славою, а эта слава похо-

дитъ на ту птичку, которую можно только тогда поймать, когда удастся положить на хвостъ ея щепотку соли; старикъ ищетъ въ своей памяти воспоминанія своей молодости, да перещитываетъ червонцы свои, которые одни только остались ему вѣрными отъ всего минувшаго!

Въ запискѣ къ Карину былъ назначенъ день, въ который онъ *долженъ* былъ поздравить съ пріѣздомъ маменьку и *меня*, прибавлено въ скобкахъ. Тѣ, которые были разлучены и для которыхъ судьба сдѣлала такой неожиданный счастливый прыжокъ, поймутъ радость влюбленнаго. Съ нетерпѣніемъ, съ восхищеніемъ, съ шестымъ чувствомъ ожидалъ онъ этого дня, въ которомъ столько должно было заключаться радостей, что еслибы всѣхъ ихъ называть по имянамъ, то и именъ недостало бы! Онъ готовъ былъ нарядить время въ бабочкины крылья, чтобы оно было только такъ легко въ полетѣ, какъ она. Наконецъ, часовая стрѣлка вертясь, вертясь, не хуже какого нибудь рыцаря ордена вальсирующихъ, довертѣлась до назначеннаго

часа. Онъ былъ уже за́годя готовъ, и сію минуту собирался катнуть въ обѣтованную землю, какъ вдругъ двери комнаты его отворились и въ нихъ показалась фигура доктора.

О, какъ нужно бы средство угадывать, *когда* и *какъ* посѣтить даже искренняго вашего пріятеля; ибо если вы попадетесь въ такія минуты, какъ добрый Эскулапъ, то въ одну минуту изъ друга сдѣлаетесь смертельнымъ врагомъ! Конечно, онъ готовъ въ другое время посвятить вамъ цѣлый вечеръ, проговорить съ вами обо всемъ на свѣтѣ, начиная съ альфы до омеги, даже готовъ слушать ваши доморощеныя стихи, выдаваемыя вами за сочиненіе какого-нибудь новаго автора, — человѣка съ дарованіемъ! — прибавите вы, — и слушать такъ внимательно (не смотря на то, что всѣ его по́ры превратились въ рты, и рты въ зѣвки), что вамъ покажется, будто онъ такъ восхищенъ, что каждую минуту готовъ испариться восторгомъ! Но вы пришли въ такое время... — Несносный человѣкъ! отъ него, какъ отъ ску-

ки, ничѣмъ неотдѣлаешься! говоритъ онъ, — и готовъ къ каждой буквѣ вашего разговора прицѣпить ослиныя уши... притомъ и вы, къ несчастію, усѣлись, словно приросли къ кресламъ! Тщетно, бѣдняжка, намѣкаетъ вамъ, что его двери всегда *отворены* для васъ — вы всё сидите... Онъ смотритъ на часы — а вы всё болѣе приростаете къ кресламъ!

— Клянусь пулей и пилюлей! думалъ Каринъ, — если этотъ человѣкъ не похожъ на обоихъ нихъ! — Съ перваго слова начнетъ лить пули, и засядетъ въ креслахъ, какъ вторая въ горлѣ! — Добро пожаловать, прибавилъ онъ громко, любезный докторъ! Вы всегда, какъ смерть, ходите кстати!

Докторъ преважно раскланялся и сѣлъ, но такъ ловко, что вы подумали бы, будто онъ намѣренъ высиживать цыплятъ.

— Ради самаго Иппократа! сказалъ Каринъ, — скажите, любезный докторъ, скоро ли я столкнусь теперь съ моимъ счастіемъ?

— Счастіе, господинъ подпоручикъ? отвѣчалъ докторъ, не зная, на что̀ мѣтилъ Каринъ; — если вы разумѣете *настоящее*, такъ это райская птичка, которую надобно догонять на крыльяхъ, но что бы онѣ были легче вѣтряныхъ!

— Чрезвычайно замысловато, любезный докторъ! Но вы говорите о настоящемъ счастіи, а развѣ есть побочное?

— То-то и есть, господинъ подпоручикъ, что законное счастіе одно, а побочныхъ многое множество! Напримѣръ, я также могу назвать себя счастливымъ, если у меня много больныхъ.

— Вы страшный Вандалъ, милый Эскулапъ! перебилъ Каринъ. Вы, кажется, считаете постель больнаго своею тріумфальною колесницею! Ну, а на примѣръ я, скажите мнѣ, какое мое счастіе?

— Ваше счастіе, кажется, должно походить точь вточь на мое, господинъ Каринъ; потому-что и у васъ оно является,

или хоть притворяется, страждущимъ болѣзнію — разумѣю сердечною.

— А, а, любезный рыцарь порошковъ! васъ не худо бы сдѣлать Дельфійскимъ оракуломъ! Только, кажется, есть маленькая разница между вами и мною. Отгадаете ли, какая?

— Разница та, что мой пульсъ бьется въ рукѣ, а вашъ въ груди! важно отвѣтилъ докторъ.

— Безподобно, клянусь вашимъ ланцетомъ, безподобно! Только, любезный докторъ, развѣ можно ощупать сердце у женщины?

— Отъ чегожъ нѣтъ! Съ своей стороны я, кажется, и душу ощупаю.... А съ вашей стороны.... развѣ и вы попали въ число тѣхъ отчаянныхъ любовниковъ, которые, не умѣя понравиться женщинѣ, клеплютъ на нее такія небылицы, которымъ и самъ сатана апплодируетъ?

— Совсѣмъ напротивъ, любезный докторъ! Я очень счастливъ въ женщинахъ,

и до сихъ поръ языкъ мой не называлъ ихъ иначе, какъ ангелами.

— Это меня очень радуетъ. Только надобно знать во всемъ середину. Напримѣръ, къ чему же ихъ производить *не въ примѣръ прочимъ?*

— Не въ примѣръ прочимъ, Эскулапъ? кому же? — птицамъ и рыбамъ, для того, что онѣ тоже имѣютъ счастіе принадлежать къ женскому роду?

— Слишкомъ поспѣшное заключеніе, господинъ подпоручикъ! Между ними нѣтъ ничего похожаго. — Рыбы ходятъ съ усами, птицы съ длинными носами.... А это все можетъ вырости только у насъ!

— Ха, ха! Любезный докторъ, для чего же вы выбрили свои усы?

— Для того, чтобы меня не сочли осетромъ во фракѣ — хладнокровно отвѣчалъ докторъ.

— Часъ отъ часу не легче, любезный докторъ! Наконецъ я могу васъ счесть теп-

лицей, въ которой хранятся не только рецепты, но и острыя шуточки, ради самого Иппократа, острыя шуточки!

— Ошибаетесь, господинъ подпоручикъ! Пусть лучше языкъ мой прежде свернется кольцомъ, нежели начнетъ шутить надъ Иппократомъ, нашимъ, то есть докторскимъ, Адамомъ!

— Ого, любезный докторъ! такъ вы можете похвастаться древностію своего происхожденія передъ любымъ нѣмецкимъ барономъ, только жаль, что всѣ ваши трофеи хоронятся въ землю!

— Напротивъ: это часть нашего недвижимаго имѣнія. А наши трофеи: взводъ микстурныхъ стклянокъ различнаго вида и достоинства.

— Стало быть вы признаетесь, любезный докторъ, что больной всегда остается побѣжденъ вами?

— Мы обыкновенно беремъ его на капитуляцію — сказалъ докторъ.

— Но каковъ же бываетъ размѣнъ послѣ этой опустошительной желудочной войны между вами?

— Обыкновенно мы возвращаемъ плѣнныхъ и беремъ за нихъ выкупъ — деньгами, господинъ подпоручикъ!

— Не житье, а масляница!... Ошибается пословица, повѣствуя про счастливаго, что онъ какъ сыръ въ маслѣ купается; надобно бы сказать: какъ докторъ въ морѣ микстуры, въ которомъ онъ ловитъ самородный жемчугъ!

— Попробовалъ бы я васъ, господинъ подпоручикъ, выкупать въ микстурѣ, или напудрить порошками, то есть, знать, какъ другихъ купать и пудрить — и тогда посмотрѣлъ бы я — назвали ли бы вы нашу жизнь масляницею, или постомъ!

— А, а, любезный докторъ! — стало быть медицина и вамъ достается такъ же легко, какъ и больнымъ! Однако, какъ не говорите, а морить людей самое прибыльное искуство!

— Морить людей?... Вы, вѣроятно, разумѣете скукою? молвилъ докторъ.

— Да, да, достойный и предостойный докторъ! возразилъ Каринъ, — и это не послѣдняя принадлежность вашего искуства!

Докторъ принужденъ былъ самъ проглотить пилюлю, которую приготовлялъ-было для Карина.

Между тѣмъ время уходило, и Каринъ принужденъ былъ наконецъ, чтобы вылучить доктора, вооружиться на него не острыми, а вострыми словами. Не знаю, докторъ ли догадался, или время догадалось, что ему пора поспѣшить къ своимъ любезнымъ паціентамъ; но докторъ распрощался съ Каринымъ очень дружелюбно, какъ будто насмѣшки послѣдняго, какъ хозяина, онъ не бралъ съ собою, а оставлялъ по принадлежности. Вообще, докторъ принадлежалъ болѣе къ хладнокровнымъ, нежели къ теплокровнымъ.

Едва только докторъ успѣлъ вывалиться за ворота, Каринъ уже скакалъ, и черезъ нѣсколько минутъ очутился въ гостинной. Новое нещастіе! — Здѣсь были гости — и все такія, при которыхъ, какъ говорятъ простолюдимы, медвѣдь поворотился слишкомъ уже пятьдесятъ разъ съ боку на бокъ. (Добрые простолюдимы увѣрены, что медвѣдь только одинъ разъ въ цѣлый годъ переворачивается). Дѣлать нечего! Каринъ расклανялся со всѣми этими ходячими (или правильнѣе: сидячими) воспоминаніями, и наконецъ отдохнулъ на ручкѣ Маріи, на которой онъ напечаталъ такой поцѣлуй, что ей показалось, будто онъ выжженъ порохомъ. Усѣвшись, онъ по неволѣ долженъ былъ принять участіе въ разговорѣ хоть однимъ ухомъ. Онъ не сѣлъ возлѣ Маріи отъ того, что хотѣлъ лучше не говорить съ ней, нежели говорить въ присутствіи другихъ, гдѣ онъ долженъ былъ остерегаться за каждое слово, каждое слово долженъ былъ одѣвать въ ледяную кору, что бы оно не заключало въ себѣ теплоты сердечной. . . . Признаться, эта

пытка для него была мучительнѣе докторской!

— Говорятъ, Князь Z. прометалъ въ банкъ всѣ свои деревеньки, которыя ему достались по наслѣдству — сказала одна дама.

И не мудрено — прибавила другая. Онъ такой вертопрахъ, что, кажется, и вѣтеръ передъ нимъ спасуетъ.

— Покрайней мѣрѣ, сказала третья, это будетъ порядочный урокъ, не ему, потому что Князю теперь уже учиться не къ чему, да и не на что, — а другимъ. Вѣдь знаете ли, что онъ женился на бѣдной дворяночкѣ, которая принесла ему въ приданое только одно личико! Я всегда смѣялась, когда Князь говаривалъ, что глазки жены его стоютъ милліона. Эдакой чудакъ! Не прицѣнился къ нимъ: небось, и банки помады никто не дастъ за нихъ!... А вѣдь какая представлялась ему выгодная партія!

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! прибавила четвертая. Князь вчера заѣзжалъ ко мнѣ, да такой веселой, что я думала, будто онъ

звѣздъ нахваталъ съ неба, или въ лунѣ накупилъ деревень себѣ.

— Невелика находка, сказала первая, — еслибы онъ и въ самомъ дѣлѣ накупилъ ихъ тамъ! Какъ же онъ оброкъ-то сбирать станетъ?... Развѣ въ аэростатѣ поѣдетъ туда.... Такъ и то, пишутъ ученые, нельзя пріѣхать туда прежде сѣдыхъ волосъ.... Ну, а какъ воротится оттуда съ оброкомъ, такъ и самъ, я думаю, сдѣлается такимъ же аэростатомъ, пока долетитъ до земли своей, — и косточекъ не сыщешь!

— Ну, а вѣдь деньги-то не старѣются, сказала третья, — онѣ долетятъ къ женѣ его!

— Да вѣдь хорошо, перебила четвертая, если тамъ деньги-то такія же, какъ у насъ; а какъ тамъ кожаныя, какія, говорятъ, въ старину бывали....

Каринъ пожималъ плечами, или, по крайней мѣрѣ, хотѣлъ бы пожимать плечами, слушая подобные разговоры. Къ несчастію, языки не слѣдуютъ закону при-

роды и не только не слабѣютъ отъ времени, но съ каждою минутой получаютъ болѣе силы, — это магнитъ, притягивающій къ себѣ желчь.... Притомъ и Марія не бросила на Карина ни одного лишняго взора: все ея вниманіе обращено было, кажется, на разговаривающихъ; но тотъ, кто бы хорошенько вглядѣлся въ лицо ея и глаза, — онъ увидѣлъ бы въ нихъ нетерпѣніе, смѣшенное съ досадою.... Наконецъ она встала и пошла въ свою комнату, бросивъ на Карина такой взглядъ, въ которомъ можно было прочесть : я буду тебя дожидаться !

Черезъ нѣсколько минутъ Каринъ раскланялся съ подобіями человѣковъ и на цыпочкахъ вбѣжалъ въ комнату Маріи.

Минуту свиданія, можетъ быть, скорѣе можно изобразить кистью, нежели перомъ. Марія любила въ первый разъ. Мудрено ли же, что у шестнадцатилѣтней дѣвушки каждая жилка билась восторгомъ, каждая черточка лица принимала радужные отблески любви и счастія!... Съ двумя ос-

тановившимися слезками на глазахъ, которыя какъ будто жалѣли разстаться съ такимъ прекраснымъ міромъ,— бросилась она къ Карину, обвивши обѣими руками шею его — и уста ихъ слились, какъ двѣ капли росы!

— Pière, сказала она, отрываясь отъ него, — я уже давно въ Петербургѣ.... какъ же ты говорилъ, что влюбленные, какъ пророки, все видятъ и знаютъ?... Неужели ты не нашелъ времени пріѣхать къ намъ?

— Это отъ того, Marie, что я уже болѣе не люблю тебя, съ тѣхъ поръ, какъ ты велѣла за мной присматривать! отвѣчалъ Каринъ, играя ея локономъ.

— О, нѣтъ! я этому не повѣрю, Pière! Для чего же бы ты цѣловалъ меня, если бы не любилъ?... Я тебя знаю такъ же, какъ и себя!... Я слышала, что ты былъ только на одномъ балу здѣсь?

— О, съ меня довольно и одного раза, чтобы не бывать никогда болѣе!... Но, поцѣлуй меня, Marie.... право, мнѣ твои поцѣлуи кажутся еще слаще, нежели слова твои!

— Въ самомъ дѣлѣ, сказала Марія? О, ты добрый волшебникъ, Pière! Ты зна-

ешь, что твои ласкательства для меня дороже всего на свѣтѣ!... О, мы, право, самое бѣдное созданіе, потому что и питаемся только одними комплиментами! Это настоящій десертъ нашъ!

— Отъ того-то ты и похожа на Пери, Marie, потому что и они питаются только испареніями розъ и лилій!... О, если бы мое сердце могло превратиться въ розу, чтобы ты всегда носила его на груди своей!

— По крайней мѣрѣ, я тебя ношу въ сердцѣ своемъ, Pière, сказала Марія. Но, Pière, прибавила она, ты сказалъ, что ты никогда не поѣдешь на балъ — а если я буду тамъ?

— О, я тогда, Marie, поѣду отъ того, что ревность магнитомъ притянетъ меня! — Чѣмъ неоцѣненнѣе сокровище, тѣмъ ужаснѣе потерять его!

— Ты причудливъ, Pière! Отъ чего же я не ревную тебя?

— Отъ чего, Marie? — Такихъ людей, какъ я, великое множество, и полюбить тебя нѣтъ ничего легче!... Но ты, Marie... въ свѣтѣ нѣтъ даже и тѣни твоей!

— Pière, добрый Pière! ты говоришь, что полюбить меня очень легко; но я хочу, чтобы меня любили горячо.... такъ, какъ ты меня любишь!

— Ангелъ! сказалъ Каринъ... если бы я умеръ теперь! если бы я умеръ въ подобныя минуты!

— О, теперь ты злой Pière! Ты хочешь, чтобы и я умерла!... Я люблю мою жизнь по тому, что она нераздѣльна съ твоею! Живи до тѣхъ поръ, пока я разлюблю тебя!

— Стало быть, Marie, ты можешь и разлюбить меня?

— Ты не далъ мнѣ договорить, Pière — я буду любить тебя во вѣки вѣковъ, а въ это время, вѣрно, и я наскучу тебѣ!

— Marie, это значитъ, изъ обломковъ любви построить шутку! О, ты дитя въ полномъ смыслѣ!

— Такъ чтожъ, Pière, я не обижусь этимъ! Нѣтъ ничего на свѣтѣ лучше возраста дѣтства и возраста любви! А если я соединяю оба вмѣстѣ, такъ стало быть — я самая счастливѣйшая!

— И дай Богъ, Marie! Самое пре. стнѣйшее созданіе должно быть и самое сч стливѣйшее.

— Я въ самомъ дѣлѣ, Pière, слишко простодушна, потому что всѣ твои компл менты принимаю за должную дань себѣ.

— И я бы осердился на тебя, Mari если бы ты сомнѣвалась, что они не съ-родн истинѣ и не отъ чистаго сердца!....

О, еслибы всѣ мущины любили такъ ж щинъ, какъ Каринъ Марію, и еслибы всѣ же щины любили такъ мущинъ, какъ Марія К рина, — тогда бы золотой вѣкъ на землѣ былъ одною мечтою поэтовъ! Тогда бы исти ны не стали искать во глубинѣ колодезя, н во глубинѣ сердца, и любовь, у которой нын слишкомъ много поклонниковъ и слишкомъ мало вѣрующихъ, избрала бы своимъ мѣсто пребываніемъ не романъ, а сердце — и, вѣроятно бы, не съ убыткомъ для себя!

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

РОМАНЪ

СТРАСТЬ

И

МЩЕНІЕ.

ЧАСТЬ II.

АЛЕКСАНДРА ДОЛИНСКАГО.

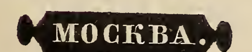
СТРАСТЬ
И
МЩЕНІЕ.

РОМАНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Александра Долинскаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Въ Университетской Типографіи.

1836.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Декабря 22 дня 1835 года.

Ценсоръ Болдыревъ.

ГЛАВА I.

Ich will mich frey und glücklich träumen,
Warum aus meinem süssen Wahn mich wecken?
Schiller.

Аделаида З. къ подругѣ.

.... Я сама не знаю, что со мною сдѣлалось, ангелъ мой Полинька!... Ты бы вѣрно не узнала свою прежнюю веселую, рѣзвую Аделаиду!... Я измѣнилась, я много измѣнилась!... Вмѣсто прежней дѣтской безпечности, вмѣсто прежней радости —

мнѣ ныньче такъ часто становится скучно.... такъ часто хочется плакать — не спрашивай меня объ чемъ — я и сама не знаю!... Право, наша старая пансіонская надзирательница сказала бы, что меня обморочилъ какой-нибудь злой волшебникъ! Особливо, если бы она увидѣла, что я такъ часто задумываюсь... такъ часто не знаю что дѣлать!... Разверну какую нибудь книгу, и ни одной мысли не попадется мнѣ по сердцу; ни одна буква, кажется мнѣ, не стоитъ на своемъ мѣстѣ!... Возьму карандашъ — и ты бы расхохоталась, увидѣвши, что, вмѣсто какой нибудь картинки, я черчу какія-то удивительно смѣшныя фигурки!... Пойду въ садъ — и, мнѣ кажется, каждый цвѣтокъ качаетъ мнѣ своею головкой и говоритъ: отойди прочь! Мы любили тебя веселую, теперь не можемъ любить тебя печальную! — А я, я, право, кажется, все на свѣтѣ теперь люблю болѣе, нежели когда нибудь!... Я бы со всѣмъ на свѣтѣ хотѣла отъ души подружиться, хотя бы это было и съ канарейкою моей!

Неужели это отъ того, что я люблю *его*?... Неужели, въ самомъ дѣлѣ, любовь такое божественное чувство, что сердце, осмѣлившееся вмѣстить его въ себѣ, должно истомиться въ мученіяхъ за дерзость свою прежде, нежели испытаетъ счастіе?... О, если такъ, для чего же я хотѣла такъ нетерпѣливо узнать это чувство!.. Мнѣ оно представлялось такимъ очаровательнымъ, такимъ волшебнымъ, что я приняла его съ отверстымъ сердцемъ, съ радостною улыбкой!... Я заключила всю свою жизнь въ этомъ чувствѣ, слила его въ одну мысль объ *немъ*, желала бы вся превратиться въ эту одну мысль!... О, какъ это чувство различно отъ того, которое мы создавали себѣ въ пансіонѣ, когда мы нарочно задумывались, нарочно представлялись печальными, чтобы только заставить подругъ своихъ говорить о себѣ втихомолку: она влюблена!... Помнишь ли ты, Полинька, какъ мы радовались, когда какой-нибудь мущина бросалъ на насъ украдкою взглядъ... мы оспоривали его другъ у друга.... наше дѣтское само-

любіе разыгрывалось.... Бѣдныя дѣвочки! каждая изъ насъ хотѣла насильно промечтать объ этомъ мущинѣ цѣлую ночь — и, разумѣется, дѣло кончалось тѣмъ, что мы всѣ спали какъ нельзя спокойнѣе!... и нашъ дѣтской сонъ не представлялъ намъ ничего, кромѣ заданнаго урока и игры!...

Но я такъ несвязно заговорилась, ангелъ мой, Полинька... я совсѣмъ не объ этомъ хотѣла писать къ тебѣ.

Я *его* опять видѣла... но, Боже мой! лучше было бы, еслибы я не видала его въ этотъ день! — и видѣла его тамъ, гдѣ совершенно не ожидала видѣть — у П. — Гостей было очень мало, и, еслибы не былъ *онъ*, — мнѣ бы, можетъ быть, сдѣлалось дурно... для того, чтобы поскорѣе только уѣхать оттуда. Ты знаешь, что я не люблю быть тамъ, гдѣ только говорятъ... право я не знаю, объ чемъ говорятъ они; только сердце во время этихъ разговоровъ бываетъ пустѣе моднаго романа! Ты не повѣришь, ангелъ мой, какъ въ короткое время они

успѣли надоѣсть мнѣ!... Но пуще всѣхъ надоѣлъ мнѣ тотъ Генералъ, съ которымъ я познакомилась на первомъ балѣ.... Машинька называетъ его моимъ шлейфомъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ, кажется, и замѣтить не хочетъ, что я его терпѣть не могу! Каждый разъ онъ непремѣнно отыщетъ случай сѣсть возлѣ меня и завести разсказъ о штурмѣ какой-нибудь крѣпости, въ которомъ онъ былъ дѣйствующимъ лицомъ... но въ этотъ день его разсказы особенно были несносны... и при всемъ томъ я должна была показывать, что слушаю со вниманіемъ эту ходячую скуку, одѣтую въ генеральскій мундиръ. Впрочемъ, если бы Генералъ спросилъ меня, о чемъ онъ разсказывалъ, я бы не могла повторить ему ни одного его слова... я почти не сводила глазъ съ Марина... онъ разговаривалъ съ дочерью П... и только изрѣдка взглядывалъ на меня и на Генерала.... его взгляды жгли меня!... Если бы ты видѣла его въ этѣ минуты — онъ казался и страшнымъ и очаровательнымъ вмѣстѣ! Но если бы ты спросила, что̀ въ

немъ было страшнаго, что̀ очаровательнаго? — я бы не могла отвѣчать тебѣ.... въ моихъ глазахъ это сливалось, и я не могла отдѣлить одно отъ другаго!

Къ счастію, мой Генералъ скоро кончилъ разсказъ свой — и я болѣе не видала его — вѣроятно, онъ разсердился, — по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ показалось. Впрочемъ, я болѣе не думала объ немъ, и поспѣшила сѣсть возлѣ дочери П..., съ которою разговаривалъ Маринъ. Не знаю, какое чувство изобразилось въ это время на лицѣ его — я не могла тогда различить радости отъ неудовольствія!... Я застала самый конецъ разговора. Сколько помню, я напишу тебѣ, Полинька, — онъ былъ для меня очень интересенъ.

— Это довольно забавно! сказала веселая П. — Почему же вы вообще всѣхъ насъ считаете непостоянными, вѣтреными и еще какъ-то? Право, вы намъ столько надавали подобныхъ титуловъ, что я половину ихъ перезабыла!

— Извините, сказалъ Маринъ, пристально посмотрѣвъ на меня, — я хотѣлъ только сказать, что сердце женщины настоящая магнитная стрѣлка, для которой сѣвернымъ полюсомъ служатъ генеральскія звѣзды и эполеты.

— Ахъ, Боже мой! сказала П.— какъ жалко, что я не знаю ту, которой бы надобно пересказать ваши ужасныя слова! Мнѣ бы очень пріятно было видѣть, какъ бы вы раскаялись или, по крайней мѣрѣ, поклялись, что никогда не говорили этого!

— Неужели вы за эти слова можете разсердиться? возразилъ Маринъ. Я думалъ, что вамъ пріятно будетъ услышать то, что̀ особенно любите!

— Ахъ, Богъ мой! сказала П. — я до сего времени не знала, что вы такъ ненавидите насъ! Въ первый разъ сожалѣю, что на землѣ вывелись волшебники. По крайней мѣрѣ, они бы отмстили вамъ за насъ.... Впрочемъ, вамъ, кажется, не болѣе двадцати трехъ лѣтъ — вы еще не ушли и отъ нашей мести!

— Мести? возразилъ Маринъ. Неужели ваше нѣжное сердце способно къ такому желѣзному чувству?.. Мнѣ кажется, оно съ трудомъ можетъ перенести и минутную любовь — для васъ и это слишкомъ тяжело!... Или это, можетъ быть, отъ того, что послѣдняя совершенно несогласна съ устроеніемъ вашего сердца?

— Съ вами опасно говорить! сказала П. — Кончимте лучше это!

Нужно ли тебѣ прибавлять, Полинька, что всѣ слова Марина относились ко мнѣ?... Онъ сердится на меня... Неужели онъ не хочетъ понять, что я слушаю Генерала съ принужденіемъ и по принужденію... Неужели онъ не хочетъ понять, что я за нимъ только слѣдую съ какою-то боязнію, которой и сама не понимаю еще!... Но онъ меня любитъ, Полинька! — Только его любовь не похожа на любовь другаго. Если можно сравнить любовь съ небомъ, то его любовь небо, на которомъ блещетъ молнія!... Впрочемъ, что бы ни было, только бы онъ любилъ ме-

ня!... И тамъ, гдѣ другая съ трепетомъ услышала бы волшебное слово *люблю* — я бы вымолила его поцѣлуями!... О, я теперь знаю, какъ измѣняетъ насъ любовь!... Это можетъ быть только нашею настоящею жизнію. Не испытавши любви, переживши любовь, мы живемъ подобно цвѣтку, въ которомъ нѣтъ чувствъ, а между тѣмъ говорятъ: онъ живетъ, разцвѣтаетъ, вянетъ!

ГЛАВА II.

Изъ числа лучшихъ вечеровъ, которые давались въ это время въ Петербургѣ, особенно отличались вечера Графини Z. Графиня была женщина, которая умѣла однимъ словомъ, однимъ поклономъ заставить полюбить свое общество. И умъ и красота имѣли здѣсь равное притязаніе на вниманіе Графини, и потому не удивительно, что молодые люди особенно искали случаевъ быть приглашенными на вечера, на которыхъ, вмѣсто зѣвоты, угощали или вальсомъ, или разговоромъ, въ которомъ каждая буква могла похвастаться и умомъ и остроуміемъ. Мущины,

которые ѣздили въ другое мѣсто съ заучеными фразами, здѣсь становились говорливыми и, что еще лучше, умно говорливыми! Женщины, которыя въ другомъ домѣ умѣли только разговаривать о послѣдней модѣ, здѣсь говорили о чувствахъ и, что еще лучше, говорили съ чувствомъ!

Но изъ всѣхъ этихъ вечеровъ особенно прославился одинъ, данный въ день имянинъ хозяйки. Это былъ вечеръ, послѣ котораго истомлены были и ноги и сердце, и глаза и карманы. — И на этомъ-то вечерѣ Маринъ встрѣтилъ опять Аделаиду и возлѣ ней опять Генерала. Генералъ очень умно разсказывалъ о какомъ-то кораблѣ, на которомъ служилъ Капитанъ-Лейтенантомъ, и, казалось, совсѣмъ не хотѣлъ замѣтить Марина, который въ эту минуту желалъ бы выбросить его въ окно, чтобы посмотрѣть, будетъ ли онъ такъ же удачно бороться съ воздухомъ, какъ съ моремъ! Тысяча мыслей, одна другой безразсуднѣе, мелькали въ умѣ Марина. Въ это время онъ только признался самому себѣ, что въ сердцѣ Аделаиды за-

ключены его жизнь и счастіе — и онъ долженъ былъ видѣть, что Аделаида любитъ Генерала, этого Генерала, набитаго корабельными фразами! Ревность завозилась въ груди его. Онъ не спускалъ глазъ съ Аделаиды и Генерала, и слѣдилъ за ихъ малѣйшими движеніями.

— Послушай, Маринъ, сказалъ Лерскій, подходя къ нему, — не разсердись на меня, а право, мнѣ кажется, что ты влюбился въ этаго Генерала. Вотъ нѣсколько минутъ замѣчаю я — и ты не сводишь глазъ съ него. Полно, братецъ, сердиться на него — онъ не можетъ быть твоимъ соперникомъ. Ты одинъ только не видишь, что когда Аделаида взглянетъ на тебя, его лице корчатъ судороги, и бѣдняга, со страху быть недослушаннымъ, едва не давится своимъ краснорѣчіемъ!

— Чортъ его побери! Я скоро свяжу языкъ его Гордіевымъ узломъ!

— Вотъ то-то и есть, братецъ! я зналъ, что ты влюбишься! Но я не предвидѣлъ та-

кой опасности. Ты, братъ, черезчуръ хлебнулъ этого зелья!

— Зелья?... И ты это говоришь мнѣ, сказалъ Маринъ, — ты, который прожужжалъ мнѣ уши своею неизмѣнною любовью къ Софьѣ Павловнѣ! И ты, видно, не выходишь изъ числа тѣхъ паркетниковъ, у которыхъ чувства разгорячаются только въ вальсѣ и простываютъ при первой рюмкѣ мороженаго!

— Добро, острись, братъ! Твои насмѣшки не булавки — сердца не уколятъ!... А впрочемъ... Софья Павловна... о, Софья Павловна такое созданіе, которое еслибы я разлюбилъ, то позволилъ бы себѣ выщипать усы на парадѣ!... Это такое созданіе, возлѣ котораго моему сердцу такъ тепло, словно на подкладкѣ.

— Радуюсь! отвѣчалъ Маринъ, не сводя глазъ съ Аделаиды.

— Ну, незамѣтно! сказалъ Лерскій. Такую радость можешь смѣло принести на похороны.

— Я привыкъ считать любовь могилою сердца! отвѣчалъ Маринъ.

Въ эту самую минуту Генералъ наклонился къ Аделаидѣ.

Маринъ вздрогнулъ. Въ жилахъ его потекъ, казалось, растопленный металлъ. Онъ думалъ, что эти скорпіонныя уста прикоснутся къ щекѣ Аделаиды.

Генералъ въ туже минуту отклонился и захохоталъ настоящимъ превосходительнымъ хохотомъ.

Аделаида, казалось, хотѣла также улыбнуться Генералу, но въ это время глаза ея встрѣтились съ глазами Марина — и она поблѣднѣла, увидѣвши это прекрасное лице, обезображенное судорожною улыбкой. Она отгадала причину. Въ ея свѣтломъ, дѣтскомъ умѣ мелькнула мысль, что этотъ Маринъ, недавно холодный.... теперь изступленный... она испугалась... и младенческимъ, но трепещущимъ голосомъ отвѣчала Генералу: ахъ, это въ самомъ дѣлѣ очень

смѣшно. . . Вы справедливо сказали, Генералъ, что эта дама пресмѣшная!

Но слова Аделаиды не достигли до Марина...

— И это прекрасное созданіе, думалъ Маринъ — прельстилось блескомъ Генеральскихъ эполетъ! Эта дѣвушка, которая не успѣла еще догадаться, что у ней есть для чего-то сердце, — она уже ищетъ сбыть его поскорѣй съ рукъ долой на руки этому человѣку, который вмѣсто излiянія чувствъ, душитъ ее корабельными анекдотами... и она можетъ улыбаться!... и она такъ привѣтливо смотритъ если не въ глаза его, такъ, по крайней мѣрѣ, на его эполеты!

Маринъ продолжалъ развивать въ умѣ своемъ эту мысль, не смотря на то, что она тяготила его, разрывала на части его сердце! И въ эту минуту онъ, вѣроятно, радъ былъ болѣе этой мысли, нежели той, которая оправдывала бы въ глазахъ его Аделаиду, — потому что до сихъ поръ все

подтверждало его понятія о женщинахъ, все разрушало его вѣру въ женщинъ. Ему нечего было терять болѣе. Онъ нѣсколько уже разъ видѣлъ свои лучшія надежды разбитыми, свои лучшія мечты — погибшими. Онъ испыталъ уже любовь женщинъ: онъ испыталъ, что чувства у нихъ могутъ родиться только на языкѣ, а не въ сердцѣ; что онѣ убѣгали, онѣ страшились той любви, которую хотѣлъ бы принесть онъ — чистую, пламенную; любовь, въ которой сосредоточивалось бы для него всё — надежда, счастіе, весь міръ!... И онъ до сихъ поръ остался осиротѣлымъ; его сердце — полнымъ первой, огненной любви. Онъ еще не истратилъ ничего изъ міра своихъ чувствъ! И если бы нашелъ сердце, которое захотѣло бы жить только для него, только его сердцемъ — онъ бы боготворилъ это сердце! Онъ бы всѣмъ пожертвовалъ для него! Онъ бы источилъ по каплѣ всю кровь свою, только бы взоръ чистой, дѣвственной любви на немъ покоился!... И вотъ онъ встрѣтилъ Аделаиду — юную какъ первый весенній

цвѣтокъ, чистую какъ голубое небо, прелестную какъ созданіе Рафаэля!.... и эта Аделаида привязалась къ генеральскимъ эполетамъ!... и, снѣдаемый ревностью, которая все представляла ему въ другомъ видѣ, — онъ читалъ, онъ уже хотѣлъ читать въ глазахъ Аделаиды одно чувство, общее всѣмъ женщинамъ — чувство, которое онъ не хотѣлъ назвать по имени, для котораго онъ не выдумалъ еще имени!

Лерскій не отходилъ отъ него, и не, зная, чѣмъ бы его разсѣять, онъ взялся за обветшалое уже средство — обратить вниманіе на окружающихъ.

— Ради Бога, сказалъ онъ, — не знаешь ли ты — не говори, что ты не хочешь знать — вотъ эту даму, которая безпрестанно отмахиваетъ своимъ опахаломъ комплименты этого усатаго полковника, какъ бы угрожая такой же участью и своимъ обожателямъ, разумѣется, если бы они были!

— А, этотъ полковникъ — бьюсь объ закладъ, что онъ отпускаетъ безъ счёту

на ея счётъ самыя ѣдкія насмѣшки!.
Бѣдняжка! да не отъ этого ли ужь она такъ раскраснѣлась?... Виватъ, господинъ полковникъ! Настоящій военный! видно не отойдетъ отъ нее до тѣхъ поръ, пока она не упадетъ въ обморокъ! И тогда, разумѣется, по праву побѣдителя, поспѣшитъ подать ей помощь и будетъ клясться отчаяннѣе Фебюса де Шатопера, что все это онъ говорилъ объ ея пріятельницѣ!

— А, вотъ и давно ожидаемый Князь Q. Необыкновенное явленіе! Говорятъ, его голова такъ замысловато устроена, словно знаменитый лабиринтъ — любую мысль посади въ эту голову — и ни одна не найдетъ мѣста выхода!

— Вотъ и знакомецъ Князя, кажется даже родственникъ, котораго всѣ называютъ Мемноновою статуею.... Только, въ такомъ случаѣ, солнце хоть изжарь его голову, а изъ ней не вылетитъ ничего, кромѣ двухъ словъ: или *да*, или *нѣтъ*!...
Однако онъ и два раза готовъ сказать да,

да, если кто назоветъ его пріятнымъ собесѣдникомъ!.... О, этотъ собесѣдникъ былъ бы самымъ отличнѣйшимъ ученикомъ въ Пиѳагоровой школѣ Молчанія!... А, да онъ и не одинъ.... Вотъ и супруга его! Прекрасная женщина! Если бы Алкивіадъ основалъ свою школу, она была бы самою лучшею ученицею его!... Ба! да вотъ и пять дочерей его! Бѣдняжечки! Говорятъ, онъ въ самый день рожденія ихъ былъ очень не въ духѣ, и такъ разсердился на нихъ, что еще до сихъ поръ не помирился....

Въ эту самую минуту Маринъ, не спускавшій глазъ съ Аделаиды, увидѣлъ, что Генералъ поклонился ей и отошелъ, чтобъ завязать разговоръ съ пріѣхавшимъ Княземъ Q. Маринъ только этого и дожидался.

ГЛАВА III.

— Schon ist mir die Hoffnung aufgegangen,
Ich nehme sie zum Pfande grössern Glücks.
Schiller.

Аделаида къ подругѣ.

(На другой день послѣ бала.)

Не хотѣла - было я писать къ тебѣ болѣе, ангелъ мой Полинька, ни о балахъ, на которыхъ я бываю почти каждую недѣлю, ни о бальныхъ посѣтителяхъ, которые съ каждою недѣлей наскучаютъ мнѣ все болѣе

и болѣе.... но вчерашній балъ.... о, моя душенька! я умру, а не забуду этого бала! Для чего тебя не было со мною! Я бы раздѣлила съ тобою радость мою, пополамъ разбила бы свое счастіе.... а теперь, теперь никто не видитъ, что я счастлива! никто не замѣтитъ моей радости!... А счастіе, какъ любовь, не можетъ ужиться въ одномъ сердцѣ — оно требуетъ довѣренности; оно хочетъ излиться звуками, разсыпаться искрами!

На этомъ балѣ.... о, какъ я желала бы, чтобы каждая буква моя была отголоскомъ моего сердца; чтобы каждая буква, какъ въ языкѣ Китайскомъ, означала особенную мысль, мысль, въ которой сливались бы звуки и любви и радости; чтобы каждая буква, подобно цвѣтку, подобно мнѣ, дышала теплотою, жила благоуханною жизнію!... Да, ангелъ мой Полинька! на этомъ балѣ сердце мое упилось росою, и оно разцвѣло пышнѣе розы!... Можетъ быть, ты уже вполовину поняла то, о чемъ я

хочу писать къ тебѣ, — соберусь съ мыслями, разскажу все по порядку.

Мой Генералъ (я уже его называю моимъ, хотя бы отъ всего сердца промѣняла его на чужую блонду!) и сюда по обыкновенію пріѣхалъ съ своими давнишними, и отъ того, можетъ быть, попортившимися анекдотами, — и одинъ за другимъ, и кстати и некстати, за то по порядку, началъ ихъ нанизывать на свой говорливый языкъ и послѣ сматывать на мой слухъ, какъ длинную, безконечную ленту сомнительнаго цвѣта. Впрочемъ, душечка, я не сержусь на этого Генерала. Какая мнѣ нужда до того, что̀ онъ мнѣ разсказываетъ!.... Вся трудность моя состоитъ въ томъ, чтобы повторять одно и тоже *да*, подобно вѣчно-заведеннымъ часамъ, и улыбнуться, когда онъ громко хохочетъ. ... Я бы разсердилась и на себя, если бы могла разсердиться на него.... Онъ добрый человѣкъ, и отъ того готовъ выболтать всѣ свои анекдоты, которые составляютъ, кажется, насущную пищу его!...

Но что я замѣчала въ это время, ангелъ мой, на лицѣ и въ глазахъ Марина!... О, какъ ревнивъ онъ! Я не могла снести его взора, который подобно молніи впивался въ меня, хотѣлъ сжечь меня. Я едва украдкою взглядывала на него.... Я видѣла, какъ лице его покрывалось то смертной блѣдностью, то огненной краскою; я видѣла, какъ онъ силился прислушиваться къ словамъ Генерала, и.... Боже мой! онъ думалъ, что Генералъ говоритъ мнѣ какія нибудь ласкательства, что я слушаю его съ улыбкою, между тѣмъ какъ я ничего не слыхала, кромѣ музыки, ничего не видала, кромѣ Марина!.... Я не знаю, какъ и когда Генералъ окончилъ разсказъ свой; я, кажется, только опомнилась въ ту минуту, когда услышала укорительныя слова Марина:

— Этотъ Генералъ... прекрасный человѣкъ! сказалъ онъ.

Я не отвѣчала; я не знала, что отвѣчать ему. Въ это время, казалось, огнен-

ный воздухъ лился на лицо мое, и его слова, подобно стрѣламъ, впились въ мое сердце, и оно билось, какъ узникъ въ темницѣ.

— И особливо его эполеты, продолжалъ Маринъ — это прелесть! И онъ съ ними можетъ быть увѣренъ, что всегда будетъ нравиться женщинамъ. Если у него нѣтъ сердца, если онъ не имѣетъ чувствъ, тѣмъ не менѣе онъ владѣетъ генеральскими эполетами; а это въ глазахъ женщинъ дороже всего на свѣтѣ.

— Эполеты не замѣна чувствамъ, отвѣчала я, желая скрыть свое смущеніе; но мой голосъ трепеталъ, какъ порванная струна.

— Совершенно напротивъ, M-lle, сказалъ онъ. Въ нашъ вѣкъ кто говоритъ о чувствахъ! Дамы ихъ давно уже бросаютъ, какъ старую моду, или, что еще хуже, онѣ дѣлаютъ изъ нихъ игрушку; разцвѣчаютъ ея наружность, чтобы она всѣмъ бросалась въ глаза. Это — книга въ великолѣпномъ

богатоубранномъ переплетѣ, въ которую вписывается извѣстіе о послѣдней модѣ на Французскомъ языкѣ!... И, между тѣмъ, какъ много людей обманываются этою наружностію! Какъ много людей думаютъ, что въ прекрасномъ, божественномъ тѣлѣ могутъ заключаться и чувства! Къ несчастію, они разувѣряются всегда поздно.... тогда, какъ жизнь и смерть связываютъ концы свои вмѣстѣ...

— Боже мой! сказала я, — неужели есть женщины, у которыхъ нѣтъ чувствъ?

— О, какъ легко отвѣчать вамъ! возразилъ Маринъ. Впрочемъ, вы уже сомнѣваетесь — а сомнѣніе все тоже, что увѣренность.... И какъ вамъ не знать этого, живши въ большомъ свѣтѣ, гдѣ, начиная отъ перваго слова при свиданіи, до послѣдняго при прощаніи — все выучено, все вымѣрено!.... Подойдетъ ли Генералъ — его надобно подарить лишнимъ взглядомъ, лишнею улыбкой.... Подойдетъ ли человѣкъ, у котораго все богатство, вся знатность

состоитъ въ чувствахъ — его надобно осчастливить холоднымъ словомъ, можетъ быть, насмѣшливою улыбкой, — онъ не стоитъ болѣе!... Впрочемъ, не подумайте, чтобы это былъ упрекъ, — я слишкомъ хорошо знаю этотъ большой свѣтъ. Здѣсь любовь — незваный гость; его принимаютъ возлѣ двери — ни на шагъ болѣе, ни на шагъ далѣе... И на каждое слово его откланиваются, показывая, что̀ некогда заниматься имъ.

— Боже мой! сказала я, — и это говорите вы... вы!... Я не знала, какъ кончить!

— Отъ чего же не говорить мнѣ? возразилъ онъ. Я болѣе всѣхъ испыталъ въ этомъ свѣтѣ и холодные взгляды и сомнительныя улыбки!... Простите мнѣ откровенность: человѣкъ съ разбитымъ сердцемъ, съ растерзанными чувствами, находитъ утѣшеніе — можетъ быть, мученіе — говорить о себѣ... да-съ! Въ то время, когда я почиталъ выше всего на свѣтѣ одинъ взглядъ,

если бы онъ упалъ на меня.... когда я готовъ былъ за одно слово участія испытать всѣ бѣдствія, — я видѣлъ во взорѣ безчувственность, которая леденила мое сердце, терзала его пытками, заставляла его перепытать всѣ муки ада... Извините! можетъ быть, этотъ языкъ вамъ непонятенъ, — вашъ нѣжный слухъ не привыкъ къ этимъ жесткимъ выраженіямъ; онъ привыкъ слышать слова, приправленныя слегка каламбурами и учтивостями.

И при этомъ словѣ Маринъ хотѣлъ встать и раскланяться.

Не знаю, не помню, ангелъ мой, Полинька! что̀ я отвѣчала на его слова, но онъ остался со мною.... онъ уже говорилъ обо мнѣ и о себѣ! О, какъ онъ любитъ меня! Въ его груди не сердце, а пламень! Только его ревность... она ужасаетъ меня! Но за то любовь.... О, какъ она не походитъ на ту, которая, какъ перегнанная розовая вода, льститъ только прихотливому чувству, убаюкиваетъ колыбельною пѣсенкой! Я жадно

впивала каждое слово его, — онъ не игралъ словами, какъ привыкли у насъ, изъясняясь въ чувствахъ своихъ; каждое слово его казалось оторванною частью его сердца.... И неужели я должна была изъ приличія обманывать и его и себя, когда одно холодное слово мое могло убить его.... да и чего стыдиться?... Я сама съ нетерпѣніемъ ждала той минуты, когда любовь не будетъ одною мечтою, когда она осуществится звукомъ. Я могу перенести всѣ его упреки, но не перенесу того мига, въ который онъ перестанетъ любить меня.... Если мое и его сердце — два цвѣтка, которые ожили въ ту минуту, когда на нихъ палъ лучь любви, — то пусть же лучше они умрутъ вмѣстѣ, сожженные страстью, нежели розно, подъ холоднымъ дыханіемъ приличій, подъ мишурнымъ счастіемъ большаго свѣта!

— О, я лучше самъ откажусь отъ вашего взора, отъ вашего слова, говорилъ онъ, — только не слушайте, не говорите съ этимъ Генераломъ! Каждое ваше слово, каждый звукъ вашъ для меня божествен-

ная роса, подъ которою закрываются раны моего сердца; каждый вашъ взоръ — божественный лучь, согрѣвающій сердце, уносящій въ небо, и каждое ваше слово, сказанное Генералу, растравитъ мои раны, будетъ точить кровь изъ нихъ, медленнымъ ядомъ будетъ отравлять мое счастіе!... Скажите мнѣ все, чего вы хотите отъ меня; требуйте моей жизни — ни на одинъ мигъ не попрошу отсрочки... я умру — но закройте глаза мои.... любите меня по смерти!

— И вы можете сомнѣваться въ любви моей!... вы... когда и во снѣ и на-яву вашъ образъ преслѣдуетъ мое воображеніе.... Чего вы хотите отъ меня?... Я вамъ все сказала; я не скрыла отъ васъ моего сердца.... я заглушила ложный стыдъ въ груди моей... говорила вамъ то, что я думала... будьте возлѣ меня, когда Генералъ будетъ разговаривать со мною.... но я не могу отказать ему.... я не найду предлога къ отказу.

— О, какъ вы прекрасно любите! Вы не можете пожертвовать даже и этимъ! Вы

считаете величайшимъ несчастіемъ лишить слухъ свой пустаго ласкательства!

Слезы навернулись на глазахъ моихъ.— И вы упрекаете уже меня, сказала я, когда за одну минуту вы говорили... вы вымолили мое признаніе... О, если такъ, я готова отказаться отъ вашей любви.... ваша любовь будетъ однимъ мученіемъ.... ваши несправедливыя подозрѣнія будутъ терзать меня!

Я не могу написать тебѣ всего, ангелъ мой, Полинька! что говорилъ онъ, что отвѣчала я... я писала тебѣ только то, что въ эту минуту приходило на память мнѣ... я все позабыла... я была такъ счастлива... я теперь такъ счастлива... Мы опять помирились.... и могли ли мы разсердиться другъ на друга?... Но и мои упреки были не болѣе, какъ шутка.... но могла ли я шутить въ это время?... Не знаю, ничего не знаю я....только кромѣ моего счастія, только кромѣ любви его!...

ГЛАВА IV.

> O meine ahnungsvolle Seele — Jetzt —
> Jetzt ist sie da, die kalte Schreckenshand,
> Die in mein fröhlich Hoffen schaudernd greift.
>
> Schiller.

.... Но Аделаида не обо всемъ написала: она не знала еще окончанія этого бала. Въ ту минуту, когда Маринъ, такъ неосторожный въ изступленной любви своей, проводилъ Аделаиду до кареты и еще дожидался прощальнаго ея взора, кто-то подошелъ къ нему и всунулъ карточку въ его руку.

— Что это? Приглашеніе на балъ? сказалъ Маринъ, взглянувши на подателя. — Это былъ полковникъ, о которомъ говорилъ Лерскій.

— Да-съ! Только тамъ будутъ разговаривать посредствомъ пистолетовъ... или на сабляхъ — въ окрошку... какъ вамъ угодно!

— Извините, милостивый государь! вы, вѣроятно, дали мнѣ по ошибкѣ, отвѣчалъ Маринъ.

Маринъ думалъ, что всѣ должны радоваться его счастію.

— Не по ошибкѣ, милостивый государь! возразилъ полковникъ. Вы должны знать это. Я вамъ скажу имя, котораго вы не стоите. Я родственникъ Аделаиды З. До свиданія!

И полковникъ исчезъ съ этимъ словомъ.

Какъ громомъ пораженъ стоялъ Маринъ. Какъ! за одну минуту онъ былъ еще въ горячихъ объятіяхъ жизни, — и теперь онъ держитъ въ рукахъ своихъ билетъ

на свободный входъ въ кладбище!... За одну минуту еще мечты его кипѣли огненными искрами, за одну минуту любовь упоевала его своею волшебною, и еще недоговоренною пѣснiю.... теперь все это рушится: мечты леденѣютъ, любовь мертвѣетъ въ сердцѣ, которое, кажется, чувствуетъ уже, какъ къ нему достигаетъ холодное дыханiе смерти... О, это несносно! Человѣкъ никогда не привыкнетъ къ мысли о смерти. Только любви отверженной она представляется въ идеальномъ образѣ, но она ужасаетъ любовь счастливую.

Къ нему подошелъ Лерскiй.

— Ну, чтожъ ты сталъ на распутiи? сказалъ онъ Марину, схвативши его руку. Не давай, братъ, вывѣтриваться своему счастiю; болѣе всего, не разсуждай объ немъ. Любовь — дама причудливая! Она падаетъ въ обморокъ отъ силлогизмовъ. Она любитъ только того, кто передъ ней разсыпается мѣлкимъ бѣсомъ, кто, слушая ея пѣсни, забываетъ все на свѣтѣ, даже себя самаго,

и глядитъ ей въ глаза пристальнѣе бѣдняка, вымаливающаго подаяніе. Ну, нынѣшній день ты вѣрно обратился на путь истинный, и не сравниваешь болѣе женщинъ съ Гофмановыми автоматами, а ихъ сердце съ красивою вывѣской, которая лжетъ пуще Индійскаго Брамина, повѣдающаго народу, что онъ цѣлый годъ не принимаетъ пищи!... О, ты, братъ, много виноватъ передъ женщинами!... Но видно пословица всегда будетъ оправдываться: кто не ищетъ любви, того любовь ищетъ. Поздравляю!

— Послушай, Лерскій, сказалъ Маринъ, не слыхавшій болтовни его, — ты не откажешься быть моимъ секундантомъ?

Лерскій отскочилъ на три шага. — Что такое? сказалъ онъ, растягивая свой голосъ на три вершка.

Маринъ холодно повторилъ слова свои.

— А, вотъ что! сказалъ Лерскій. Ну, это совсѣмъ другое дѣло! А то, признаюсь, я не разслыхалъ твоего вопроса и, не знаю отъ чего, онъ мнѣ показался страш-

нѣе лица моей любезной тетушки, когда я просилъ у ней взаймы двѣ тысячи рублей. Вотъ такъ было мученье! Чего она не наговорила мнѣ въ этотъ разъ — дай Богъ ей здоровья! Я только что подсматривалъ въ ея ротъ, нѣтъ ли тамъ у ней другаго языка на подмогу!

— И ты такъ хладнокровно говоришь объ этомъ поединкѣ, какъ будто выстрѣлъ пистолета считаешь за дѣтскую хлопушку? сказалъ Маринъ.

— Не болѣе! отвѣчалъ Лерскій. Впрочемъ, братъ, я и ждалъ этого поединка: ты такъ откровенно разговаривалъ съ Аделаидою, что, можетъ быть, только ты и она не могли замѣтить, что почти всѣ взоры слѣдили за вашими движеніями. Не знаю, замѣтили ли твой поцѣлуй, которымъ ты изволилъ увѣнчать свое краснорѣчіе, только я видѣлъ, что Генералъ сидѣлъ въ креслахъ, словно они были набиты иголками, и при каждомъ словѣ твоемъ повертывался, какъ ржавый флюгеръ.

Да и этотъ полковникъ былъ не хладнокровнѣе этого Генерала: его усы такъ затѣйливо топорщились, словно у кота, встрѣтившаго своего соперника! Впрочемъ, тебѣ робѣть нечего! Ты, братъ, такъ лихо стрѣляешь, что твоя пуля, вѣрно, отъ дула пистолета ко лбу противника протянется перпендикуляромъ!

— Не всегда удача идетъ объ-руку съ искуствомъ, отвѣчалъ Маринъ. Я не трусъ — но какъ тяжело, полюбивши ее и узнавши, что она любитъ — итти на смерть, хотя и не на вѣрную! Видно, люди вѣчно будутъ вмѣшиваться въ счастіе другихъ. Мнѣ бы гораздо легче было итти на этотъ поединокъ, еслибы она не любила меня.

— Ну, братъ, тогдабы не было и этого поединка! А теперь... о, теперь, если Аделаида узнаетъ, что ты за нее хочешь стрѣляться, она за тебя выплачетъ всѣ свои лучшія слезки, и послѣ, увидя тебя, наговоритъ тебѣ столько радостныхъ привѣтствій, что передъ нею и придворный

восточный поэтъ покажется молчаливымъ. Бьюсь объ закладъ, что она тогда въ пространной Поцѣлуйной Ариѳметикѣ не будетъ ничего знать, кромѣ умноженія.

— О, я за нее тысячу разъ готовъ умереть теперь!.... Лишь бы ея взоръ былъ устремленъ на меня въ послѣднія минуты.

— Мечтатель! сказалъ Лерскій. Да если бы ты и въ самомъ дѣлѣ умиралъ... да что тутъ говорить! ты и при смерти вскочишь отъ ея взора и скажешь, что въ силахъ прожить еще два вѣка!

— Да, можетъ быть, только этого любовь не можетъ сдѣлать... Но умирать съ любовью все равно, что уносить рай въ душѣ своей.

— Однако, мечты въ сторону! сказалъ Лерскій. Надобно заѣхать къ Лизинскому. Можетъ быть, усатый пискарь и не позаботится о докторѣ — а онъ необходимъ во всякомъ случаѣ.

Маринъ кивнулъ головою въ знакъ согласія — и они подъѣхали къ дому Лизинскаго.

— Ну, любезный докторъ, сказалъ Лерскій, входя въ его кабинетъ, уставленный и обставленный разными препаратами, между коими докторъ занималъ не послѣднее мѣсто, — мы пріѣхали къ вамъ пить шампанское — не угощайте же насъ, вмѣсто его, микстурою!

— Изволите шутить, господинъ подполковникъ! Я не давно открылъ, что шампанское въ моемъ домѣ держать нездорово.

— Очень хорошо, любезный докторъ! А чѣмъ же вы потѣшаетесь въ минуты скуки? или вы, по обыкновенію, въ это время ѣздите въ гости?

— Извините, господинъ подполковникъ! нашему брату, доктору, съ роду не случалось отвѣдывать скуки. — Можетъ быть отъ того, что намъ никогда не случалось лѣчить ее.

— Какъ будто непремѣнно, что̀ вы лѣчите, надобно и вамъ испытать?

— А какъ же, господинъ подполковникъ? На примѣръ, если бы вамъ нужно было какое нибудь лѣкарство....

— О, совершенно не нужно, любезный докторъ!

— Это такъ пришлось къ слову, господинъ подполковникъ. Я знаю, что вы такъ рѣдко бываете нездоровы, что если бы всѣ мои паціенты походили на васъ, то я долженъ бы былъ бросить въ огонь всю свою медицину и писать уже романы, такъ какъ это нынче очень выгодно.

— Вотъ хорошо выдумали, любезный докторъ! сказалъ Лерскій. Переставши морить людей микстурами и тинктурами, вы хотите вооружиться на нихъ романами! Это очень забавно!... Однако вамъ извѣстно, что романъ безъ любви невозможенъ; а какъ же вы будете описывать ее, когда вы въ ней столько же смыслите, сколько я въ вашей медицинѣ?

— По преданію и по воспоминанію, господинъ подполковникъ!

— По воспоминанію, любезный докторъ? Это что за извѣстіе? Неужели вы были влюблены когда нибудь?

Докторъ, какъ будто обидившійся такимъ вопросомъ, вмѣсто отвѣта, только посмотрѣлъ важно на подполковника.

— Ну такъ какимъ же образомъ сладили высъ своею страстишкой? продолжалъ Лерскій. Я думаю — растолкли ее въ иготи, вмѣстѣ съ порошками?

— Да, смѣйтесь, господинъ подполковникъ! А я, право, любилъ больше вашего!

— Ха, ха, ха! То-то, я думаю, ваша прекрасная Дульцинея наплакалась надъ вашими письмами, дышавшими такою же пламенною поэзіей, какъ и ваши рецепты!

— Я еще тогда только учился, отвѣчалъ докторъ.

— И любви и медицинѣ вмѣстѣ?

— Да-съ! Я умъ приготовлялъ ко второй, а сердце пробовалъ на первой, отвѣчалъ докторъ.

— Часъ отъ часу не легче! Ну, теперь я перестану не вѣрить, что черепаха такъ медленно ходитъ не отъ того, что стра-

даетъ безнадежною любовью, что щука не изъ ревности ѣстъ карася, своего любовника!

— И наконецъ, присовокупилъ докторъ, съ лукавою усмѣшкой, — что осетры не могутъ говорить остроумно!

— Распрекрасно, любезный докторъ! Только шутки въ сторону. Вы, я думаю, знаете, что мы къ вамъ пріѣхали ни за шампанскимъ, съ которымъ вы не хотите водиться, ни за острыми словцами, которыя съ вами не хотятъ водиться, а за дѣломъ.

— Всѣ дѣла мои къ вашимъ услугамъ, господинъ подполковникъ!

— На этотъ разъ, любезный докторъ, къ услугамъ Александра Петровича. Вы завтра пожалуете къ нему со всѣми ваши ши препаратами въ 8 часовъ.

— Позвольте, позвольте, господинъ подполковникъ! Я, кажется, смутно начинаю догадываться.... съ вашей стороны пуля, съ моей операція....

— Съ моей стороны ничего, съ вашей, можетъ быть, также не нужно; однако мы съ вами необходимы.

— И вѣрно эта дуэль за острое словечко, господинъ подполковникъ?... Вотъ видите ли, какое неудобство говорить остроумно! Что касается до меня, я всегда стараюсь отъ этого воздерживаться.

— Вотъ ужь воздержности-то, любезный докторъ, я не замѣтилъ въ числѣ вашихъ добродѣтелей! А между тѣмъ завтрашнимъ утромъ она будетъ самою необходимою принадлежностію! сказалъ, смѣясь, подполковникъ.

— Это еще что такое, господинъ Лерскій? сказалъ докторъ съ такимъ видомъ, который иной почелъ бы за вывѣску раскаянія. У насъ, кажется, слава Богу, еще нѣтъ клуба Бахуса, а еслибъ и былъ, то я вѣрно не былъ бы въ числѣ...

— Его старшинъ? прервалъ Лерскій. — Разумѣется, господинъ докторъ! вы были бы просто дѣйствительнымъ членомъ!

— Хорошо же, господинъ подполковникъ! завяжите узелокъ на память. За всѣ ваши насмѣшки, при первомъ случаѣ, я пропишу вамъ такого лѣкарства, что передъ нимъ полынь покажется слаще сахару, и на оборотъ: сахаръ покажется горче полыни!... Мы, доктора, любимъ иногда такимъ образомъ подшучивать надъ желудкомъ больнаго!

— Я думаю, и не надъ однимъ желудкомъ, господинъ докторъ! Лучше побывать въ чистилищѣ, нежели въ вашихъ рукахъ!

— Вотъ то-то и есть, господинъ подполковникъ! А намедни, когда вы уговаривали меня, чтобъ я также въ свой чередъ уговорилъ Софью Павловну остаться здѣсь, — вы говорили совсѣмъ другое, до того, что я чуть не задохнулся отъ ѳиміама похвалъ вашихъ! . . . Однако, хотите ли, я съ вами и здѣсь сыграю шутку? Хотите ли, она уѣдетъ въ деревню?

— Напрасная горячность, любезный докторъ! Она черезъ недѣлю поѣдетъ въ церковь, изъ церкви поѣдетъ ко мнѣ, и та-

кимъ образомъ ваша поѣздка въ деревню равняется нулю!

— Отецъ Медицины! вскрикнулъ докторъ. Вы женитесь, господинъ подполковникъ?

— Чего же вы испугались, любезный докторъ?... Еще прежде, чѣмъ женюсь, я попрошу васъ къ себѣ, или если вамъ некогда, пришлите свой желудокъ на послѣднюю пирушку, на послѣднюю выставку виноградныхъ винъ!

— Къ вашимъ услугамъ, господинъ подполковникъ, къ вашимъ услугамъ! Я, какъ знатокъ, заранѣе объявляю мою благодарность тѣмъ пробкамъ, на которыхъ есть звѣздочка.

— Однако, любезный докторъ, — которая вамъ болѣе нравится: на небѣ, на груди, или на пробкѣ?

— Э, господинъ подполковникъ! до небесной высоко, до грудной мнѣ далеко, а которая поближе, та и наша! отвѣчалъ докторъ, растягивая свой голосъ.

— И дѣльно, любезный докторъ! Вѣдь вы не поэтъ, что вамъ нужны звѣзды небесныя; по васъ, я думаю, тамъ хоть трава не расти, даже трава цѣлительная! Вотъ для поэтовъ такъ дѣло совсѣмъ другое! Некому читать стиховъ своихъ, такъ давай читать ихъ звѣздамъ, да морочить астрономовъ, которые не знаютъ, отъ чего падаютъ звѣзды, — разумѣется съ просонья! Вѣдь элегія стиховъ въ двадцать — порядочныя сонныя капельки!...

Между тѣмъ, какъ Лерскій такимъ образомъ разговаривалъ съ докторомъ, Маринъ сидѣлъ задумавшись, подперши рукою свою голову, и, казалось, не слыхалъ ничего, что они говорили.... Онъ мечталъ объ Аделаидѣ... онъ не понималъ самъ, какимъ образомъ это сдѣлалось, что Аделаида могла сказать, что любитъ его болѣе своей жизни.... И потомъ: этотъ поединокъ.... Вихорь мыслей кружился въ головѣ его!... Онъ проклиналъ этого полковника, посягнувшаго на его счастіе, заставившаго его

сердце, подобно маятнику, биться между жизнію и смертію.

Лерскій, взглянувши на Марина, догадался, что некстати разшутился съ докторомъ, и потому поспѣшилъ сказать ему на прощаньи: пожалуйста, любезный докторъ — въ 8 часовъ къ Александру Петровичу. Оттуда поѣдемъ всѣ вмѣстѣ. Я надѣюсь, что этотъ поединокъ кончится благополучно и надолго отниметъ охоту у полковника мѣшаться въ чужія дѣла и коптиться въ пороховомъ дымѣ!

Они простились.

На другой день, послѣ поединка, Марина безчувственнаго внесли въ его комнату. Онъ былъ раненъ.

ГЛАВА V.

Друзья мои, гдѣ гости пьютъ,
Тамъ рѣчи остры, но не колки.

Баратынскій.

Мы должны попросить извиненія у прекрасныхъ читательницъ, потому что опять должны возвратиться къ бокалу, въ среду героевъ, занимавшихся (и не напрасно, какъ увидимъ) конечнымъ истребленіемъ непріятельской (весьма пріятельской) флотиліи. Этотъ день былъ послѣдній въ жизни Лерскаго, въ который онъ могъ на

свободѣ тѣшиться съ своими картечными и бутылочными пріятелями.

— Поздравляемъ, поздравляемъ! сказалъ докторъ, протягивая руку къ бокалу. Дай Богъ вамъ жить съ этого дня слаще этого напитка!... Фу, Боже мой, какъ полонъ бокалъ этотъ! Я его на полдорогѣ расплещу до половины, — это будетъ очень жалко!

— Смѣлѣе, любезный докторъ, сказалъ Лерскій. Ты, кажется, не новобранецъ въ этомъ случаѣ!

— Правда, правда, господинъ подполковникъ, — смѣлость города беретъ! Притомъ во мнѣ совсѣмъ нѣтъ желанія насыщать этимъ благоуханіемъ вашу атмосферу!... И докторъ при этомъ словѣ такъ ловко спровадилъ въ себя бокалъ свой, что, кажется, воздуху и понюхать его не досталось!

— Ну, теперь, любезный докторъ, извольте говорить, что̀ вы думаете о моемъ поступкѣ? сказалъ Лерскій.

— Да, да!... что бишь я хотѣлъ доложить вамъ?... Позвольте мнѣ сперва налить бокалъ свой, — онъ какъ-то всегда имѣетъ самое благопріятное вліяніе на мои мысли... однако я не стану наливать такъ полно... я люблю иногда подразнить себя!

— Къ дѣлу, къ дѣлу, любезный докторъ!

— Къ дѣлу? — Я и такъ къ нему приступаю, отвѣчалъ докторъ, опять наливая бокалъ свой. А впрочемъ, прибавилъ онъ, — что же вы думаете худаго объ языкѣ моемъ?... Я его нынче просилъ самымъ убѣдительнымъ образомъ послужить хорошенько.... онъ не откажется-съ!

— Разумѣется! сказалъ подпоручикъ Каринъ... что заботиться объ языкѣ! Если онъ и струситъ немножко вашей храбрости, — такъ мы его привяжемъ, чтобъ, по крайней мѣрѣ, онъ не мѣшалъ вамъ пить!

— Дѣло, дѣло, господинъ подпоручикъ! Только съ этимъ дѣломъ не уйдешь дальше постели!

— И не зачѣмъ! присовокупилъ Каринъ. Вы даже останетесь въ своихъ креслахъ. Вино не газъ! Оно скорѣе притянетъ васъ къ центру земли, нежели пуститъ въ ходъ!

— Совершенная неправда! возразилъ докторъ. Я самъ видѣлъ, господинъ подпоручикъ, какъ вы намедни, находясь въ такомъ восторженномъ состояніи, описывали дуги!

— Мимо, мимо, господинъ докторъ! Вы должны вспомнить пословицу: въ полѣ съѣзжаются, родствомъ не считаются! сказалъ Лерскій.

— Да, да! мы въ самомъ дѣлѣ удалились отъ нашей матеріи. Вы спрашивали меня о женидьбѣ. Ну, я думаю, что человѣкъ для того родится, чтобы жениться.

— А лѣчиться? сказалъ, входя, капитанъ Стойкинъ. — Не забудьте, господинъ докторъ, незабудьте: и лѣчиться!

— Пожалуй вы прибавите, господинъ капитанъ: и напиться! Эти послѣднія два

обстоятельства хороши, но только въ свое время и въ своемъ мѣстѣ.

— У нихъ одно мѣсто, любезный докторъ: въ желудкѣ.

— Если одно мѣсто, господинъ капитанъ, такъ не въ одно время. Вино уничтожаетъ силу лѣкарства.

— И на оборотъ, присовокупилъ подпоручикъ Каринъ: теперь олицетворенное лѣкарство уничтожаетъ вино!

Подпоручикъ до смерти любилъ сердить доктора. Онъ любовался, видя, какъ докторъ морщился, глотая его пилюли.

— Прошу покорно! сказалъ докторъ. Вотъ что значитъ присидѣться къ бутылкѣ шампанскаго! Какъ разъ ея благовонные пары влетятъ въ голову, и когда вылетаютъ, ихъ испаренiе не узнаешь съ природнымъ остроумiемъ... По истинѣ, надобно бы давно намъ заняться химическимъ разложенiемъ человѣческаго и шампанскаго мозговъ!

— Не дурно, любезный докторъ, сказалъ капитанъ Стойкинъ. Однако, какъ вы думаете: мнѣ кажется, не худо бы подвергнуть химическому разложенію также и дѣвушку.

— Ну ужь, господинъ капитанъ, здѣсь даже и *умозрительная* химія опуститъ свои крылушки, какъ промокнувшая птица.

— Вы вѣрно врагъ женщинъ, любезный докторъ, — и дѣльно! Ужь этѣ мнѣ женщины! Надоѣли пуще пустаго кошелька! Колдуютъ онѣ не колдуютъ, морочатъ не морочатъ, а такъ что-то ни въ ту, ни въ другую сторону! Куда ни приди: если есть женщины, такъ не съ кѣмъ слова сказать! Съ женщинами говорить не умѣю, а мущины липнутъ къ женщинамъ, словно корсеты! Если нѣтъ женщинъ, такъ только и словъ, что я танцовалъ съ такою-то, пожала мнѣ руку такая-то! Удивительно, господа! Не стыдно ли въ нашъ вѣкъ, который глубокомысленнѣе Египетскихъ гіероглифовъ, заниматься подобными спорами,

чтобы не сказать: вздорами!... Правда, иная женщина хороша, какъ райская птичка, и разряжена, какъ радуга... ну, такъ будто и надобно влюбиться въ нее, чтобъ самому себѣ надѣлать, а ей наговорить глупостей!

— Ну, господинъ капитанъ, сказалъ Лерскій, — вѣрно любовь къ вашему сердцу, какъ порохъ къ пулѣ, никогда не пристанетъ, а только будетъ отталкивать!

— И за это спасибо моему сердцу! сказалъ капитанъ. И за это я сей часъ готовъ выпить за его здоровье, а за здоровье любви — ни одной капельки!

— Чудное дѣло! сказалъ подпоручикъ Каринъ. Я доселѣ думалъ, что глаголъ любить никакимъ образомъ не можетъ побрататься съ ненавидѣть, — а вы, именно, ненавидите этотъ глаголъ, лучшій во всей грамматикѣ; это слово, лучшее въ языкѣ человѣческомъ.

— По словамъ вижу, господинъ подпоручикъ, что вы Платоникъ — а подъ его знаменами этотъ глаголъ возятъ въ тріум-

фальной колесницѣ. О, платонизмъ въ самомъ дѣлѣ такая птичка, которая вьетъ свое гнѣздо вездѣ, гдѣ бы то нибыло — и подъ мундиромъ военнаго, и подъ фракомъ дипломата, — подъ шелкомъ и кисіей красавицы. Ему все равно: гдѣ бы ни жить, только бы не быть праздношатающимся! А наша молодежь принимаетъ его съ отверстыми объятіями, пьетъ за его здоровье, дерется, чтобъ спасти его доброе имя, а онъ тихонько, изъ-за угла, надъ ними посмѣивается, да подставляетъ ослиныя уши!

— Ге, ге! господинъ капитанъ. Вы такъ возстаете противъ любви, словно въ вашемъ сердцѣ течетъ не кровь, а кислота!

— За то въ моей крови любовь никогда не пуститъ отростковъ, сказалъ Стойкинъ.

— Ну, не ручайтесь, господинъ капитанъ! Любовью нельзя командовать. Притомъ же она особенно любитъ нападать врасплохъ на такихъ людей, въ устахъ которыхъ не переводятся противъ нея такія страшныя филиппики! сказалъ Лерскій.

Докторъ въ это время попивалъ и прислушивался.

— А, вы все еще говорите о любви, господа! сказалъ онъ. Охота вамъ пускать на вѣтеръ слова свои!

— Будто любовь и вѣтеръ имѣютъ между собою какое нибудь отношеніе? спросилъ капитанъ Стойкинъ.

— О, разумѣется — любовь родная сестрица вѣтру!

— Такъ какъ мадера родная ваша тетушка! перебилъ Каринъ.

— Ну, пусть она будетъ тетушкой! сказалъ докторъ. За то, покрайней мѣрѣ, я буду феноменъ всѣхъ племянниковъ: самый вѣжливый, самый почтительный. Не скажу на ея щетъ какого нибудь дерзкаго анекдотца въ глаза ей, не осмѣю за глазами. Пока не выдохнется еще изъ ней умъ-разумъ, сдѣлаю ее своимъ фетишемъ; опростоволосится — помяну ее добрымъ словомъ!

— Вѣроятно наутріе, когда ваша голова будетъ трещать какъ Крещенскій морозъ.

— Трещать голова?... Это что за выдумка, господинъ подпоручикъ? Да за такое замѣчаніе я бы васъ опять отправилъ въ школу твердить дважды два четыре, и что трезвость должно считать въ числѣ первыхъ добродѣтелей!... Трещитъ голова! прошу покорно! Да я и не подозрѣвалъ въ васъ такого недоросля!...Покраснѣйте пожалуйста: это вамъ насказала нянюшка.... это...

— Довольно, любезный докторъ! Я увѣренъ, что вы за такую выходку вызвали бы меня на дуэль, еслибы ваша рука такъ же твердо держала пистолетъ, какъ бокалъ!

Докторъ хотѣлъ что-то возразить подпоручику, но это возраженіе разлетѣлось какъ пухъ, когда онъ взглянулъ на бутылки. — Господинъ подполковникъ! сказалъ онъ, — я сей часъ хотѣлъ пить за ваше здоровье, — и ни въ одной бутылкѣ не нахожу ни одной капельки! Покрайней мѣрѣ, если я на ва-

шемъ здоровьи обанкрутился, позвольте мнѣ выпить за здоровье вашей невѣсты!

— О, за здоровье моей прелестной невѣсты, любезный докторъ, я напою васъ до тѣхъ поръ, пока ваша душа не выглянетъ такъ же ясно, какъ дно пустой бутылки!

— Что за сравненье! проворчалъ докторъ.

— Ну, господа! продолжалъ Лерскій, — за здоровье моей невѣсты! Господинъ Стойкинъ, если васъ когда нибудь соблазнитъ супружество, желаю вамъ найти себѣ невѣсту такую, какую нашелъ я: рѣзвую, съ ангельскимъ личикомъ, съ невиннымъ сердцемъ, съ очами, въ которыхъ любовь и умъ горятъ яснѣе солнца, съ ножкою, отъ которою самъ безстыдный циникъ Діогенъ покраснѣлъ бы по уши (я увѣренъ, что и въ древнемъ мірѣ, такъ какъ у насъ, влюбившіеся не могутъ краснѣть далѣе своихъ ушей) и прокатился бы въ своей бочкѣ гораздо живописнѣе, еслибы узналъ, что на него устремлены очи красавицы, очи — упоительнѣе очей Юга!

— Добро! отвѣчалъ капитанъ, — я женюсь тогда, когда откроютъ шестую часть свѣта! Я тамъ поищу себѣ дѣвушку, которая прежде меня никого бы не знала, никого не видала бы изъ мущинъ; чтобъ по выходѣ за меня она не соскучилась сидѣть за замкòмъ; чтобъ она не требовала отъ меня къ каждой веснѣ новой модной кареты, или новой шали цѣною, превышающею мое годовое жалованье; чтобъ она не воспитывала цѣлую стаю мерзкихъ собаченокъ; чтобъ не упадала въ обморокъ отъ табачнаго дыма; однимъ словомъ, дѣвушку золотаго вѣка, а не нашего желѣзнаго!

— Смотри, братъ, не кончи тѣмъ же, чѣмъ кончилъ Маринъ. Онъ тоже любилъ поговаривать противъ женщинъ такія сентенціи, отъ которыхъ надобно было открещиваться... Да вотъ онъ влюбился такъ, что его жизнь виситъ только на пяти буквахъ. Я говорю о словѣ *люблю.*

— Да, за это словечко онъ чуть-чуть не проглотилъ пули, и чуть-чуть не

объѣлся пороховаго дыма за свою красавицу, которую, въ самомъ дѣлѣ, и я счелъ бы за ангела, если бы встрѣтилъ только одинъ разъ въ жизни!

— Господа, не дышите мнѣ на руку! прервалъ докторъ, наливая бокалъ свой. — Докторъ только что подливалъ и выпивалъ, выпивалъ и подливалъ. У него была одна пѣсня.

— Я думаю, любезный докторъ, васъ сглазить теперь не возможно. Вы теперь одарены двойнымъ зрѣніемъ, сказалъ подпоручикъ Каринъ.

— Точно!... Ну... а я опять приближаюсь къ прежнему тосту. Я до смерти люблю пить за чье нибудь здоровье... здоровье... Ulm!

— Ulm? Это что за тостъ такой, любезный докторъ? спросилъ подпоручикъ Каринъ. Я въ первый разъ слышу.

— К...акъ въ первый р...разъ? Это любимый тостъ всѣхъ нѣмецкихъ студентовъ... это три начальныя буквы трехъ

словъ: unsere liebe Mädchen... п.. понимаете теперь ?... Ulm !

— Я думаю, любезный докторъ, въ вашей памяти, какъ въ лексиконѣ, хранятся всѣ возможные тосты! сказалъ капитанъ Стойкинъ.

— А у васъ развѣ нынче рамазанъ, господинъ капитанъ ? Вы нынче не такъ веселы, какъ бывало прежде при подобныхъ случаяхъ. Неужели вы сокрушаетесь, что нашъ достойный подполковникъ же... нится ? Право, запейте свое горе... горе такъ нездорово.... вѣдь я же самъ тогда замучаю васъ этими безпокойными порошками, по милости которыхъ....

— Ну, разумѣется ! Вопервыхъ, по милости вашей, во вторыхъ — по милости порошковъ вашихъ — я все еще буду немножко покрасивѣе Египетской мумiи !

— Эхъ, господинъ капитанъ ! зачѣмъ такъ оскорблять человѣка, о способностяхъ котораго вы знаете только по слухамъ, а не по опыту !

— По опыту? сохрани Боже! Послѣ него я уже не буду въ силахъ говорить о вашихъ способностяхъ. Надобно вамъ сказать, что я отвергаю явленіе людей по смерти, и особливо людей, которые лѣчились по вашимъ рецептамъ, а не по рецептамъ матушки-природы.

— Ну вотъ и вышло, что вы господинъ капитанъ, ничего въ этомъ не смыслите — а говорите!... Да вѣдь наши лѣкарства-то и взяты изъ природы человѣческой — а не мы ихъ выдумали!. Право, подумаешь: какъ много мы теряемъ времени и трудовъ и силы, изучая... приготовляясь на службу человѣчеству!... А на дѣлѣ выходитъ, что все это понапрасну!.. Вмѣсто вѣчной благодарности, вы платите намъ вѣчными насмѣшками: и людей-то мы моримъ, и деньги-то беремъ, и безчеловѣчны-то мы... и однимъ словомъ: мы все и ничего!... Ну, вотъ, я бы вамъ совѣтовалъ лѣчиться у тѣхъ старухъ, которыя лѣчатъ по матушкѣ-природѣ! По кофейной гущѣ, да по бобамъ предсказываютъ

вамъ счастіе, по картамъ — вашу суженую, по мерзкой водѣ — выздоровленіе... ну, вотъ, и я на примѣръ — я тогда еще учился въ Университетѣ.... по всѣмъ угламъ всего города ходила тогда слава о такой-же лѣкаркѣ... вотъ я и вздумалъ посовѣтоваться съ нею, да загадать о своей будущей участи.... Какъ бы вы думали, что она предсказала мнѣ? — ишь что я буду женатъ на двухъ женахъ — негодная мѣльница!... Правда, у ней была прехорошенькая дочка... шестнадцати лѣтъ... я приволокнулся... да её лукавый дернулъ влюбиться въ моего товарища... провела меня, обманщица! Во всемъ пошла по своей негодной матушкѣ.

— Скажите пожалуйста! Видно у ней глаза были плохи! Впрочемъ, что же дѣлать! Вѣрно и на вашу долю досталось любить и быть любимымъ?

— О, разумѣется!... А все таки досадно — вѣдь то было моя первая любовь! Бывало во снѣ ина-яву я только и видѣлъ эту

хорошенькую дѣвочку... да, надобно сказать, она была прехорошенькая!.. Кстати, господа, выпейте пожалуйста за ея здоровье!

— Да я думаю, любезный докторъ, она теперь старѣе Дендерскаго Зодіака, морщиноватѣе сморчка — стóитъ ли пить за ея здоровье! сказалъ подполковникъ.

— Нѣтъ нужды, господинъ Лерскій! Мы выпьемъ въ память былаго! Что дѣлать! Чародѣй - время и наше тѣло сдѣлаетъ подобнымъ пробкѣ.... кстати о пробкахъ: разоткните, пожалуйста, этѣ бутылки!

— Сами, сами, любезный докторъ, съ налету!

— Ну инъ въ самомъ дѣлѣ! Куда кривая не вынесетъ! Э, господа, что у меня за чудо языкъ такое! Настоящая лодочка — плаваетъ, плаваетъ въ благоуханномъ морѣ и никогда не погибоша! Даже когда на мои очи налетитъ внезапный шквалъ, низпосланный могущественнымъ Мороеемъ — онъ и тогда еще не тонетъ... бормочетъ, бормочетъ — вы подумаете, что онъ уже за-

хлебывается — анъ нѣтъ! Онъ еще проситъ бокала шампанскаго — по старой привычкѣ!

— Старыя привычки, любезный докторъ, всегда лучше новыхъ!

— Привычки — наши друзья, а старыхъ друзей и пословица велитъ любить болѣе новыхъ.

— Но, кажется, эта бутылка не изъ старыхъ друзей вашихъ, любезный докторъ, сказалъ подпоручикъ, — она еще чужестранка на этомъ столѣ!

— О, со мной подобные друзья живутъ недолго — я и безъ лѣкарства ухожу ихъ!

— За то и онѣ нынче уходили васъ, любезный докторъ, — вы словно разбитый параличемъ, и съ мѣста тронуться не можете!

— О, разшиби меня параличъ, если онъ имѣетъ такое чудесное свойство.... такой вкусъ, такое благоуханіе!

— Вы, я думаю, желали бы умереть въ подобныя минуты, любезный докторъ?

— Умереть... о, умереть ничего не значитъ! Читали ли вы L'ane mort et la femme guillotinée, Жаненя? Тамъ очень много разсуждаютъ о смерти... только этотъ аббатъ, умиравшій отъ несваренія желудка, утверждалъ противное — ну да вѣдь съ такими толстыми аббатами и смерть не сладитъ!

— А что, любезный докторъ — признайтесь откровенно: сколько круглымъ числомъ вы отправляете для ней ежегодныхъ подарковъ?

— Годъ не придетъ на годъ, господинъ капитанъ. Да вѣдь и мы не волшебники, что можемъ всѣхъ вылѣчивать. Иногда позовутъ лѣчить такого больнаго, который уже позѣвываетъ, приготовляясь къ долгому отдыху — что же тутъ дѣлать прикажете? Отказаться не возможно — люди извѣстные — ну, и пропишешь такого лѣкарства, чтобъ хотя дни на два поберечь его для родственниковъ, то есть: хоть дать время написать завѣщаніе! Ну, а тамъ, и они не стоятъ уже! Вези хоть сей часъ на тотъ свѣтъ!

— Вы все вывертываетесь, любезный докторъ. Я говорю о тѣхъ, которые приготовляются въ дорогу съ вашимъ рецептомъ вмѣсто паспорта?

— Ну такъ чтожъ! Неужели намъ считать ихъ? Вѣдь ужь когда смерть придетъ, такъ и безъ рецептовъ отъ нее не отдѣлаешься!... Мы столько же виноваты въ ихъ смерти, какъ и они сами.

— Но неужели вы таки и не на жалованьи у этой беззубой старухи?... ну хоть, покрайней мѣрѣ, она васъ милуетъ? Вѣдь гдѣ ни послышишь, говорятъ: умеръ отъ доктора, а не умеръ докторъ!

— Да, смѣйтесь пока на досугѣ — я не принимаю на свой щетъ вашихъ насмѣшекъ, — онѣ не сродни мнѣ! Я буду лучше пить, а вы говорите, и такъ вамъ будетъ весело, да и мнѣ нескучно. Господа, чье здоровье?

— Пейте за свое!

— Нѣтъ, не годится — для меня это и такъ здорово!

— Ну такъ здоровье невѣсты господина подпоручика Карина! Вѣдь и онъ женится черезъ мѣсяцъ на Маріи... за компанію съ Г. подполковникомъ.

— Для меня все равно! отвѣчалъ докторъ — хоть всѣ пережинитесь, только помните, что я не операторъ: спиливать и выпиливать ничего не умѣю!

Вечеринка длилась. Шутки продолжали сыпаться, вино продолжало литься. Заря застала пирующихъ столь же румяными, какъ и сама она. Но докторъ не видалъ ее. Онъ спалъ самымъ богатырскимъ сномъ, приткнувшись къ столу носомъ.

ГЛАВА VI.

Ужасно сердцемъ обмануться!

И. Козловъ.

Между тѣмъ медленно шло выздоровленіе Марина, вопреки длиннымъ рецептамъ доктора и его вѣчно-неизмѣняемому и вѣчно-повторяемому: дня черезъ два вамъ будетъ легче — и тогда я позволю вамъ вставать съ постели... Казалось, ничего не помогало: онъ лежалъ блѣденъ какъ полотно, но на лицѣ его не замѣтно было даже оттѣнка боли. Смотря на его лицо и на полу-

закрытые глаза, вы бы сказали: это поэтъ, созерцающій міръ идеальный — въ нёмъ нѣтъ ни одной мысли о мірѣ вещественномъ; это магнитизируемый, который живетъ внутренней жизнію; это человѣкъ, упившійся опіумомъ, если вѣрить волшебнымъ сказкамъ Матюрина!

Въ самомъ дѣлѣ, если больной Маринъ потерялъ чувства и не понималъ ничего окружающаго, то, въ замѣну этого, онъ жилъ болѣе сердцемъ. Да онъ и не хотѣлъ бы думать о настоящемъ. Онъ обнималъ, казалось, свое прошедшее счастіе, слившееся нераздѣльно съ именемъ Аделаиды. Первый восторгъ взаимности былъ для него такъ увлекателенъ, что онъ почиталъ его болѣе волшебнымъ сномъ, и каждую минуту страшился проснуться, выйти изъ этого очарованнаго круга. О, какъ бы тогда была для него тяжела существенность, еслибы онъ узналъ, что это насмѣшка воображенія; что Аделаида была одна мечта, исчезнувшая при его пробужденіи; что ея любовь была его сонная грёза!... Онъ уже такъ сроднился

съ своими мечтами, такъ привыкъ къ своему счастію, что еслибы въ сосудъ его жизни, въ сосудъ его любви попала одна капля равнодушія, одинъ взоръ холодности — онъ разбилъ бы этотъ сосудъ! Горячая первая страсть охватила все существо его, жгла его мозгъ, мучила его воображеніе, — но эта мука была его блаженствомъ.... Для него все превращалось въ одинъ только образъ Аделаиды; цѣлый великолѣпный міръ, какъ говоритъ Шиллеръ, былъ для него одинъ прекрасный алмазъ, на которомъ былъ начертанъ ея образъ!... Онъ созерцалъ ея очи, онъ глядѣлся въ ея очи, голубыя какъ небо, привѣтныя какъ небо! И какъ много выражалось въ этихъ очахъ! Какъ много неизвѣданнаго, неизъяснимаго понималъ онъ въ нихъ! То онъ видѣлъ въ нихъ выраженіе сочувствія — о, какъ отрадно было для него, когда эта зѣница воспламенялась, разсыпалась искрами! То онъ видѣлъ, что эти прекрасныя очи покрывались тускомъ, дышали нѣгою — и всѣ жилы его трепетали, какъ струны; вся кровь его превра-

щалась въ огонь, приливала къ сердцу! О, одна только любовь можетъ дать крылья воображенію; она одна только показываетъ человѣку, какъ онъ можетъ быть счастливъ!

Но что такое любовь? Для чего никто до сихъ поръ не рѣшилъ этого вопроса, хотя всякій перепыталъ всѣ ея радости, всѣ ея мученія? Она, кажется, не гіероглифъ; она съ виду такъ проста, она, изволите видѣть, состоитъ только изъ шести крошечныхъ буквъ! Почему бы, напримѣръ, хоть Китайская Академія не назначитъ большаго награжденія своимъ ученымъ Мандаринамъ за подробное изслѣдованіе объ этомъ предметѣ? А это необходимо, особливо въ нашъ вѣкъ, который хочетъ изъ паутины сшить кафтанъ себѣ, который негодныя мочалки превращаетъ въ умную книгу, который въ скоромъ времени займется изслѣдованіемъ: какое отношеніе имѣетъ мозгъ человѣка къ мозгу комара, и кто изъ нихъ относительно кого умнѣе?... Впрочемъ, изволите видѣть, я это мѣчу на самаго себя: меня

уже давно занимаетъ бытіе этихъ существъ тоненькихъ, долгоногихъ, которыхъ еслибы нарядить въ кафтанъ, то они точь вточь походили бы на Ичабода Крана Вашингтона Ирвинга! Эта моя диссертація будетъ преобширная. Я почти уже половину написалъ ея. Какъ слѣдуетъ настоящему ученому, я уморилъ для этого нѣсколько комаровъ (изъ одного уже сдѣлалъ чучелу), и такимъ образомъ занимался разсматриваніемъ внутренняго ихъ строенія — удивительно! Но объ этомъ послѣ вы прочтете въ моей диссертаціи. Меня занимаютъ теперь ихъ нравы. Комары вѣтрены, какъ Французы, и также вѣжливы къ своему прекрасному полу.... Впрочемъ извините: дѣло шло о любви, а не о комарахъ, но опять повторяю: *впрочемъ* авторъ любитъ распространиться о своемъ сочиненіи, особливо, когда оно ему стоило много трудовъ, времени и издержекъ, а послѣдняго даже очень много, потому что мнѣ нужно было купить комаровъ свѣжихъ, здоровыхъ, дышавшихъ деревенскимъ возду-

хомъ — городскіе для наблюденія совсѣмъ не годятся, а перевозъ первыхъ — ихъ везли на черепахахъ и каждаго въ особой приличной клѣткѣ — стоитъ очень дорого.

И такъ я сказалъ, или лучше, я не сказалъ ни одного слова о любви, и это потому, что на щетъ ея люди удивительно какъ молчаливы. Правда, я нашелъ ея опредѣленіе въ одной нѣмецкой книгѣ какого-то доктора философіи — но изъ этого опредѣленія я узналъ, что любезный докторъ никогда не былъ влюбленъ, и отъ этого очень не мудрено, что онъ опредѣлилъ любовь очень мудрено — онъ что-то толковалъ о возрожденіи новыхъ недѣлимыхъ. У этого доктора, изволите видѣть, мысли были отлично недѣлимы, такъ что онъ однажды запутавши ихъ Гордіевымъ узломъ, даже и самъ послѣ ни ихъ не могъ распутать, ни самъ изъ нихъ выпутаться. Однако онъ къ самому концу обыкновенно прибавлялъ слово ergo, и это ergo, по-крайней мѣрѣ, ему казалось мечемъ Александра...... Еще кто-то другой сравнилъ

любовь съ укушеніемъ тарантула, и въ этомъ случаѣ даже предлагаетъ средство вылѣчиться — музыкой.... Прекрасное средство, только жаль, что оно не дѣйствительно! Музыка создана для любви, а не противъ любви. Она невольно увлекаетъ васъ въ свой міръ — міръ мечтательный, міръ блаженства! Она заставитъ васъ задуматься, она зачаруетъ ваше сердце. Музыка есть сама любовь. Прижимайте къ вашему сердцу вашу милую, или слушайте звуки музыки — вы равно будете жить жизнію небесною! Вы грустите, когда кидаете послѣдній прощальный взоръ на вашу милую; вы готовы заплакать при послѣднихъ разлетающихся звукахъ музыки! — О, для чего же это очарованіе такъ кратковременно? — говорите вы, — для чего я не могу умереть въ объятіяхъ милой? Для чего я не исчезну вмѣстѣ съ звуками? — И какъ тяжело въ обоихъ случаяхъ возвращаться къ существенности! Вы уже такъ привыкли читать въ этихъ очахъ малѣйшіе оттѣнки грусти и радости.... вы

уже такъ блаженствовали въ этихъ роскошныхъ, полныхъ объятіяхъ — и все это вдругъ исчезло; вы опять должны возвратиться къ этимъ людямъ, движимымъ ничтожными, мѣлкими страстями, прячущими отъ васъ свое сердце и раскрывающими передъ вами свой холодный, эгоистическій умъ.... къ этимъ людямъ, которые и въ вашемъ сердцѣ хотятъ задуть небесныя искры; которые смѣются вамъ и въ глаза и за глаза за то, что вы не слѣдуете условіямъ свѣта, въ силу которыхъ вы должны все вымѣрить, все взвѣсить — и взглядъ, и поклонъ и улыбку! Вы смѣшной человѣкъ: вы благосклонный взглядъ вельможи промѣняли на взглядъ вашей милой. Онъ подарилъ васъ улыбкой — а вы завтра не явились къ нему въ переднюю.... Что вы выиграете отъ вашей любви, отъ вашей чувствительности? — Вѣдь любовь не хлѣбъ — сыты не будете; вѣдь чувствительность не золото, — что съ нею всегда можно быть счастливу!...

Почти также судятъ у насъ объ музыкѣ. Мы еще не привыкли къ изящному. Мы ѣздимъ въ театръ — или чтобъ хорошенько вздремнуть, или чтобъ поиграть лорнетомъ. Иной, бывши въ театрѣ, наутро у васъ же справляется: какую піэсу вчера давали?... Мы обо всемъ любимъ судить по наслышкѣ; мы боимся высказать свое мнѣніе, хотя бы оно касалось вопроса: умна ли собачка Графини N.?

Возвращаюсь къ любви, хотя я еще и не ушелъ отъ нея.

Эта малютка, которая такъ мило подшучиваетъ надъ человѣческимъ родомъ — Богъ ее знаетъ, гдѣ она видѣла свое рожденіе, и Богъ ее знаетъ, гдѣ приключится смерть ея! Только вотъ уже нѣсколько тысячь лѣтъ, какъ она изволитъ разгуливать по нашей крошечной планеткѣ — и въ одно и то же мгновеніе кочуетъ подъ шатромъ Бедуина, скрывается въ гаремѣ Мусульманина, невидимкою отъ эвнуха; вышиваетъ и раскрашиваетъ кожу Полинезца;

грѣется подъ палатиномъ Европейской барышни, или переряживается съ нею же въ шляпки и газы. Ей вездѣ хорошо. Она всѣхъ посѣщаетъ. Но не просите ее къ себѣ, не докучайте ей, чтобъ она васъ посѣтила. Она прихотница, причудница, она горда. Она сама зайдетъ къ вамъ, такъ, мимоходомъ, на минутку; она застанетъ васъ врасплохъ — она это любитъ. Она улыбается, она рада, что вы такъ мило смущены, что вы совсѣмъ не приготовились принять такого почетнаго гостя .... *Асмодею на волѣ* (Asmodeus at large) она явилась вечеромъ, въ сумерки, послѣ прекраснаго обѣда, послѣ прекраснаго шампанскаго. *Бальзаку* она являлась вездѣ — и на подмосткахъ живописца, и на улицѣ, и въ гостиной, и въ шляпкѣ, и въ чепчикѣ, и въ гребенкѣ, и въ спальномъ платьѣ, и въ утреннемъ неглижѣ, и въ завтракъ, и въ обѣдъ, и въ ужинъ. *Жаненю* не удалось встрѣтить ее въ порядочномъ мѣстѣ: она являлась ему то на ослѣ, то въ грязи, то въ гадкомъ фіакрѣ; являлась, но не глядѣла на него даже въ тюремную

скважину, когда онъ сидѣлъ на дворѣ и смотрѣлъ въ нее. *Виктору Гюго* она тоже является какимъ-то страннымъ образомъ, только его Эсмеральдѣ она предстала какъ должно: въ прекрасномъ мундирѣ, съ золотыми шпорами, ночью, въ самый часъ объѣзда, когда за бѣдною Эсмеральдой Петръ Гренгуаръ гнался по слѣдамъ, безобразный Квазимодо подстерегалъ за угломъ и неистовый Фролло хотѣлъ вымучить ея сердце. *Поль-де-Кокъ* выбралъ для себя любовь двуличневую: передъ однимъ лицемъ онъ вздыхаетъ и плачетъ, клянется и обманываетъ; передъ другимъ онъ говоритъ такъ жестко, что, кажется, готовишься обвинить природу: за чѣмъ она дала уши. Поль-де-кокъ видно не любитъ баловать любовь. Онъ прочелъ однажды романъ Пиголебрюня и сказалъ: вотъ моя дорога! Пойду по ней и кстати поклонюсь покойной Радклифъ — для меня она нужна будетъ въ Бѣломъ Домѣ. Кстати о послѣдней. То-то были блаженныя времена, когда процвѣтала она вмѣстѣ съ Дюкре-Дюменилемъ, съ добрымъ Авгу-

стомъ Лафонтеномъ, съ страшнымъ Генрихомъ Шписсомъ! У Радклифъ — привидѣнія и таинства; у Дюкре-Дюмениля таинства и разбойники; у Лафонтена добродушная флегма; у Шписса черти — что это за прелесть! Прочтите *Привидѣнія и таинства въ замкѣ Безанто* — и посмотрите, какъ покойная бабушка-романистка хорошо была знакома съ любовью!

И такъ что же такое любовь? — Чародѣйка, которая нашептываетъ и заговариваетъ, которая пользуется вашею легковѣрностію, которая въ одно время и лѣчитъ и мучитъ васъ, то по системѣ Ганнемана, то по системѣ его противниковъ — аллопатовъ; она даетъ вамъ пить ядъ, но ядъ сладкій, обворожительный. Она пользуется вашими слабостями. Она уговариваетъ васъ, она сердится на васъ.... Нынѣшній день она встрѣтитъ васъ очаровательной улыбкою, отъ которой вы бы растаяли, если бы вы могли отъ чего нибудь растаять; завтра она васъ встрѣтитъ холоднымъ Поклономъ, отъ котораго ваши чувства, вы сами за-

мерзли бы, если бы вы могли отъ чего-нибудь замерзнуть. Нынѣшній день она не можетъ наговариться съ вами, завтра вы не вымолите у ней ни одного слова, кромѣ *да* и *нѣтъ!* Сверхъ того любовь измѣнчивѣе хамелеона. Но она всегда божественна. Она дѣйствуетъ вдругъ на всѣ ваши чувства, на всѣ ваши нервы.... О, любовь въ самомъ дѣлѣ прелестное, только жаль, что непонятное созданіе, потому что всѣ противоположности сливаются въ ней какъ капли, но и все счастіе заключается въ ея объятіяхъ, всѣ надежды отцвѣчиваются въ ея взорахъ, благоухаютъ въ ея дыханіи, звучатъ въ ея словахъ!... Но если она только чуть замѣтитъ, что вы засмотрѣлись на ея очи, заслушались ея пѣсни — она уже готова изподтишка улыбнуться на васъ и улыбнуться не отъ чистаго сердца.... Отъ этой улыбки въ дребезги разлетится ваше счастіе, какъ дымъ разлетятся ваши надежды!

И такъ что же такое любовь? — Шпіонъ, который подсматриваетъ за вашимъ сердцемъ, который вездѣ слѣдитъ за вами,

влечетъ васъ, выпытываетъ изъ васъ всѣ ваши сокровенныя мысли, обрываетъ всѣ розы съ прошедшаго, сыплетъ ихъ на ваше настоящее, отводитъ, какъ говорятъ простолюдимы, ваши глаза, такъ что вы ничего не увидите въ своемъ настоящемъ видѣ — все будетъ казаться прекраснымъ, все будетъ отливать радужными оттѣнками, — но все это не надолго! Дунетъ вѣтеръ и спахнетъ всѣ ваши подложные розовые листики — и вы увидите, что они нужны были только для того, чтобы закрыть собою тернія, чтобы легче обмануть васъ, чтобы предать васъ въ руки отчаянія! И тогда-то спадетъ завѣса съ глазъ вашихъ — вы увидите на лицѣ этого шпіона ядовитую усмѣшку, вы услышите его раздирающій хохотъ.... О, велики, не съ природою человѣка сообразны будутъ ваши муки! — Ни одной радости въ цѣлой жизни, ни одного мѣста въ цѣломъ мірѣ, чтобы вамъ преклонить свою голову, чтобы забыться вамъ отъ сердца, которое мучитъ васъ муками Прометея!... Байронъ хорошо зналъ чело-

вѣческое сердце — Байронъ анатомировалъ любовь. Прочтите его Гяура, прочтите его *Сонъ*, гдѣ отчаяніе, какъ плющъ, переплелось съ любовію; гдѣ этого юношу терзала любовь — и въ замкѣ, гдѣ онъ грызъ зубами таинственную записку, и подъ знойнымъ небомъ, гдѣ онъ скитался бездомнымъ странникомъ, и предъ алтаремъ, гдѣ онъ стоялъ съ невѣстою. Вездѣ любовь и отчаяніе, отчаяніе и любовь!

Но не всегда такъ бываетъ. Я далекъ отъ того, чтобы обвинять любовь. Если бы даже одиннадцать судей произнесли: виновенъ, а двѣнадцатый сказалъ: нѣтъ, — все бы любовь не была виновата. Еще, слава Богу, есть люди, есть сердца, для которыхъ любовью красенъ міръ, любовью счастлива жизнь, для которыхъ и могила не страшна отъ того, что они увѣрены, что на ихъ холодный прахъ еще упадетъ горячая слеза милой или милаго; что они и за гробомъ будутъ любить — и еще любовью очаровательнѣйшей, любовью чистѣйшей, любовью вѣчной!

Да, велико было блаженство Марина, когда онъ мечталъ о своей Аделаидѣ, о ея неизмѣнной клятвѣ вѣчно любить его! Теперь онъ узналъ, что счастіе нельзя разложить химически, что оно нераздѣльно заключается въ сердцѣ женщины. Да и для чего же бы были созданы эти прекрасныя существа съ ангельскими личиками, довѣрчивыя, беззащитныя; эти райскія птички, напоминающія намъ что-то выше всего, что находится на нашей бѣдной землѣ? — Они созданы для любви. У нихъ сердце, у нихъ чувства такъ нѣжны, такъ раздражительны, что искра страсти, проникнувшая въ это эфирное существо, разгорается въ немъ пламенемъ и никогда не можетъ погаснуть... — О, какъ она любитъ меня! какъ обольстительны были ея взоры, какъ упоительны были слова ея! Она во мнѣ одномъ только сосредоточивала всѣ свои понятія.... она въ первый разъ еще любитъ... она не можетъ никого болѣе любить уже... я такъ хорошо прочиталъ въ ея сердцѣ... она такъ очаровательно разсказывала мнѣ о первой на-

шей встрѣчѣ, о первомъ ея впечатлѣніи, когда она не могла въ цѣлую ночь сомкнуть глазъ своихъ... она все думала обо мнѣ... трепетала при мысли, что я могу забыть ея!... И какъ упоителенъ былъ поцѣлуй ея!... Эти полненькія, розовенькія уста, слившіяся съ моими.... о, я не могу понять, отъ чего есть люди, которые говорятъ, что въ поцѣлуѣ женщины мы впиваемъ ядъ въ себя.... какіе это бѣдные, ничтожные люди!... Если это ядъ, то этотъ ядъ слаще божественнаго нектара!... О, какъ при этомъ поцѣлуѣ трепетало мое сердце.... какъ трепетали жилы мои.... это мгновеніе было похищено у неба!... И сколько подобныхъ мгновеній ожидаетъ впереди меня.... теперь нѣтъ предѣловъ моему счастію!... О, Аделаида, на землѣ нѣтъ ничего, чѣмъ бы можно было заплатить тебѣ за любовь твою!... Говорятъ: я бы пожертвовалъ своею жизнію за любовь твою!... О, сколько моихъ жизней недостаточно, чтобы искупить одинъ взглядъ ея!... И она говорила, что не можетъ насмотрѣться на меня, наслушаться меня!...

О, съ какимъ избыткомъ заплатила она мнѣ за мои несправедливыя подозрѣнія, за мученія ревности!... И я не могъ прежде догадаться, что она не любитъ этого Генерала, что она любитъ меня!.... Она будетъ вѣчно любить меня.... она не измѣнитъ мнѣ.... Она не похожа на тѣ ничтожныя созданія, которыя прежде наполняли сердце мое.... Ея слова, ея увѣренія дышали дѣвственною чистотою.... Она говорила то, что чувствовала, а не то, что выучила!... О, какъ я счастливъ теперь!...

Такъ думалъ Маринъ. Да и кто изъ влюбленныхъ, услышавши признаніе своей милой, не мечтаетъ подобнымъ образомъ? Мы не хотимъ, мы не можемъ вѣрить измѣнѣ. Мы слишкомъ увѣрены въ собственномъ своемъ достоинствѣ; мы всегда любимъ ставить себя выше другихъ; мы смѣемся, когда къ намъ хотятъ примѣнить судьбу другаго. Да и какъ можно повѣрить измѣнѣ? Да вѣдь онъ не достоинъ былъ обладать такимъ сокровищемъ! Да вѣдь она не могла любить его ни за нравъ, ни

за красоту! Онъ самъ все это могъ предвидѣть.... А меня любятъ еще въ первый разъ — первая любовь никогда не забывается. Надобно быть слишкомъ жестокимъ, чтобы предполагать въ этомъ прелестномъ, божественномъ созданіи общее что нибудь съ другими женщинами! Она отлична отъ нихъ — она ангелъ! Ея уста никогда не обезобразятся коварствомъ или измѣною. Люблю — вотъ что должно излетать изъ этѣхъ пунцовыхъ губокъ! Намъ говорятъ, что она любила уже десять разъ, что она намъ поклялась въ одиннадцатый.... Мы сердимся на этого несноснаго доносителя... но при первомъ случаѣ мы спѣшимъ вывѣдать эту тайну у своей милой.... Боже мой! она плачетъ, она упрекаетъ въ вѣроломствѣ (хотя это слово немножко пахнетъ радклифщиной), она говоритъ, что вы, стало быть, ее не любите, когда могли подумать, что она могла любить кого-нибудь другаго, кромѣ васъ — и вы растаяли, вы снова у ногъ ея, просите у ней прощенія, что осмѣлились усумниться

въ *первой* любви ея! О, одной женской слезы достаточно, чтобъ погасить въ насъ пламя ревности, разрушить теоріи, построенныя на коварствѣ прекраснаго пола!... Нѣтъ, говорите вы, этотъ взоръ слишкомъ чистъ, чтобы онъ могъ скрыть вѣроломство; эти уста слишкомъ цвѣтущи, чтобы они могли уже прежде говорить люблю!... Да и какъ нѣжно она обвиваетъ васъ своими ручками; какъ упоительны ея лобзанія, какъ довѣрчивы слова ея! Она не можетъ ничего скрыть отъ васъ; она разсказываетъ вамъ о своемъ дѣтствѣ, о своей пансіонской дружбѣ... какъ онѣ обманывали учителей, какъ прикидывались больными..... Ангелъ! говорите вы и повторяете это слово безъ счету.... Но если бы вы имѣли у себя шапочку-невидимку, чтобы подсмотрѣть, что дѣлаетъ безъ васъ этотъ ангелъ.... только что вы прыгъ изъ комнаты, она прыгъ къ письменному столику... и скажите пожалуйста: зачѣмъ вашъ пріятель такъ часто посѣщаетъ васъ?... Что день, то у него новый предлогъ — то

справиться о вашемъ здоровьи, то мимоходомъ, то попросить у васъ совсѣмъ ненужной книги, то разсказать анекдотецъ... и каждый день все съ новымъ извѣстіемъ, и каждый день съ желаніемъ или пересказать вамъ какую нибудь сатиру, или самихъ васъ сдѣлать сатиромъ.

Такимъ образомъ прошло еще двѣ недѣли.

Однажды утромъ, входя въ комнату больнаго Марина, докторъ былъ изумленъ неожиданностью: онъ примѣтилъ на лицѣ Марина слѣды близкаго выздоровленія.

— А, сказалъ докторъ, — вообразите Александръ Петровичь, — вамъ какъ нельзя лучше помогли мои лѣкарства, а вѣдь признаться: я ихъ давалъ вамъ на удачу и совсѣмъ почти не ожидалъ такого близкаго, спасительнаго дѣйствія.

— Да, да, любезный докторъ, вы попеченія матери-природы всегда готовы отнести къ своему искуству! Впрочемъ я вамъ

благодаренъ отъ ушей до пятокъ за ваши старанія!

— О, объ моихъ стараніяхъ и говорить нечего! Я такъ радъ вашему выздоровленію, что не знаю, на какомъ языкѣ восхищаться мнѣ!..... А вѣдь пока вы лежали, у насъ въ свѣтѣ составился цѣлый словарь чрезвычайныхъ произшествій..... Вопервыхъ: Князь Q. говорилъ намедни такъ умно, что всѣ развѣсили уши..... только, признаюсь, я подозрѣвалъ, и кажется не безъ причины, не печатный ли былъ умъ у него?

— Вы всегда во всемъ предполагаете самое худшее, любезный докторъ!

— Во вторыхъ: Графиня Z. чуть-чуть не умерла намедни со страху, услышавши, что ея любимая собачка закашлялась!

— Въ третьихъ: о, это третье самое уморительное.... Я думаю, что самъ Демокритъ наплакался бы до-сыта и Гераклитъ нахохотался бы до-упада..... Генералъ женился на.... на.... ну, совсѣмъ забылъ ея имя — да вы, я думаю, помните ту

прелестную блондинку, которая чуть не свела съ ума всѣхъ молодыхъ людей, домогавшихся любви ея, и всѣхъ молодыхъ дѣвушекъ, хотѣвшихъ съ нею соперничествовать.... ну, эту шестнадцатилѣтнюю комету, недавно появившуюся на бальномъ горизонтѣ.... Аделаида З. — вспомнилъ!

И, сказавши это, докторъ выпучилъ глаза на Марина.

— Ахъ, что же это опять съ вами сдѣлалось?... не колотье ли? не дурно ли вамъ?

— Вонъ! вскрикнулъ Маринъ.

И глаза его заблистали и по лицу его разлилась огненная краска.

— Вотъ тебѣ разъ! шепталъ докторъ, выбираясь изъ комнаты, — я думалъ, что онъ выздоравливаетъ.... а онъ только перелѣзъ изъ куля въ рогожу... онъ, кажется, стряхнулъ совсѣмъ!

ГЛАВА VII.

Ihr sagtet selbst daß er von Sinnen war.
Die Worte eines Rasenden, Verrückten,
Beweisen nichts.

Schiller.

Was für ein Anblik? Welch' ein Wiedersehn!
Schiller.

Тяжело бываетъ свыкнуться съ человѣкомъ, который не милъ намъ: здѣсь привычка — быть вмѣстѣ — не скоро беретъ права свои; мы дѣлаемъ шагъ впередъ и

едвали не два назадъ! Сердце, или, если угодно, глаза мудрено приучить, чтобы они видѣли хорошее тамъ, гдѣ они не видятъ, гдѣ они не хотятъ видѣть.... Но быть осуждену провести цѣлый вѣкъ свой съ такимъ человѣкомъ, дѣлить съ нимъ, по обязанности, свои печали и радости, или, что еще хуже, не имѣть ни печалей, ни радостей, такъ, чтобы вся ваша жизнь была подобна одной безобразной застывшей глыбѣ, расточать свои ласки, хотя не слишкомъ ласково, этому существу, которое отдѣлено отъ васъ, кажется, самою природою и физически и нравственно, — это значитъ посѣять сѣмяна смерти въ груди своей — и близокъ мигъ, въ который они, для своего созрѣнія, выпьютъ всѣ ваши жизненные соки!

Нашъ вѣкъ не слишкомъ разборчивъ на природныя качества такихъ людей. Мы всѣ потомки Креза, только потомки, которымъ въ наслѣдство не осталось ровно ничего. Отъ этого мы такъ и любимъ людей съ вещественными качествами. Грибоѣдовъ только для риѳмы поставилъ вопросъ: богатъ ли

Чацкій, послѣ вопроса: не Камеръ-Юнкеръ ли онъ? — Но бѣда, если бы намъ досталось вполнѣ богатство Креза! Разумѣется, мы не умерли бы съ голоду, какъ говорится въ извѣстной эпиграммѣ, — нѣтъ!... мы построили бы висячіе сады, подобно Семирамидѣ, мы развели бы апельсинныя и лимонныя деревья на островахъ Ледовитаго Океана, чтобы сказать: у меня есть ледяное помѣстье, въ которомъ цвѣтутъ южные плоды; мы бы отлили хрустальныя палаты; наша расточительность превзошла бы фантазію восточныхъ сказачниковъ: у насъ били бы ключи живой воды; у насъ пѣли бы деревья, у насъ говорили бы птицы, и тѣ оперенныя животныя, которыхъ пословица не хочетъ назвать птицами, у насъ несли бы золотыя яица!... О, много бы сдѣлали мы, если бы намъ досталось богатство Креза!... Но его нѣтъ — и мы кланяемся въ поясъ, пляшемъ по дудкѣ тѣхъ людей, у которыхъ по милости природы есть нѣсколько сотъ душъ, не считая своей.

Отецъ Аделаиды З., старый солдатъ, всегда сберегавшій денежку про черный день, не хотѣлъ знать никого въ свѣтѣ, кромѣ золотыхъ и серебряныхъ кружковъ. Онъ приходилъ въ поэтическій восторгъ отъ цыфрей, когда подъ ними разумѣлись или рубли, или души, — а тутъ, словно бѣсъ изъ преисподней, возникъ передъ нимъ извѣстный Генералъ — и съ душами и съ деньгами. Онъ обомлѣлъ отъ радости, когда замѣтилъ, что Генералъ подыскивается подъ благосклонность его дочери, и сталъ съ нетерпѣніемъ ожидать, когда онъ сдѣлаетъ торжественное предложеніе руки своей. Генералъ не замедлилъ. Аделаида плакала, но ея слезы — говорилъ отецъ — дѣвичьи, безъ толку, безъ спросу. Она не знаетъ цѣны имъ и тратитъ попусту. Смертную блѣдность приписали тому, что она не спала цѣлую ночь, думая о своемъ счастіи — и обрученіе и потомъ свадьба совершились.

Впрочемъ, этотъ случай такъ обыкновененъ, что только одинъ романистъ имѣетъ право говорить объ немъ. Мы смотримъ на

подобныя супружества такъ равнодушно, какъ будто считаемъ это уравненіемъ правъ: сколько супругъ старъ, столько супруга молода; какъ будто наперекоръ природѣ, мы до сихъ поръ еще не теряемъ своего намѣренія — соединить ледъ съ пламенемъ... Но для чего же существа, подобныя Аделаидѣ, должны гибнуть — и гибнуть не отъ непреклонной силы рока, а отъ непреклонной прихоти людей?... Мы своевольно хотимъ затоптать тѣ цвѣты, которые были бы веселіемъ очей нашихъ, которыхъ благоуханіе мы впивали бы вмѣстѣ съ мыслью о небесномъ наслажденіи. ... О, какъ много было этихъ существъ, роскошныхъ, упоительныхъ, которыхъ мы подвели подъ жертвенный ножъ своего честолюбія, своей алчности къ золоту! Намъ мало было опытовъ! Мы тогда только начинаемъ раскаяваться, когда увидимъ юное чело, осѣненное могильнымъ вѣнкомъ; когда гробъ безмолвно выскажетъ намъ длинную повѣсть убитаго счастія, разрушенныхъ надеждъ.... Тогда мы на полусинемъ лицѣ мертвеца стараем-

ся прочесть всѣ его тайныя мысли, всѣ предмогильныя горести, которыхъ сѣмя мы бросили въ грудь его... О, страшна эта повѣсть! Вы ничего на ней не прочтете ясно; но ваше сердце, ваше умственное око разгадаетъ и этотъ закрывшійся взоръ, закрывшійся будто отъ того, что онъ и теперь еще страшится остановиться на васъ; и эту многострадательную улыбку, оледенѣвшую отъ прикосновенія смерти; и эти руки, сложенныя крестомъ... но, право, я это все шучу! Я знаю, что и вы вѣрно принимаете это за шутку.... Какъ? — Кто же можетъ говорить, что въ нашъ вѣкъ можно быть несчастливымъ съ деньгами! быть несчастливою дѣвушкѣ, вышедшей замужъ за Его Превосходительство!... Что смотрѣть на любовь! любовь — дымъ, отъ котораго болитъ голова, — такъ дайте же понюхать спирту — это пройдетъ! Первая любовь убѣжитъ изъ сердца, когда оно имѣетъ уже право на титулъ Превосходительства, Сіятельства. Да притомъ — и новыя кареты и новыя платья и все новое

по послѣднему парижскому журналу — какъ будто не-чѣмъ заняться, кромѣ любви! Да притомъ же и любовь — она еще не ушла; можно возвратить ее, можно блистать въ обществѣ — и еще съ бо́льшею свободою, нежели прежде! — Вонъ, Его Превосходительство, или Его Сіятельство сидитъ преспокойно въ креслахъ, то дремлетъ, то нюхаетъ табакъ, то тасуетъ карты... а вы — сколько вамъ угодно танцуйте, пойте, разговаривайте, кокетствуйте, браните вашего мужа, жалуйтесь на его холодность, на его докучливость и скучливость... около васъ будетъ виться молодежь, будетъ ловить ваши взгляды, ваши улыбки — и вы будто не будете счастливы?... Да счастіе-то именно и стоитъ на запяткахъ стараго мужа!

Генералъ отъ природы былъ человѣкъ добрый, любившій болѣе всего разсказывать о своихъ походахъ, можетъ быть отъ того, что въ самомъ дѣлѣ былъ опытный морякъ, котораго большая часть жизни протекла на палубѣ, всматриваясь въ голубое небо, въ синее море, въ свѣтящіяся пуы-

ки, въ прекрасныя веревки — этѣ корабельныя жилы! — Онъ былъ вездѣ. Онъ видѣлъ толстыхъ Голландокъ, миловидныхъ Англичанокъ, огненныхъ Испанокъ. Изъ Дувра онъ переѣхалъ въ Кале — видѣлъ Парижъ — эту гостинницу міра, какъ говорятъ Французы; гулялъ по Пале-Роялю; сбирался-было жениться на хорошенькой Француженкѣ, но ему много наговорили объ Италіянскихъ красавицахъ — онъ поѣхалъ туда — и въ самомъ дѣлѣ женился. Тогда ему еще было только тридцать лѣтъ; но жена его умерла чрезъ два года — и послѣ этого цѣлые двадцать лѣтъ Генералъ искалъ, кто бы могъ замѣнить его первую жену — жребій выпалъ на Аделаиду.

И онъ думалъ, что Аделаида непремѣнно должна быть съ нимъ счастлива.

Однажды утромъ — это было въ тотъ самый день, когда докторъ положилъ навѣрнякъ, что Маринъ сумасшедшій, — Генералъ вошелъ къ Аделаидѣ. Она была печальна; можно было узнать, что она не-

давно еще объ чемъ-то плакала; но она вдругъ перемѣнила выраженіе своего лица и старалась показаться веселою, даже счастливою.

— А я сей часъ осматривалъ новый нашъ домъ на дачѣ, сказалъ онъ. Домъ прелестный, душенька! Я увѣренъ, что онъ тебѣ понравится, и что ты за него подаришь мнѣ лишній поцѣлуй.

Аделаида встала и поцѣловала его.

— Я буду заботиться о твоемъ счастіи, ангелъ мой! продолжалъ Генералъ. Ты будешь не супруга моя — ты будешь моя дочь! Я буду носить на рукахъ тебя. Ты сдѣлаешь изъ меня своею любовью все, что только захочешь!

Слеза заблестала на рѣсницѣ Аделаиды.

Генералъ отвернулся, какъ бы не замѣчая слезы этой.

Въ эту минуту вошелъ Маринъ съ видомъ, который носилъ на себѣ всѣ признаки жестокой болѣзни, хотя, можетъ быть, болѣе нравственной, нежели физической.

Генералъ съ гнѣвнымъ вопрошающимъ взоромъ обратился къ нему.

Аделаида казалась безчувственною, только ея взоръ былъ неподвижно остановленъ на Маринѣ — и съ участіемъ, и съ страхомъ; правая рука судорожно прижималась къ груди.

Маринъ бросилъ на нее звѣрскій взглядъ, и обратился къ Генералу, вынувши два пистолета.

— Ни слова, Генералъ! сказалъ онъ. Если вы позовете на помощь людей, я застрѣлю васъ и себя!

Генералъ опустился въ кресла.

— Но я не пришелъ пугать васъ, Генералъ, продолжалъ Маринъ — и потомъ, обратившись къ Аделаидѣ — я пришелъ благодарить васъ за вашу любовь, за ваше искуство клясться въ любви! сказалъ онъ. — Вы съ такою ангельскою невинностію увѣрили меня, что я дался обману.... Я никогда не подозрѣвалъ въ вашемъ сердцѣ

столько коварства.... О, вы прекрасно сыграли свою ролю!... Вы накинули на глаза мои покрывало изъ вашихъ чистосердечныхъ словъ, изъ вашихъ простосердечныхъ насмѣшекъ... И вы такъ кстати умѣли вызвать слезы на ваши рѣсницы, что я видѣлъ въ васъ ангела, слетѣвшаго въ эту минуту съ неба... Да, смѣйтесь же и теперь, потому что только теперь я могу вполнѣ оцѣнить ваше искуство!... Но вы не будете отъ этого счастливѣе.... Если я для васъ жертвовалъ своею жизнію, если только еще за одну минуту я былъ на одинъ шагъ отъ смерти — о, для чего я не умеръ!... то вы все не можете назваться счастливою.... вы разорвали мое сердце... вы наругались надъ моей святынею, которую я носилъ въ сердцѣ своемъ.... съ сей минуты вы осудили меня на одиночество во всемъ мірѣ... что бы я скитался бездомнымъ странникомъ.... что бы воспоминаніе, какъ змѣя, безпрестанно обвивалось около моего сердца и изливало въ него ядъ свой — ядъ медленный, кото-

рый цѣлый вѣкъ будетъ течь въ жилахъ моихъ, вмѣстѣ съ моею кровью.... О, радуйтесь — съ этой минуты нѣтъ мнѣ ни счастія, ни одной капли утѣшенія, ничего, отъ чего я могъ бы хоть на одинъ мигъ забыться!.. Я во всякомъ взорѣ теперь буду видѣть ваши насмѣшки, ваше предательство!.... Будьте счастливы!... Ни къ одной крошкѣ вашихъ наслажденій, вашихъ радостей вѣрно не привьется воспоминаніе о моемъ бѣдствіи, о кровавыхъ слезахъ, пролитыхъ за васъ и объ васъ... Вы женщина... для васъ вездѣ только цвѣтутъ розы... вы отъ грусти отдѣлываетесь слезами, отъ укоровъ — обморокомъ.... Что же вы не упадете въ обморокъ? — Это къ вамъ пристанетъ... Вы и въ обморокѣ умѣете живописно разметать свои локоны... наклонить головку... вы изъ ничего умѣете сдѣлать все, изъ всего ничего!... Ваша любовь, какъ подсолнечникъ, обращается только въ ту сторону, гдѣ вамъ представляется выгодная партія... ваши ласки льнутъ только къ тому, кто не

нуждается въ нихъ.... вы смѣетесь надъ тѣмъ, который за одинъ вашъ взглядъ вымѣнялъ бы свое счастіе, за одинъ поцѣлуй жизнь свою. ... вы смѣетесь, когда отчаяніе разрываетъ грудь нашу... на ваше лице слетаетъ лучь радости, когда для насъ въ цѣлую жизнь не проблеснетъ лучь забвенія!... О, если бы я могъ когда нибудь забыть васъ!... Но, нѣтъ! съ этой минуты весь міръ будетъ мнѣ пустынею, въ которой нѣтъ предмета, гдѣ бы могъ остановиться взоръ мой... вездѣ я буду встрѣчать вашъ образъ... онъ не покинетъ меня во глубинѣ могильной.... цѣлая жизнь будетъ для меня однимъ мгновеніемъ, въ которое я встрѣтилъ на вашемъ лицѣ насмѣшку и предательство.... о, будьте счастливы!... Не всѣ имѣютъ такую счастливую судьбу, какъ вы — плыть, куда понесетъ васъ благопріятный вѣтеръ. ... Расточайте новыя улыбки новымъ обожателямъ... смѣйтесь надъ вашимъ мужемъ — для васъ много предстоитъ побѣдъ еще!... Еще не два пистолета, не двѣ сабли поднимутся за честь

вашего имени.... А я!... но, нѣтъ! не думайте, что бы я когда нибудь любилъ васъ — я также смѣялся надъ вами!... Я едва могъ скрыть хохотъ свой, когда вы говорили, что меня любите... Признаюсь, завидная любовь!... Но, не думайте, что я презираю васъ... нѣтъ... мнѣ незачто ни любить, ни презирать васъ... Я васъ видѣлъ — я васъ забылъ — вотъ все мое отношеніе къ вамъ!... Не знаю, вѣрили ли вы, что я говорилъ вамъ... я думаю, что также не вѣрили и не заботились — это обыкновенно говорятъ всякой женщинѣ, хотя немного красивой... Но я чуть не захохоталъ, когда вы позволили мнѣ поцѣловать васъ въ то время, какъ мы никѣмъ не могли быть замѣчены... Пожалуйста разувѣрьтесь: я еще вчера клялся также въ любви — мнѣ и здѣсь, разумѣется, не вѣрили, но смотрѣли въ глаза. . . . и утирали платкомъ свои глаза. Жалѣю, что вы тогда зыбыли сдѣлать это! . . . Вѣрно ваше вниманіе было развлечено какимъ нибудь другимъ предметомъ.... вы смотрѣли, кто лучше и легче

дѣлалъ па... Вотъ какова была ваша любовь и какова моя!... Благодарю васъ и за это... я не ожидалъ отъ васъ болѣе, и вы, вѣроятно, отъ меня также.... прощайте!

Маринъ вышелъ колеблющимися шагами. Онъ не помнилъ самъ себя.

Аделаида лежала безъ чувствъ.

ГЛАВА VIII.

На другое утро докторъ Лизинскій вышелъ изъ комнаты больнаго Марина и встрѣтился въ гостиной съ Лерскимъ.

— Что, Александръ Петровичъ? спросилъ послѣдній съ тревожнымъ участіемъ.

— Нѣтъ никакой надежды! отвѣчалъ докторъ. Въ немъ примѣтно разстройство ума. Конецъ его близокъ. Завтра въ 6 часовъ утра онъ умретъ!

— Умретъ? завтра? вскрикнулъ Лерскій.

— Да, завтра! отвѣчалъ докторъ. Со страстями шутить не надобно! Умѣренные могутъ поддержать жизнь, неумѣренные убить.

Подполковникъ закрылъ руками глаза свои и пошелъ къ больному.

Докторъ поѣхалъ къ другому паціенту.

ГЛАВА IX.

Кто въ дань ему прольетъ слезу
живую?

Князь Вяземскій.

Смертью кончилась, смертью и должна была кончиться любовь Марина. Но онъ погибъ не одинъ: онъ увлекъ въ свою погибель и Аделаиду, ту, которую онъ называлъ своею жизнію, своею душой! Она не могла перенести его упрековъ. Онъ достигъ своей цѣли, если у него была какая нибудь

цѣль! Слова: я не любилъ, я никогда не любилъ тебя — разорвали ея сердце... и эти слова были произнесены въ ту минуту, когда Аделаида оплакивала свою судьбу, такъ безжалостно бросившую ее въ объятія другаго, такъ нежданно разрушившую ея счастіе!.. Одну радость, одно утѣшеніе находила она еще для себя: думать, вспоминать о любви Марина, любви потерянной навѣки, хотя эта дума, это воспоминаніе, какъ кольца одной цѣпи, были спаены съ муками!... О, не всегда воспоминаніе врачуетъ бальзамомъ наши раны; иногда онъ растравляетъ ихъ! Счастливъ ли, утѣшенъ ли супругъ, когда онъ приходитъ на могильный холмъ своей супруги?... А онъ въ эту минуту живетъ воспоминаніемъ... оно обвиваетъ чернымъ крепомъ его сердце, чувства, мысли его.... онъ срываетъ цвѣтокъ съ незабвенной могилы, цѣлуетъ его и думаетъ: не душа ли это моей возлюбленной! не она ли подаетъ этимъ цвѣткомъ вѣсть мнѣ, что она помнитъ меня за гробомъ, что она еще думаетъ о сиротѣ, забытомъ ею на землѣ!...

не отъ слезъ ли моихъ выросъ цвѣтокъ этотъ!.. О, лейтесь же, слезы — вы оживете цвѣтками на груди незабвенной! Вы символъ любви ея!

Маринъ, можетъ быть, въ ту минуту не понималъ, что̀ онъ хотѣлъ сказать, что̀ онъ сказалъ Аделаидѣ. — Слова доктора, что Аделаида вышла за-мужъ, кольнули ножемъ въ его сердце. Онъ думалъ уже только объ одномъ удовлетвореніи мщенія. Гибельная мысль: сказать, что въ его сердцѣ никогда не существовало любви къ ней, какъ тать подкралась къ нему — и онъ ей обрадовался, какъ небесному гостю!... Въ самомъ дѣлѣ, неумышленное болтовство доктора должно было казаться ему ядовитою насмѣшкою... Онъ передъ этимъ только мечталъ: какое счастіе его ожидаетъ въ любви Аделаиды, въ любви чистой, въ любви, которая одна могла сдѣлать его счастливымъ — и что же вышло? и гдѣ-же исполненіе клятвы? — Не вѣчность, а мѣсяцъ прошелъ только съ того вечера, — а уже онъ забытъ, уже онъ презрѣнъ!... Онъ не хотѣлъ дѣлать

никакихъ догадокъ, и не могъ въ этѣ минуты... Онъ забылъ объ отношеніяхъ общества, забылъ, что ее могли принудить... Одна только мысль, что Аделаида надъ нимъ смѣялась, — осталась, осѣла на его сердцѣ, и какъ ржавчина грызла его... О, если бы одно слово, одна буква сомнѣнія въ обманѣ пролетѣла передъ его глазами, — онъ могъ бы, онъ былъ бы еще счастливымъ!

ГЛАВА X.

Онъ совершилъ судьбы завѣтъ,
Судьбы враждебной, съ юныхъ лѣтъ
И до конца непримиримой!

Баратынскій.

Два года спустя послѣ послѣдняго происшествія, въ одинъ прекрасный Іюльскій вечеръ, на Невскомъ проспектѣ встрѣтились два знакомые намъ человѣка.

— А, господинъ докторъ! сказалъ поручикъ Каринъ... Сколько лѣтъ, сколько зимъ! — Онъ схватилъ Лизинскаго за руку.

— Круглымъ числомъ четыре, г. поручикъ. — Но что же васъ такъ давно не видать было у насъ въ Петербургѣ?.. Впрочемъ, я и самъ былъ въ отъѣздѣ.

— Понимаю, отвѣчалъ Каринъ. — Вы вѣрно кого нибудь провожали на упокой!

— Старыя шутки, господинъ поручикъ! Вы все еще не отстаете отъ нихъ... а пора! Вы, кажется, уже женаты?

— Ваша правда, любезный докторъ. У меня уже родился сынъ — двѣ капли воды маменька, полненькій, розовенькій!

— Я бы болѣе былъ радъ, если бы онъ болѣе походилъ на васъ. Впрочемъ, не примите этого за насмѣшку — я уже отсталъ отъ подобныхъ странностей.

— Очень хорошо-съ! Но пойдемте распить бутылку шампанскаго въ память прежнихъ, какъ вы называете, странностей.

— О, я отъ этого все еще не-прочь!

Они вошли въ гостинницу.

— Скажите пожалуйста, сказалъ докторъ, садясь и наливая бокалы, — говорятъ — я это слышалъ отъ вѣрныхъ людей, — будто капитанъ Стойкинъ женился?

Поручикъ кивнулъ головою въ знакъ подтвержденія.

— Auf ihre Gesundheit! продолжалъ докторъ. Впрочемъ, почему же и нѣтъ! Вѣдь древніе утверждаютъ, что Венера родилась изъ морской пѣны; ну, по этому не мудрено, что и Амуръ вскарабкался на корабельный носъ, и оттуда прямехонько пустилъ стрѣлу свою въ капитанъ-лейтенанта — вѣдь онъ тамъ всѣхъ замѣтнѣе!

— Да, теперь только за вами очередь, господинъ докторъ! Не компрометтируйте же насъ — женитесь! За васъ дадутъ богатое приданое, и къ нему въ придачу чудо-невѣсту!

— О, нѣтъ, господинъ поручикъ — вы шутите! Я уже устарѣлъ — а вѣдь у насъ не круглый годъ святки, что можно всегда рядиться Сатиромъ!

— Будто ужь это и всегда бываетъ, любезный докторъ! Вспомните, что эти рога выдумка поэтовъ, а поэтамъ ни въ чемъ вѣрить нельзя.

— Все такъ, господинъ поручикъ, но — ваше здоровье! — поэты сами себя называютъ пророками, и слѣдовательно нельзя опровергнуть, что и они могутъ иногда предвидѣть истину.

— Э, полно-те, господинъ докторъ, — гдѣ имъ предвидѣть, когда матушка-природа зарубила имъ на носу пѣть только про тоску, да про слезы! Всѣ они родные дѣтушки Гераклита, который цѣлое море наплакалъ слезъ своихъ — и отъ того вода въ морѣ, какъ и слеза, вкуса горько-соленаго.

— Правда, правда! подъ-стать имъ и нынѣшнія элегіи!... Да, кстати, господинъ поручикъ, я хотѣлъ васъ спросить, — куда же исчезъ этотъ Генералъ, погубившій своею любовью эту прелестную блондинку, лучшій цвѣтокъ нашей столицы?

— Онъ исчезъ. Впрочемъ, не онъ былъ причиною ея смерти , а Маринъ.

— Не говорите худаго о покойникахъ, господинъ поручикъ. Они не подлежатъ нашему суду — надъ ними совершился уже судъ Божій. Да и Аделаида уже простила его. Она слишкомъ много имѣла небеснаго, чтобы долго оставаться на землѣ нашей. ... Да и должно ли намъ жалѣть объ ней, объ ея участи?... Что бы она видѣла въ этомъ мірѣ, — она, растѣніе, занесенное вѣтромъ на неродную почву? — Она умирала бы медленной смертію.... ея жизнь была бы безконечно-грустною думой о томъ, кого она любила болѣе своей жизни — отъ него и умерла она! Правда, судьба, незахотѣвшая соединить ихъ здѣсь, выбрала слишкомъ жестокое средство соединить ихъ тамъ — но судьба не человѣкъ — противиться не возможно! Она захотѣла — она сдѣлала. Она избрала для нихъ двѣ могилы рядомъ — мы не должны говорить о замогильныхъ тайнахъ. Суевѣріе народа, имѣетъ, можетъ быть, въ основаніи истину, — но

эта истина не для насъ — мы должны только благоговѣть передъ нею.

— Да, отвѣчалъ поручикъ, — прошедшее подлежитъ забвенію. Посѣтимте же завтра могилу нашего прежняго друга, уронимъ на нее по горячей слезѣ участія и подружимся съ нимъ опять — воспоминаніемъ!

КОНЕЦЪ.

LIBRARY OF CONGRESS
00025307070